СПОСОБЪ,

которымъ можно

учить и обучаться

СЛОВЕСНЫМЪ НАУКАМЪ.

Сочиненъ

Г. РОЛЛЕНОМЪ,

а съ Французскаго на Россійской языкъ

переведенъ

Иваномъ Крюковымъ.

ЧАСТЬ I.

Вторымъ тисненїемъ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

при Императорской Академїи Наукъ

1789 года.

РЕКТОРУ,
УНИВЕРСИТЕТУ
ПИТАТЕЛЮ НАУКЪ,
И
СОСТАВЛЯЮЩИМЪ СОВѢТЪ ОНАГО.

Нѣтъ ничего, что бы могло для меня быть пріятнѣе или славнѣе какъ изданіе подъ вашимъ предводительствомъ сего сочиненія, предпріятаго мною особливо по вашему приказанію. Я давно уже искалъ случая засвидѣтельствовать предъ всѣми мою чувствительнѣйшую и искреннюю благодарность къ Университету, которой почитаю не иначе, какъ такимъ воспитателемъ, коему я по Богѣ всемъ обязанъ. Возращенъ будучи на лонѣ его отъ моего младенчества, и воспитанъ млекомъ его ученія, ежели я пріобрѣлъ какое знаніе въ наукахъ, ежели имѣю сколько нибудь любви къ истиннѣ, сколько нибудь вкусу въ благочестіи; то всемъ тѣмъ ему долженствую. Я почерпнулъ сія столь великая благая въ щедрыхъ

источникахъ, которые вы держите отверсты какъ скуднымъ, такъ и богатымъ, какъ худороднымъ, такъ и изъ высокаго роду произшедшимъ, что я по счастію извѣдалъ съ премногими другими. Вы наставивъ меня полезными правилами во время прохожденія моихъ ученій, проведъ черезъ различныя степени публичной профессіи, и неоднократно почтивъ первымъ достоинствомъ вашего общества, на конецъ по многолѣтной службѣ дали мнѣ убѣжище, въ которомъ бы я могъ наслаждаться честнымъ спокойствіемъ.

Но какъ, по мнѣнію одного изъ мудрѣйшихъ мужей въ древности, мы должны быть въ состояніи отдавать отчетъ не меньше въ нашемъ покоѣ, какъ и во времени нашихъ упражненій; и какъ не позволено честному человѣку, а еще меньше того Христіанину, предаваться въ бездѣйствіе и нѣгу; то я вамъ и приношу плоды моего покоя, плоды, которые къ вамъ принадлежатъ, по тому

что они произрасли на вашемъ плодоносномъ полѣ, если только не отступаютъ отъ доброты земли, ихъ взростившей!

По вашему соизволенїю я обязался симъ предпрїятїемъ. Избранъ будучи вами принесть благодаренїе Королю по случаю предписаннаго имъ намъ постановленїя, чтобы безденежно преподавать наставленїя учащимся, гдѣ я старался изъяснить кратко, сколь велики всегда были раченїе и ревность Университета наставлять молодыхъ людей не только въ наукахъ, но еще болѣе того въ добронравїи и законѣ. Чего не могъ я показать, какъ только вообще, и коснуться иначе, какъ съ легка, по причинѣ краткости предписаннаго мнѣ времени, то вы мнѣ велѣли предложить съ большею пространностїю. Я весма чувствовалъ, что такое сочиненїе было сверьхъ силъ моихъ: однакожъ лучше избралъ показаться неразсуднымъ, нежели непослушнымъ. Я немедлѣнно принялся за

перо, и положилъ намѣренїе писать по Французски, дабы меня разумѣть могло большее число нашихъ единоземцовъ. Вотъ перьвая половина сочиненїя, которую предаю на ваше разсужденїе; я сочту себя довольно вознагражденнымъ за мой трудъ, ежели вы скажете, что онъ можетъ быть сколько нибудь полезенъ юношеству.

Въ сей части, которая выходитъ нынѣ въ свѣтъ, мое главное намѣренїе было (не касаясь въ семъ мѣстѣ до того, что надлежитъ до благочестїя и добронравїя) предложить письменно и утвердить непоколебимымъ образомъ порядокъ обученїя, которой у васъ давно употребляется, и которой сохранился до сего времени токмо изустнымъ постановленїемъ, и какъ будто нѣкоторымъ преданїемъ: воздвигнуть, по моей возможности, твердой монументъ правилъ и оныхъ употребленїя, коимъ вы слѣдуете въ наставленїи юношества, дабы сохранить во всей цѣлости истин-

ной вкусъ въ наукахъ словесныхъ, и поставить его въ безопасности, естьли можно, отъ перемѣнъ и поврежденій, которыя производитъ время. Сей вкусъ царствуетъ нынѣ между вами, и во всей Франціи, и чрезъ счастливыя и нечувствительныя приращенія, достигъ онъ почти до самаго верху совершенства. Вѣкъ Лудовика Великаго, вѣкъ славный столь многими чудесами, а особливо изобильный великими и сильными разумами представилъ намъ точное изображеніе ученаго и просвѣщеннаго вѣка Августова, и чрезъ сочиненія, которыя никогда не погибнутъ, снискалъ Франціи отечеству нашему безсмертную славу. Но чемъ выше поднялася сія слава имени Французскаго, тѣмъ больше надлежитъ опасаться, чтобъ она, не въ силахъ нынѣ будучи возрастать болѣе, не начала можетъ быть упадать и уменьшаться.

Но я осмѣливаюсь здѣсь сказать, что стража сего драгоцѣннаго залога предана особливо въ ваши руки, и ввѣрена вашему

раченїю. Наши Короли, которымъ долженствуетъ своимъ начатїемъ Парижской университетъ, коего славнѣйшїй титулъ есть титулъ старшаго королевскаго сына; наши, говорю я, Короли благоволили, чтобъ у васъ находилось открытое училище для всѣхъ наукъ, а особливо для сего рода познанїй, которой воспитываетъ и направляетъ разумы къ превосходной наукѣ краснорѣчїя. Они хотѣли, основывая ваше общество, основать для Краснорѣчїя, которое удостоилось назваться обладателемъ мїра, обиталище, отечество, надежную крѣпость, дабы орошаясь источниками древности Греческой и Латинской, оно не принимало смѣшенїя прельщающей новости, и дабы воспитываемо будучи, такъ сказать, вашими руками въ древнемъ вкусѣ, и хранимо подъ строгою опекою противъ дерзости развратителей, никогда не попускало себя портить такими прикрасами и нарядами, кои недостойны его чистоты.

Когда я говорю, что вы обременены попеченїемъ сохранять сей доброй вкусъ

въ ученыхъ дѣлахъ, что не хочу безразсудно распространять нашихъ должностей далѣе ихъ надлежащихъ предѣловъ, и утверждать, чтобъ при выходѣ изъ нашихъ училищь тѣ, которые въ нихъ обучались, достигли до всего того, что есть самое трудное почти въ свѣтѣ, то есть, чтобъ были совершенные Ораторы, Стихотворцы, Философы. Наша должность есть начать и означить дѣло, и положить первыя его черты, а не приводить его въ крайнее совершенство. Мы показываемъ молодымъ людямъ извѣстную мѣту, къ которой они должны стремиться, надежной путь, котораго должны держаться, обманы и опасности, которыхъ должны убѣгать. Словомъ сказать, мы полагаемъ твердыя основанія всего дѣла: мы разсыпаемъ доброе сѣмя, сѣмя отборное, чистое, превосходное всѣхъ благородныхъ наукъ. Но кто не знаетъ какова есть сила сѣмени въ прозращеніяхъ земли, какова есть важность основаній въ зданіяхъ. Все зависитъ отъ началъ; однакожъ сіи начала

скрыты и не видны бываютъ. Съ первыхъ и съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ отроки показываютъ нѣкоторыя какъ будто искры и блески разума, увѣдомляющїя насъ, что нѣтъ столь слабаго возраста, которой бы не могъ понимать истины, и направляться къ доброму вкусу. Въ сочиненїяхъ древнихъ писателей, ими читаемыхъ, лишъ только бы имѣли добраго предводителя, могутъ они удобно, дѣлая выборъ изъ столь многихъ и превосходныхъ вещей со всѣхъ сторонъ представляющихся, найти цвѣтъ самой естественной и такой прїятности; или лучше сказать, могутъ собрать множество плодовъ удивительной доброты, коими они будутъ ежедневно питаться, и чрезъ сїе навыкнутъ вкушать только то, что есть самое совершенное. Разумъ напоенный симъ сокомъ древности, превращаетъ его въ свое существо, и укрѣпляясь мало по малу достигаетъ до того, что понятїе объ изрядствѣ, которое стало довольно извѣстно чрезъ обращенїе съ древними, и начерталось глубоко въ ду-

шѣ, производитъ въ ней свое дѣйствіе, хотя о томъ и не думаютъ, и дѣлаетъ сочиненіе похожимъ на образецъ безъ всякаго разсужденія сочинителя; словомъ сказать, оно раждаетъ въ нынѣшнихъ людяхъ вкусъ въ Аттической красотѣ, и Римской вѣжливости.

Такимъ то образомъ дѣлаются великіе люди вь ученой Республикѣ. Изъ сего то источника вышло сіе множество превосходныхъ писателей во всякомъ родѣ, которые украшали вѣкъ Лудовика XIV, и кои славятся еще и нынѣ. Всѣ они имѣли древній вкусъ, такъ что довольно легкаго понятія о древности, чтобъ узнать, что они всѣ предпріяли писать, обогатясь напередъ остатками Рима и Аѳинъ.

И такъ намъ, которыхъ университетъ, питатель благородныхъ наукъ, обременилъ публичною должностію обучать, надлежитъ почесть за обязательство, чтобъ быть стражами подъ его

именемъ, и по его приказанію, старающимися съ несказаннымъ вниманіемъ воспрепятствовать, чтобъ сіе добро столь драгое нашему народу не повредилось въ своемъ корнѣ и основаніи; чтобъ молодые люди изумленные пріятностьми сихъ ложныхъ блесковъ, которые у насъ входятъ въ употребленіе вмѣсто питательныхъ плодовъ, не гонялись за цвѣточками, не имѣющими ничего, какъ только пустое сіяніе, и чтобъ поелику они не очень могутъ быть осторожны, и удобно прельщаются обманчивыми видами, не впали въ нѣкоторые обманы, кои часто ихъ окружаютъ, скрыты будучи подъ важнѣйшими именами. Ибо есть хитрости изготовленныя со всѣхъ сторонъ, чтобъ уловить разумы молодыхъ людей, ежели мы сей развратности и сему худому вкусу, которой день отъ дня возрастаетъ, не противуположимъ сильнаго препятствія укрѣпляя ихъ чрезъ всегдашнее чтеніе древнихъ, и тѣхъ изъ нынѣшнихъ писателей, въ которыхъ царствуетъ равнымъ

образомъ вычищенной вкусъ здраваго краснорѣчія.

Сей долгъ Академическаго наставленія никогда у насъ пренебреженъ не былъ: искусные учители, которые во всѣ времена составляли славу университета, старались его исполнить. Однакожъ надлежитъ признаться, что нынѣ ревность наша возбуждается сильнѣйшимъ поощреніемъ противъ прежняго, съ тѣхъ поръ какъ Король, основывая у насъ безденежное наставленіе, чрезъ сію щедроту Государя по истиннѣ достойную показалъ себя вторымъ основателемъ нашего университета, и отцомъ наукъ и ученыхъ людей. Сіе благодѣяніе жаръ нашъ воспламенило, и бодрость увеличило. Это было не безъ чувствованія нѣкотораго стыда, что мы называясь по состоянію своему Профессорами нашего слова, Краснорѣчія, Философіи, то есть, благороднѣйшихъ наукъ, видѣли себя почти подобныхъ наемникамъ, и принужденныхъ дѣлать продажными у-

слуги столь высокаго званія. Мы съ неудовольствіемъ нашимъ долженствовали требовать отъ своихъ учениковъ другова награжденія, кромѣ благодарности и усердія, за такой трудъ, которой не долженъ погибать, но котораго и продавать не пристойно. Наконецъ милость и щедрота Государя освободили насъ отъ сего порабощенія какъ обременительнаго, такъ и непристойнаго. Чрезъ сію милость и щедроту онъ благоволилъ освятить перьвыя начатія своей жизни и царствованія, и приготовиться къ счастливой привычкѣ разсыпать благодѣянія. Въ такомъ возрастѣ, въ которомъ еще не дѣйствуетъ властію ему принадлежащею, онъ чрезъ поданіе начинаетъ употреблять правила царскаго достоинства. Сія любезная и августѣйшая рука, носящая скипетръ, не въ состояніи будучи имъ править, для слабости неспособная еще къ употребленію оружія, извѣдываетъ свои силы щедрымъ раздѣленіемъ даровъ своихъ.

... не исполнила новымъ
... столь достойная на-
..., и похвалъ безсмертныхъ?
... она не произвела сего восторга
...столь славнаго у Стихотворцовъ? мы
тщились другъ передъ другомъ свидѣ-
тельствовать нашу благодарность одни
стихитворческими сочиненіями на Грече-
скомъ, Латинскомъ и Французскомъ я-
зыкахъ; другіе публичными рѣчами, го-
воренными въ разныхъ случаяхъ; нѣко-
торые сочиненіями о различныхъ мате-
ріяхъ Литтературы, а всѣ вѣрностію и
горячностію совершеннѣйшею, нежели преж-
де сего, исполнять первую и главную
изъ должностей, которыя университетъ
намъ налагаетъ, состоящую въ настав-
леніи учащихся: словомъ сказать, всякой
по своимъ силамъ счелъ себя обязаннымъ
стараться показать, что благодѣяніе Ко-
роля пало на благодарныя сердца, на лю-
дей, которые не со всемъ недостойны его
королевскихъ милостей.

Въ сей общей ревности, въ семъ во-
зобновленіи столь похвальной всѣхъ го-

рячности, да буде[illegible]
нять нѣкое участі[illegible]
бую дань, котораябъ могла [illegible]
крайней мѣрѣ свидѣтельствомъ и[illegible]
и чувствительнѣйшей благодарности, и
глубочайшаго почтенія, съ которымъ я
есмь, и протч.

РЕЕСТРЪ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

страп.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Способъ, коимъ можно учить и обучаться Словесныхъ Наукъ.

ГЛАВА ПЕРЬВАЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Парижской университетъ, основанной Французскими Королями съ тѣмъ, чтобъ онъ трудился въ наставленіи юношества, предлагаетъ себѣ въ сей столь важной должности три великіе предмѣта: знаніе, нравы, законъ. Во первыхъ онъ помышляетъ просвѣтить разумъ молодыхъ людей, и украсить его всѣми тѣми познаніями, къ которымъ они тогда бываютъ способны. По семъ онъ предпріемлетъ исправить ихъ сердце, начертавъ въ немъ основанія чести и добродѣтели, дабы ихъ здѣлать добрыми гражданами. Напослѣдокъ онъ тщится окончить и совершить то, что онъ по сіе время лишь только началъ, и прилагаетъ къ тому труды, чтобъ совсемъ отправить свое дѣло, учинивъ ихъ Христіанами.

Наставленіе молодыхъ людей имѣетъ три предмѣта.

Сіе есть намѣреніе, которое имѣли наши Короли въ учрежденіи университета; сіе также составляетъ тѣ должности, которыя они сами ему предписали въ различныхъ Регламентахъ ему данныхъ, чтобъ привесть его въ состояніе соотвѣтствовать ихъ произволеніямъ. Регламентъ блаженной памяти Генрика IV. начинается сими словами: „благополучіе государствъ и народовъ, а осо-

„бливо Христїанскаго общества, зависит
„отъ добраго воспитанїя юношества, кото-
„рое съ тѣмъ намѣренїемъ предпринимается,
„чтобъ просвѣтить и выполировать изуче-
„нїемъ наукъ грубой еще разумъ молодыхъ
„людей, чтобъ прїуготовить ихъ чрезъ сїе
„къ отправленїю по надлежащему тѣхъ дол-
„жностей, которыя имъ опредѣляются, безъ
„чего они безполезныбъ были обществу; на-
„конецъ чтобъ научить ихъ благоговѣйному
„и искреннему поклоненїю, котораго Богъ
„отъ нихъ требуетъ, ненарушимому усер-
„дїю, которымъ они своимъ родителямъ и
„отечеству обязаны, почтенїю и покорно-
„сти, которыя они долженствуютъ оказы-
„вать Государямъ и правителямъ.„

Теперь я разсмотрю порознь каждой изъ сихъ трехъ предмѣтовъ, и постараюсь показать, сколь нужно имѣть ихъ всегда передъ глазами при воспитанїи молодыхъ людей.

ПЕРВОЙ ПРЕДМѢТЪ УЧЕНІЯ.

Изученїе свободныхъ наукъ и знанїй просвѣщаетъ разумъ.

Различїе, ко- Чтобъ понять точно важность званїй тѣхъ особъ, которыя опредѣляются обу-

чать молодыхъ людей языковъ, словесныхъ наукъ, Исторïи, Риторики, Философïи и другихъ знанïй, которыя приличествуютъ сему возрасту; и чтобъ познать, сколь много такïя ученïя могутъ служить къ славѣ государства; надлежитъ единственно разсудить о томъ различïи, которое сïи изрядныя ученïя полагаютъ не только между особыми людьми, но и между цѣлыми народами.

торое ученïе полагаетъ между людьми.

Аѳиняне небольшую земли часть въ Грецïи занимали; но была ли такая страна, куда бы похвала ихъ не распространилась? Приводя науки въ ихъ совершенство, они вознесли свою славу на самой верьхъ величества. Одна и тажъ самая школа произвела рѣдкихъ мужей во всякомъ родѣ. Изъ нее вышли великïе Ораторы, славные воины, мудрые законодавцы, искусные политики. Сей изобильной источникъ сообщилъ такïяжъ выгодности всѣмъ благороднымъ художествамъ, которыя казались наименьшее къ нему отношенïе имѣющими; музыкѣ, живописи, рѣзбѣ, домостроительству. Онъ ихъ исправилъ, возвысилъ, совершилъ; и какъ будто бы они произошли отъ одного корня, и воспитались однимъ сокомъ; онъ здѣлалъ, что они разцвѣли всѣ въ одно время.

Римъ чрезъ свои побѣды здѣлавшись обладателемъ свѣта, здѣлался его удивленїемъ и образцомъ чрезъ красоту ученыхъ дѣлъ, которыя онъ издалъ во всякомъ почти родѣ, и чрезъ то надъ народами, которыхъ онъ подвергнулъ своей власти, сыскалъ другова роду начальство несравненно прїятнѣйшее, нежели то, которое происходитъ только отъ оружїя и завоеванїй.

Африка, прежде сего столь плодовитая, столь изобильная великими разумами и просвѣщенїемъ, впала отъ забвенїя словесныхъ наукъ въ крайнюю безплодность, и въ самое варварство, котораго она и имя на себѣ носитъ, такъ что чрезъ столь многїе протекшїе вѣки она не произвела ни одного человѣка, которой бы себя отмѣнилъ какимъ нибудь дарованїемъ, и которой бы привелъ на память достоинство предковъ своихъ, илибъ которой хоть самъ о томъ вспомнилъ. Тожъ самое особливо сказать можно объ Египтѣ, которой почитался источникомъ всѣхъ наукъ.

Противное тому случилось съ западными и сѣверными народами. Они чрезъ долгое время щиталисъ невѣждами и варварами за тѣмъ, что они не имѣли вкусу въ ученыхъ дѣлахъ. Но какъ скоро начались у нихъ

благородныя ученія, то они показали великихъ мужей, которые во всякомъ родѣ учености и званія достигли до того, что другіе народы имѣли твердѣйшаго, просвѣщеннѣйшаго, глубочайшаго и превосходнѣйшаго.

Мы видимъ ежедневно, что науки, переходя къ новымъ народамъ, превращаютъ ихъ совсемъ въ другихъ людей, и что онѣ сообщая имъ пріятнѣйшія склонности и нравы, порядочнѣйшее правленіе, милостивѣйшіе законы, выводятъ ихъ изъ тьмы, въ которой они до сего времени закоснѣвали, и изъ той грубости, которая имъ была врожденна. Такимъ образомъ они дѣлаются яснымъ доказательствомъ, что въ различныхъ климатахъ разумы почти бываютъ одинаковы; что однѣ науки полагаютъ между ими столь почтительное различіе; и что смотря на упражненіе въ нихъ, или на ихъ пренебреженіе, онѣ возвышаютъ или унижаютъ народовъ, выводятъ ихъ изъ мраку, или опять ввергаютъ въ оной, такъ что онѣ почесться могутъ опредѣлительницами ихъ судьбы.

Но, безъ разсматриванія исторіи, довольно и того, чтобъ взглянуть на произшествія натуры. Она показываетъ намъ безмѣрное различіе, которое полагаетъ обработываніе между двумя землями, въ прочемъ весьма

подобными. Одна будучи заброшена пребываетъ грубою, жосткою, и обрастаетъ тернами. Другая наполнена будучи всякаго роду зернами и плодами, и украшена пріятною разностію цвѣтовъ, заключаетъ въ небольшемъ мѣстѣ все то, что есть самаго рѣдкаго, здраваго, пріятнаго; и чрезъ попеченія своего хозяина дѣлается щастливымъ сокращеніемъ всѣхъ красотъ, усматриваемыхъ въ различныя времена въ различныхъ сторонахъ. Таковъ точно находится разумъ нашъ: мы всегда награждены бываемъ съ излишествомъ за попеченіе, которое мы принимаемъ о просвѣщеніи его. Сія то есть земля столь богатая, и столь плодовитая, столь способная къ безсмертнымъ произращеніямъ, и столь достойная всего нашего вниманія; земля, которую всякой человѣкъ, чувствующій благородность своего происхожденія и судьбы удобрять долженствуетъ.

Ученіе подаетъ разуму возвышеніе и пространство.

Въ самомъ дѣлѣ разумъ питается, и укрѣпляетъ себя высокими истиннами, которыя подаетъ ему ученіе. Онъ растетъ и увеличивается съ великими мужами, которыхъ сочиненія онъ выучиваетъ, такъ какъ люди перенимаютъ поступки и склонности тѣхъ, съ которыми они повседневно обращаются. Онъ побуждается благородною нѣкоторою

ревностью достигнуть до ихъ славы, и надѣется то получить, взирая на успѣхъ, которой они имѣли. Онъ позабываетъ свою собственную слабость, и усиливается всѣми мѣрами подняться съ ними выше себя самаго. Безплоденъ будучи иногда во внутренности своей, и заключенъ въ тѣсныхъ весьма предѣлахъ онъ изобрѣтаетъ мало, и удобно истощается. Но ученіе вознаграждаетъ его безплодность, и подаетъ ему способъ заимствовать отъ другихъ то, чего въ немъ недостаетъ. Оно распространяетъ его познанія, и его просвѣщеніе посторонними вспоможеніями, простираетъ вдаль его зрѣніе, умножаетъ его понятія, дѣлая притомъ ихъ многоразличнѣйшими, обстоятельнѣйшими, живѣйшими; оно его научаетъ представлять себѣ истинны во многихъ видахъ, показываетъ ему плодовитость начальныхъ предложеній, и вспомоществуетъ выводить изъ нихъ отдаленнѣйшія послѣдствія.

Ученіе подаетъ исправность.

Мы раждаемся во тьмѣ незнанія, къ которой худое воспитаніе присовокупляетъ множество ложныхъ предразсужденій. Ученіе прогоняетъ первую, и исправляетъ послѣднія. Оно придаетъ нашимъ мнѣніямъ и умствованіямъ нѣкоторую исправность и совершенство. Оно насъ пріучаетъ наблюдать

порядокЪ и пристойное расположенїе во всѣхЪ матерїяхЪ, о которыхЪ мы говоришь или писать долженствуемЪ. Оно намЪ представляетЪ предводителями и образцами просвѣщеннѣйщихЪ и мудрѣйшихЪ людей вЪ древности, которыхЪ, вЪ семЪ смыслѣ можно по справедливости сЪ Сенекою назвать учителями и наставниками рода человѣческаго. Сообщая намЪ ихЪ разборчивость и глаза, оно дѣлаетЪ, что мы безопасно ходимЪ при томЪ свѣтилѣ, которое несутЪ предЪ нами сїи избранные предводители, которые выдержавЪ строгой екзаменЪ столь многихЪ вѣковЪ и народовЪ, и сохранясь по разоренїи столь многихЪ имперїй, заслужили по общему согласїю быть во всѣ послѣдующїе вѣки верьховными опредѣлителями добраго вкусу, и надежными образцами того, что ученость имѣетЪ совершеннѣйшаго.

Senec. Epist. 46.

Ученїе подаетЪ способность кЪ дѣламЪ.

Но польза ученїя не ограничивается тѣмЪ, что называютЪ знанїемЪ; оно подаетЪ еще способность кЪ дѣламЪ и должностямЪ.

ПавлЪ Емилїй, которой одержалЪ славную побѣду надЪ ПерсеемЪ послѣднимЪ ЦаремЪ МакедонскимЪ, зналЪ довольно, какимЪ образомЪ дѣлаются великїе мужи. ПлутархЪ примѣчаетЪ особливое попеченїе, которое онЪ предпрїялЪ о воспитанїи своихЪ дѣтей. ОнЪ

не довольствовался тѣмъ, чтобъ научить ихъ природному языку по правиламъ, какъ обыкновеніе тогда было; и велѣлъ имъ обучаться Греческому языку. Онъ далъ имъ различныхъ учителей Грамматики, Риторики, Діалектики, кромѣ тѣхъ, которые долженствовали ихъ наставлять въ наукѣ военной, и самъ присутствовалъ столь часто, сколько возможно ему было, при всѣхъ ихъ екзерциціяхъ. Когда онъ побѣдилъ Персея, то онъ не удостоилъ и взглянуть на безмѣрное богатство, которое нашлось въ его сокровищахъ. Онъ позволилъ только своимъ дѣтямъ, которые, по утвержденію историка, любили чрезвычайно науки, взять книги изъ библіотеки сего Царя.

Успѣхъ соотвѣтствовалъ попеченіямъ отца столь просвѣщеннаго и рачительнаго. Онъ имѣлъ щастіе дать Риму втораго Сципіона Африканскаго, завоевателя Карѳагена и Нумантіи, которой не меньше славился удивительною охотою къ словеснымъ наукамъ и ко всѣмъ другимъ знаніямъ, какъ и военными качествами. Сей великой мужъ имѣлъ всегда при себѣ во время какъ миру такъ и войны историка Поливія, и Философа Панетія, которыхъ онъ удостоивалъ отмѣннаго дру-

Vell. Paterc. lib. 1. c. 13.

жества. „Никто, говоритъ одинъ историкъ, „упоминая о Сципіонѣ, не умѣлъ лучше его „мѣшать покой съ упражненіемъ, ниже упо„треблять въ пользу праздные часы, кото„рые отъ дѣлъ ему оставались. Развлеченъ „будучи военными и мирными упражненіями, „оружіемъ и ученіемъ, то екзерцировалъ онъ „свое тѣло въ опасностяхъ, то просвѣщалъ „свой разумъ науками.„ Вѣроятно, что Цицеронъ объ немъ говоритъ, что онъ имѣлъ всегда въ рукахъ сочиненія Ксенофонтовы; ибо я не знаю, можетъ ли сіе приличествовать первому Сципіону.

Lib. 2. Tusc. Quaest. n. 62.

Лукуллъ также получилъ великое вспоможеніе отъ чтенія хорошихъ писателей, и отъ изученія исторіи. Увидѣвъ его вдругъ предводителемъ арміи, всѣ удивились его чрезвычайной къ сему званію способности. Онъ выѣхалъ изъ Рима не имѣя еще великаго искуства въ наукѣ военной, какъ говоритъ Цицеронъ, а въ Азію пріѣхалъ искуснѣйшимъ и совершеннѣйшимъ воиномъ. Сему причиною было то, что превосходной его разумъ, будучи просвѣщенъ изученіемъ свободныхъ наукъ, служилъ ему вмѣсто опыта, хотя кажется, что сей ничемъ вознагражденъ быть не можетъ.

Брутъ проводилъ нѣкоторую часть каждой ночи въ изученіи военной науки чрезъ описанія походовъ славнѣйшихъ воиновъ, и не щиталъ потеряннымъ время, которое онъ полагалъ на чтеніе историковъ, а особливо Поливія, надъ сочиненіями котораго онъ найденъ былъ трудящимся незадолго передъ славнымъ сраженіемъ происходившимъ на поляхъ Фарсалійскихъ.

Не трудно понять, что особливое попеченіе, которое Римляне приняли въ послѣднія времена республики о просвѣщеніи разума молодыхъ людей, долженствовало неотмѣнно придать новое достоинство, и новой блескъ великимъ качествамъ, которыя они имѣли въ прочемъ, приводя ихъ въ состояніе быть превосходными равно въ екзерциціяхъ оружейныхъ, и судебныхъ, и отправлять съ одинакимъ успѣхомъ должности какъ военныя, такъ и приказныя.

Случается иногда, что армейскіе Генералы, которые не просвѣтили своего разума изученіемъ словесныхъ наукъ, уменьшаютъ славу ихъ побѣдъ сухими, безпорядочными, и скучными увѣдомленіями; и что ихъ перо унижаетъ дѣйствія ихъ меча. Они въ етомъ весьма различествуютъ отъ Кесаря, Поливія, Ксенофонта и Θукидида, которые

живостїю ихъ описанїй поставляютъ читателя на ратномъ мѣстѣ, увѣдомляютъ его подробно о расположенїи войскъ и земли, о начатїяхъ и продолженїяхъ сраженїя, о приключившихся замѣшательствахъ, и о способахъ употребленныхъ къ избѣжанїю отъ оныхъ, о различныхъ сумнѣнїяхъ и о ихъ причинахъ, и чрезъ сїи перемѣнныя степени провожаютъ его какъ будто за руку къ послѣднему произшествїю.

Тожъ самое можно сказать о посольскихъ дѣлахъ, правительствахъ, главныхъ надзиранїяхъ, коммисїяхъ: словомъ сказать, о всякихъ званїяхъ, которыя обязываютъ говорить публично или партикулярно, писать, отдавать отчетъ въ своей должности, управлять сердцами, ихъ увѣрять и привлекать на свою сторону; да и естьли полно такое званїе, котороебъ не налагало всѣхъ оныхъ обязательствъ?

Другїя выгоды, происходящїя отъ ученїя.

Весьма часто мы слышимъ, что люди, которыхъ долговременной опытъ, и прилѣжныя разсужденїя научили, съ горестїю на то жалуются, что ихъ воспитанїе было пренебрежено, и сожалѣютъ, что они не были просвѣщены науками, которыхъ они начинаютъ понимать, но уже очень поздо, употребленїе и цѣну. Они признаются, что

сей недостатокъ удалилъ ихъ отъ важныхъ званій, или оставилъ ихъ неисправными въ ихъ должностяхъ, или еще принудилъ упадать подъ ихъ бременемъ.

Когда въ нѣкоторыхъ знатныхъ случаяхъ, и въ отмѣнныхъ мѣстахъ, видятъ, что молодой правитель, просвѣщенной словесными науками, привлекаетъ похвалы отъ народа: какой бы тогда отецъ не пожелалъ себѣ такова сына; и какой бы сынъ, хоть мало разсудка имѣющій, не пожелалъ себѣ подобнаго успѣху? Всѣ тогда согласуются признавать пользу наукъ. Всѣ понимаютъ, сколь онѣ сильны вознесть человѣка выше его возрасту, а иногда и выше его происхожденія.

Но хотя бы сіе ученіе служило только къ пріобрѣтенію привычки трудиться, къ уменьшенію въ томъ скуки, къ остановленію и утвержденію легкости разума, къ преодолѣнію отвращенія отъ сидячей и привязанной жизни, и отъ всего того, что обременяетъ и порабощаетъ; однакожъ и сіе бы уже значило великую онаго пользу. Въ самой вещи оно отвлекаетъ отъ бездѣйствія, игры, мотовства. Оно занимаетъ съ пользою праздные часы дня, которые столь многимъ бываютъ скучны, и дѣлаетъ пріятнымъ покой, которой безъ помощи словес-

Senec. Epist. 82.

ныхъ наукъ есть нѣкотораго роду смерть и гробъ, такъ сказать живаго человѣка. Оно приводитъ насъ въ состоянïе судить здраво о сочиненïяхъ, которыя въ свѣтъ выходятъ; утверждать дружество съ разумными людьми, входить въ наилучшïя компанïи; принимать участïе въ ученѣйшихъ разговорахъ; подавать съ своей стороны матерïю рѣчамъ, безъ чего надлежалобъ сидѣть нѣмымъ; и дѣлать ихъ полезнѣйшими и прïятнѣйшими, мѣшая дѣйствïя съ разсужденïями, и украшая однѣ другими.

Я признаюсь, что въ разговорахъ, въ дѣлахъ, и въ самыхъ рѣчахъ, кѣмъ нибудь сочиняемыхъ, не бываетъ часто нужды до исторïи Греческой или Римской, до Философïи, до Маѳиматики. Однакожъ исправное изученïе наукъ подаетъ разуму нѣкоторую правильность, твердость и самую прïятность, которую знающïе люди удобно понимаютъ.

Но время уже говорить о второй пользѣ, которая долженствуетъ происходить отъ ученïя, и о второмъ намѣренïи, которое учители должны предлагать себѣ въ наставленïи молодыхъ людей, и которое состоитъ въ томъ, чтобъ направить ихъ нравы, и здѣлать ихъ честными людьми.

ВТОРОЙ ПРЕДМѢТЪ.

Попеченіе о направленіи нравовъ.

Еслибъ наставленіе съ тѣмъ только намѣреніемъ предпринималось, чтобъ человѣка обучить словеснымъ наукамъ и знаніямъ; естьлибъ оно тѣмъ ограничивалось, чтобъ сдѣлать его остроумнымъ, краснорѣчивымъ, способнымъ къ отправленію дѣлъ; и естьлибъ просвѣщая разумъ оно пренебрегало управлять сердцемъ; то бы оно не соотвѣтствовало всему тому, чего имѣютъ право отъ него надѣяться, и не провожало бы насъ къ одному изъ главныхъ намѣреній, для которыхъ мы родились. Когда мы хоть мало разсмотримъ натуру человѣка, его склонности, и его конецъ, то мы удобно познать можемъ, что онъ не для себя одного рожденъ, но для общества. Провидѣніе опредѣлило, чтобъ онъ отправлялъ въ немъ какую нибудь должность. Онъ есть членъ тѣла, которому онъ долженствуетъ приносить пользу; и подобно какъ бы въ большомъ концертѣ музыки, онъ обязанъ, сколько возможно лучше исправлять опредѣленную ему часть, чтобъ произвесть совершенное согласіе.

Надобность трудиться въ направленіи нравовъ.

Въ семъ же безконечномъ разл[illegible] должностей между людьми разд[illegible]енныхъ т[illegible] званія, о которыхъ рачительн[illegible]омъ испо[illegible]ніи стараться государство наибольшую им[illegible]етъ нужду, суть такія, которыя отправляются отмѣнными дарованіями разума, и которыя требуютъ высочайшихъ и превосходнѣйшихъ познаній. Другія искусства, другія званія могутъ по нѣкоторой мѣрѣ пренебрежены быть, такъ что государство не получаетъ отъ того знатнаго вреда. А тѣ должности, которыя требуютъ разсудка и благоразумія, бываютъ инаковы; потому что онѣ даютъ движеніе всему тѣлу государства, и имѣя больше участія во власти и преимуществѣ, онѣ явнѣйшее производятъ дѣйствіе въ успѣхахъ правленія, и въ общенародномъ щастіи.

Одно добронравіе занимаетъ публичныя мѣста по достоинству.

Но одна только добродѣтель приводитъ людей въ состояніе занимать публичныя мѣста съ пользою. Одни хорошія качества сердца уважаютъ прочія дарованія, и составляя истинное достоинство человѣка, дѣлаютъ его орудіемъ способнымъ къ снисканію благополучія обществу. Одна добродѣтель даетъ ему вкусъ въ истинной и твердой славѣ, вдыхаетъ любовь къ отечеству, и побужденія къ его услугамъ, нау-

етъ его предпочитать всегда общее добро иватному, не щитать ничего нужнымъ ромѣ должности, ничего драгоцѣннымъ кромѣ добронравія и справедливости, ничего утѣшительнымъ кромѣ свидѣтельства своей совѣсти и похвалы добрыхъ людей, ничего безчестнымъ кромѣ порока. Одна добродѣтель дѣлаетъ его безкорыстнымъ, чтобъ сохранить чрезъ то свободу; поставляетъ его выше ласкательствъ, укоренїй, угрозъ и бѣдствїй; препятствуетъ ему уступать неправдѣ, какъ бы она ни сильна и какъ бы ни страшна была, и наконецъ прїучаетъ его во всѣхъ своихъ поступкахъ взирать на вѣчное и безпристрастное мнѣнїе потомства, и не предпочитать ему ложной и маловременной блескъ славы, которой изчезаетъ вмѣстѣ съ жизнїю такъ какъ легкой дымъ.

Намѣреніе всѣхъ наукъ клонится къ улученію человѣка добронравнѣйшимъ.

Вотъ что предлагаютъ себѣ добрые учители въ воспитанїи юношества. Они мало почитаютъ науки, естьли онѣ не провожаютъ къ добродѣтели; они вмѣняютъ ни во что наибольшее просвѣщенїе, естьли оно бываетъ безъ добронравїя. Они предпочитаютъ честнаго человѣка ученому; и наставляя молодыхъ людей во всемъ томъ, что древность имѣетъ наилучшаго, они не столько стараются ихъ здѣлать искусными, сколь-

ко добродѣтельными; добрыми сыновьями, добрыми отцами, добрыми учителями, друзьями, гражданами.

Senec. epist 59. Безъ сего, въ самомъ дѣлѣ, надлежало ли бы столь высоко цѣнить такія ученія, которыя бы по словамъ мудраго язычника, не къ иному чему способствовали, какъ къ питанію гордости, и былибъ недѣйствительны къ исправленію какова нибудь порока? *Послужатъ ли они*, вопрошаетъ онъ въ

Idem de brev. vitae. cap. 14. другомъ мѣстѣ, *кому нибудь къ изцѣленію его ложныхъ предразсужденій, или къ умягченію его страстей? Здѣлаютъ ли его великодушнѣе, справедливѣе, щедрѣе?*

Сенека взялъ сію столь важную мысль изъ Философіи Платона, которой во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій полагаетъ сіе великое основаніе, что намѣреніе воспитанія и наставленія молодыхъ людей такъ какъ и правленія народовъ, есть то, чтобъ здѣлать ихъ лучшими, и что всякой, кто удаляется отъ сего конца, какоебъ онъ ни имѣлъ въ прочемъ достоинство, не заслуживаетъ почтенія и похвалы народной. Ето

Plat. Gorgia. есть мнѣніе, которое сей великой Философъ произнесъ объ одномъ изъ знатнѣйшихъ гражданъ Аѳинскихъ, которой чрезъ долгое время управлялъ республикою съ чрез-

вычайною похвалою, которой наполнилъ городъ храмами, ѳеатрами, статуями, публичными зданїями, которой украсилъ его славнѣйшими монументами, и зделалъ его златосїяющимъ, которой истощилъ все то, что рѣзьба, живопись, и домостроительство имѣютъ наилучшаго и великолѣпнѣйшаго, и утвердилъ въ своихъ дѣлахъ образецъ и правило вкусу всего потомства. Но Платонъ вопрошалъ, могъ ли кто нибудь показать хоть одного человѣка, гражданина, или иностранца, раба или вольнаго, начиная отъ собственныхъ его дѣтей, котораюбъ Периклъ зделалъ чрезъ свои попеченїя честнѣйшимъ и благоразумнѣйшимъ? Онъ весьма разсудительно примѣчалъ, что Периклъ напротивъ того своимъ поведенїемъ отнялъ у Аѳинянъ добродѣтели ихъ предковъ, и что онъ зделалъ ихъ лѣнивцами, сластолюбивыми, пустословами, любопытными, и помышляющими только о тщетномъ и пустомъ. Изъ чего онъ оставлялъ другимъ заключать, что напрасно приписывали столь великїя похвалы его правленїю, за тѣмъ что онъ ихъ не больше заслужилъ, какъ такой манежной мастеръ, которой взявшись укрощать хорошаго коня, научилъ его только попыкаться, и быть

грубымъ, непроворнымъ, упрямымъ, пужливымъ.

Не трудно примѣнить сїе основанїе къ изученїю словесныхъ наукъ и знанїй. Оно насъ научаетъ не пренебрегать ихъ, но собирать съ нихъ всѣ плоды, которыхъ только отъ нихъ ожидать надлежитъ; взирать на ихъ не такъ какъ на нашъ конецъ, но какъ на средства, которыя могутъ насъ привесть къ оному. Онѣ не имѣютъ добродѣтели безпосредственнымъ предмѣтомъ, но онѣ къ ней пріуготовляютъ, и находятся въ разсужденїи ея тѣмъ, чемъ первыя основанїя грамматики находятся въ разсужденїи самыхъ наукъ и знанїй, то есть, полезнѣйшими орудїями, ежели умѣютъ ихъ употреблять по надлежащему.

Способъ направлять нравы. Сїежъ ихъ употребленїе въ томъ состоитъ, чтобъ умѣть пользоваться всѣми тѣми правилами, примѣрами и достопамятными историями, которыя попадаются въ чтенїи Писателей, дабы вдохнуть въ молодыхъ людей любовь къ добродѣтели и отвращенїе отъ пороку.

Надобность противуполагать Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ сердце человѣческое развратилось, находится въ немъ нещастная способность къ произведенїю зла, которая перемѣняетъ скоро въ дѣтяхъ на-

лое число добрыхъ расположеній, которыя въ нихъ остались, естьли родители и наставники не принимаютъ труда воспитывать и возращать безпрерывно сіи слабыя сѣмена добра, драгоцѣнной остатокъ древней непорочности; и естьли они не вырываютъ съ неутомленнымъ попеченіемъ терновъ, которые столь худая земля произращаетъ безпрестанно.

природной развратности человѣка, и злымъ обыкновеніямъ добрыя примѣры и правила.

Сія къ злу природная склонность укрѣпляется часто въ молодыхъ людяхъ всѣмъ тѣмъ, что ихъ окружаетъ. Много ли есть такихъ отцовъ, которые бы знали, сколь далеко надлежитъ простирать воздержаніе и осторожность въ присутствіи дѣтей, илибъ которые захотѣли принудить себя къ тому, чтобъ не имѣть никогда при дѣтяхъ такой рѣчи, которая можетъ произвесть ложное предразсужденіе въ ихъ разумѣ? Не все ли вкругъ ихъ отзывается похвалами истощаемыми на тѣхъ, которые собираютъ великое стяжаніе, имѣютъ отмѣнной екипажъ, дѣлаютъ богатые пиры, и живутъ въ великолѣпныхъ и богатоубранныхъ покояхъ? Не составляется ли изъ всѣхъ оныхъ похвалъ какъ будто бы общенародной крикъ, и гласъ несравненно опаснѣйшій, нежели гласъ Сиренъ, о которомъ упоминаютъ баснословы, и ко-

торой послѣ всего того, что намъ объ немъ ни сказано, слышанъ былъ только вкругъ каменной горы, въ которой онѣ жили, вмѣсто того, что первой слышится во всѣхъ городахъ, и почти во всѣхъ домахъ? Нѣтъ ничего, что бы можно было говорить при дѣтяхъ безъ опасности. Одно слово вышедшее изъ отцовскаго рта съ похвалою богатства, довольно имѣетъ силы воспламенить въ нихъ желанїе онаго, которое возрастать будетъ съ ихъ лѣтами, и никогда не угаснетъ.

И такъ всѣмъ онымъ обворожающимъ голосамъ надобно противуположить такой, которой бы слышанъ былъ въ среди сего безпорядочнаго шуму опасныхъ мнѣнїй, и которой бы разсыпалъ сїи ложныя предразсужденїя. Молодые люди имѣютъ нужду въ вѣрномъ и рачительномъ увѣщателѣ, въ надежномъ адвокатѣ, которой бы защищалъ передъ ними дѣло истинны, честности и праваго разума; которой бы показывалъ имъ ложность царствующую во всѣхъ почти рѣчахъ и во всѣхъ разговорахъ людскихъ, и которой бы имъ сообщалъ надежныя правила къ учиненїю сего разбору.

Но кто будетъ такимъ увѣщателемъ? Не учитель ли опредѣленной къ ихъ воспи-

танію отправлять будетъ его должность? И не правильныя ли онъ станетъ подавать имъ наставленія въ семъ дѣлѣ? Услышавъ одно имя наставленій, они приходятъ въ трепетъ, берутъ предосторожности, и ихъ разумъ не принимаетъ ничего того, что имъ говорятъ, какъ будто бы ихъ обмануть хотѣли.

Надлежитъ имъ дать такихъ учителей, которыебъ имъ не подозрительны были, и на которыхъ бы они могли смѣло полагаться. Дабы ихъ предостеречь, или излѣчить отъ заразы вѣка сего, должно ихъ перенесть въ другія земли, и въ другія времена, и стремительному теченію ложныхъ мнѣній и худыхъ примѣровъ, которое влечетъ весь почти съ собою свѣтъ, противуположить мнѣнія и примѣры великихъ мужей въ древности, о которыхъ говорятъ имъ тѣ писатели, которые у нихъ въ рукахъ находятся. Они охотно внимаютъ наставленія, которыя даетъ имъ Камиллъ, Сципіонъ, Киръ; и которыя скрыты будучи подъ именемъ исторій тѣмъ больше въ нихъ дѣйствуютъ, чѣмъ меньше подобранными кажутся; они думаютъ, что они имъ по одному случаю попались.

Вкусъ въ истинной славѣ, и въ истинномъ превосходствѣ уменьшается у насъ по- Противуполагать

любви къ богатству и утѣхамъ, которая становится господствующимъ вкусомъ, примѣры древности, которые оной противны суть.

вседневно. Новые люди, которые обезумѣли отъ ихъ нечаяннаго щастія, и которыхъ чрезвычайные росходы не могутъ истощить безмѣрныхъ сокровищъ, пріучаютъ насъ не щитать ничего великимъ и дорогимъ, какъ только богатство, и богатство еще безмѣрное; взирать не только на бѣдность, но и на честную посредственность, такъ какъ на несносной стыдъ; и полагать все достоинство и честь въ великолѣпіи зданій, домашнихъ приборовъ, екипажей, столовъ.

Какого препятствія не противуполагаетъ сему развратному вкусу древняя исторія? Она показываетъ намъ Консуловъ и Дикташоровъ, которыхъ брали отъ сохи. Какая это была подлость на взглядъ! Однакожъ руки ожесточенныя деревенскими трудами поддерживали колеблющееся государство, и сохраняли республику. Вмѣсто того, чтобъ обогащаться, они отказывались отъ золота, которое имъ подносили, почитая, что лучше было, повелѣвать тѣми, у которыхъ оно въ рукахъ было, нежели самимъ его имѣть.

Превосходнѣйшіе мужи, каковъ Аристидъ былъ у Грековъ, которой управлялъ казною всей Греціи чрезъ многія лѣта, а у Римлянъ Валерій Публикола, Мененій Агриппа, и другіе премногіе, умирали часто не оставивъ ни-

чего для отправленія ихъ похоронъ; столько то скудость была у нихъ въ чести, а богатство въ презрѣніи! Между ими видѣнъ былъ (*) одинъ почтенный старикъ прославившійся многими тріумфами, которой сидя при огнѣ ѣлъ овощи, которые онъ самъ возрастилъ и собралъ въ своемъ саду. Они не похвалялись искуствомъ въ распоряженіи пиру; но вмѣсто того знали совершенно науку побѣждать непріятелей на войнѣ, и управлять гражданами во время миру. Великолѣпны будучи въ разсужденіи храмовъ и государственныхъ зданій, и явные непріятели роскоши приватныхъ людей, они довольствовались въ разсужденіи себя самихъ весьма умѣренными домами, которые они украшали добычами не отъ гражданъ, но отъ непріятелей полученными.

Августъ, которой вознесъ Римскую имперію на высочайшую степень величества, и которой взглянувъ на пышныя зданія, которымъ онъ Римъ обогатилъ, похвалялся смѣючись, только справедливо, что онъ оставлялъ городъ мраморнымъ, которой онъ нашелъ кирпичнымъ; Августъ, говорю я, во время всего своего царствованія, которое продолжалось болѣе сорока лѣтъ, не отсту-

(*) Фабрицій.

палЪ никогда и ни вЪ чемЪ отЪ древней простоты своихЪ предковЪ. Его дворы, какЪ вЪ городѣ, такЪ и вЪ деревнѣ, не имѣли ничего великолѣпнаго. ОнЪ сохранилЪ на всегда вЪ домѣ своемЪ уборы, которыхЪ бы устыдилась вЪ послѣдствіи сего роскошь приватныхЪ людей. ОнЪ жилЪ всегда вЪ одной камерѣ, не перемѣняя ее такЪ, какЪ другіе дѣлаютЪ, смотря по временамЪ. ОнЪ не носилЪ почти никогда другихЪ одеждЪ, кромѣ тѣхЪ, которыя или императрица Ливія, или сестра Октавія ему соткали.

Такія частицы исторіи восхищаютЪ молодыхЪ людей, да и кто бы ими не былЪ тронутЪ? Учители могутЪ имЪ помогать вЪ учиненіи разсужденій, каковы дѣлалЪ Сенека, видя вЪ одной мызѣ Сципіона Африканскаго крайне простыя бани, вмѣсто того, что вЪ его время великолѣпіе ихЪ доведено было до невѣроятной неумѣренности. „Я „очень увеселяюсь, говоритЪ онЪ, когда я „сравниваю нравы Сципіона сЪ нашими. Сей „великой мужЪ, трепетЪ Карѳагена, и честь „Рима, послѣ обрабатыванія земли своими „собственными руками, приходилЪ мыться „вЪ семЪ темномЪ углу, обиталЪ подЪ сею „малою кровлею, довольствовался залою „столь неискусно вымощенною. Кого бы

„нынѣ такая посредственность удовольство-
„вать могла? Всякой у насъ думаетъ, что
„онъ живетъ скудно и гнусно, естьли бо-
„гатство и великолѣпіе не видны и въ са-
„мыхъ баняхъ. О сколь чудно, восклица-
„етъ онъ въ другомъ мѣстѣ, видѣть чело-
„вѣка, которой былъ главнокомандующимъ
„въ арміяхъ, Губернаторомъ въ провинціяхъ,
„которой удостоился честей тріумфа и
„почтеннѣйшаго правительства въ Римѣ; и
„чтобъ сказать еще болѣе нѣчто, видѣть
„Катона не имѣющаго никакова больше еки-
„пажу какъ только одну лошадь, которая
„везла съ своимъ господиномъ весь его малой
„пожитокъ!„ Есть ли какое нибудь наста-
вленіе Философское, которое бы могло быть
полезнѣе такихъ разсужденій?

Какой силы не имѣютъ удивительныя слова Сципіона, теперь мною упомянутаго, которыми онъ объявляетъ Масиниссѣ, что изъ всѣхъ добродѣтелей воздержность есть та, которою онъ наиболѣе хвалится; что молодые люди не столько долженствуютъ опасаться вооруженныхъ непріятелей, какъ утѣхъ, которыя окружаютъ сей возрастъ со всѣхъ сторонъ; и что всякой, кто умѣлъ ихъ обуздавать и укрощать, одержалъ по-

Tit. Liv. lib. 30. n. 14.

бѣду несравненно славнѣе той, которую они получили надъ Сифаксомъ.

Онъ имѣлъ право говорить такимъ образомъ, показавъ примѣръ благоразумія за нѣсколько лѣтъ прежде сего въ разсужденіи приведенной къ нему между прочими плѣнниками молодой и прекрасной Принцессы. Увѣдомясь, что она зговорена была за молодова нѣкоего Князя той же земли, онъ содержалъ ее при себѣ съ такимъ раченіемъ и воздержностью, какъ будто бы она жила въ домѣ своей матери. Когда сей Князь прибылъ, то онъ ее отдалъ въ его руки, сказавъ ему рѣчь исполненную сего великодушія и благородства Римскаго, которое теперь находится почти въ однихъ только книгахъ; и чтобъ чего не доставало въ сей столь похвальной поступкѣ, онъ отдалъ въ приданое сей Принцессѣ деньги, которыя отецъ и мать привезли ему для искупленія своей дочери. Сей примѣръ тѣмъ удивительнѣе, что Сципіонъ тогда кромѣ того, что онъ былъ побѣдитель, былъ молодъ, и не женатъ. Такое великодушіе привлекло къ нему сердца всѣхъ народовъ Гишпанскихъ, и принудило ихъ взирать на него такъ какъ на бога сшедшаго съ неба въ человѣческомъ видѣ, которой все покорялъ подъ власть свою

не столько чрезъ свое оружïе, какъ чрезъ свои благодѣянïя и щедроту. Исполнены будучи удивленïя и благодарности, они вырѣзали сïе дѣйствïе на щитѣ (*) серебреномъ, которой они поднесли въ подарокъ Сципïону, подарокъ, которой несравненно былъ драгоцѣннѣе и славнѣе всѣхъ сокровищъ и трïумфовъ.

Прïучать молодыхъ людей предпочитать славнѣйшимъ дѣйствïямъ тѣ, въ которыхъ усматривается болѣе милости и щедроты.

Сïи примѣры прïучаютъ молодыхъ людей чувствовать нарядство; вкушать добродѣтель; не почитать и не удивляться ничему кромѣ истиннаго достоинства; разсуждать здраво о людяхъ не по тому, чѣмъ они кажутся, но по тому, чѣмъ они въ самомъ дѣлѣ находятся; не слѣдовать народнымъ предразсужденïямъ; а особливо не прельщаться пустою славою блестящихъ дѣйствïй, которыя часто во внутренности своей не имѣютъ ничего твердаго и великаго. Они ихъ

(*) *Господинъ Маффье въ своемъ разсужденïи о завѣтныхъ щитахъ примѣчаетъ, что Сципïонъ возвращаясь въ Римъ взялъ сей щитъ, которой при переѣздѣ чрезъ Ронъ погибъ съ частïю его пожитку. Онъ пробылъ въ сей рѣкѣ даже до 1656 году, въ которомъ нѣкоторые рыбаки его нашли. Онъ теперь находится въ Королевскомъ кабинетѣ.*

научаютъ предпочитать милостивыя и щедрыя поступки тѣмъ, которые привлекаютъ наиболѣе глаза и удивленіе людей, и по сей причинѣ почитать Сципіона Африканскаго, втораго сего имени, не меньше тогда, какъ онъ принятъ будучи сыномъ въ богатую фамилію оставляетъ все свое добро старшему своему брату, нежели въ то время, какъ онъ раззоряетъ Нуманцію и Карѳагенъ. Они имъ внушаютъ, что услуга великодушно показанная другу въ крайней нуждѣ одерживаетъ верьхъ надъ славнѣйшими побѣдами. Это есть то изрядное разсужденіе, которое дѣлаетъ Цицеронъ въ одной изъ своихъ приказныхъ рѣчей. Сіе мѣсто есть изъ числа краснорѣчивѣйшихъ, по чему и не оставляютъ изъяснить все его искусство, и открывать всѣ его красоты молодымъ людямъ; но при томъ не позабываютъ привлекать ихъ вниманіе къ превосходному изреченію, которымъ оно оканчивается. Цицеронъ объявляетъ съ одной стороны о военныхъ качествахъ Кесаря, которыя онъ показываетъ во всей ихъ ясности, представляя его побѣдителемъ не только непріятелей, но и времени; а съ другой о великодушномъ покровительствѣ, въ которое онъ принимаетъ стараго друга впадшаго въ нещастіе, и приве-

Pro Rabir. Post. n. 42. 43. 44.

деннаго въ крайнюю скудость нечаянным злоключенїемъ; и свѣсивъ, такъ сказать, на вѣсахъ истинны сїи два рода качествъ онъ изъясняется къ преимуществу послѣдняго. „Вотъ, говоритъ онъ, то, что надлежитъ „назвать дѣйствїемъ поистиннѣ великимъ и „удивленїя достойнымъ. Пускай думаютъ „все то, что хотятъ, о мнѣнїи, которое „я о семъ произношу; но что до меня ка„сается, то я щитаю себя обязаннымъ пред„почесть всѣмъ другимъ качествамъ Кесаря „то, которое при столь великомъ щастїи, „и столь возвышенномъ достоинствѣ заста„вляетъ его помогать нуждамъ старова дру„га, и быть чувствительнымъ къ его бѣд„ности.„

Я окончу сїи примѣчанїя одною историческою частицею, которая очень служитъ къ наставленїю молодаго шляхетства. Еврибїадъ Лакедемонской, главнокомандовавшїй въ союзномъ Греческомъ флотѣ вооруженномъ противъ Персовъ, не въ силахъ будучи сносить, что Ѳемистоклъ Генералъ Аѳинской молодыхъ лѣтъ человѣкъ, защищалъ сильнѣйшимъ образомъ противное его мнѣнїю, поднялъ трость на него съ угрожающею замашкою и язвительными словами. Какъ бы поступили молодые наши офицеры въ та-

Разсужденїе о силѣ, чести, и о поединкахъ.

комъ случаѣ? Ѳемистоклъ спокойнымъ духомъ и безъ смущенія сказалъ: *ударь, только выслушай* Πάταξον μὲν, ἄκουσον δὲ Еврибіадъ удивленъ будучи такою умѣренностію, выслушалъ его въ самомъ дѣлѣ, и по совѣту молодова Аѳинянина учинивъ сраженіе въ проливѣ Саламинскомъ, онъ одержалъ сію знатную побѣду, которая избавила Грецію отъ погибели, и пріобрѣла Ѳемистоклу безсмертную славу.

Искусной учитель умѣетъ пользоваться такимъ случаемъ, и не забываетъ сказать молодымъ людямъ, чтобъ они примѣчали, что ни у Грековъ, ни у Римлянъ, побѣдителей столь многихъ народовъ, которые безъ сумнѣнія разумѣли силу чести, и знали довольно, въ чемъ состоитъ истинная слава, не было чрезъ столь многіе вѣки ни одного примѣру приватнаго прединка. Сіе варварское обыкновеніе биться между собою, иногда изъ одного слова сказаннаго по случаю, и очищать мнимую обиду въ крови своихъ наилучшихъ друзей; сіе, говорю я, варварское обыкновеніе, которое мы называемъ благородствомъ и величествомъ духа, не извѣстно было симъ славнымъ завоевателямъ. „Они оставляли, говоритъ Саллюстій, „свою ненависть и гнѣвъ для непріятелей,

Sall. Catil. cap. 9.

„съ своими согражданами спорились толь-
„ко о славѣ и добродѣтели.„

Сіе справедливо примѣчаютъ, что ничто столько не можетъ вдохнуть склонностей къ добродѣтели, и отвратить отъ пороку, какъ обращеніе съ добрыми людьми; по тому что оно вкрадываясь помалу, проницаетъ въ самое сердце. Частое ихъ слушаніе, и частое съ ними свиданіе служатъ вмѣсто правилъ. Одно ихъ присутствіе, и въ то самое время, какъ они молчатъ, говоритъ и наставляетъ. Сія то есть польза, которая особливо долженствуетъ происходить изъ чтенія писателей. Оно насъ подружаетъ, такъ сказать, со всѣми превосходнѣйшими людьми въ древности. Мы обращаемся, странствуемъ, живемъ съ ними. Мы слышимъ ихъ рѣчи, и бываемъ свидѣтелями ихъ дѣйствій. Мы нечувствительно входимъ въ ихъ мнѣнія и склонности. Мы перенимаемъ у нихъ сіе благородство, сіе величество духа, сіе безкорыстіе, ненависть къ неправдѣ, любовь къ общему добру, которыя усматриваются во всей ихъ жизни. Познаніе характера и добродѣтелей великихъ мужей заставляетъ ихъ подражать.

Сіе говоря, я не думаю, чтобъ надлежало много распространять нравоучительныя разсужденія. Дабы наставленія касающіяся до нравовъ, могли имѣть дѣйствіе, они дол- Разсужденія о нравахъ должен-

ствуютЪ быть кратки.

женствуютЪ быть кратки, проницател[illegible] и такЪ какЪ стрѣла, спущены. Ето [illegible] надежнѣйшее средство вперить ихЪ вЪ разу[illegible] такЪ, чтобЪ они вЪ немЪ не всегда остались. ТотЪ, кто сіе говоритЪ, есть Сенека, которой присовокупляетЪ еще сравненіе весьма приличное кЪ сей матеріи. Такія разсужденія, говоритЪ онЪ, подобны сѣмени, которое само вЪ себѣ невелико; но естьли оно упадетЪ на приготовленную по надлежащему землю, то оно мало по малу распускается, и чрезЪ нечувствительныя приращенія изЪ малѣйшаго, какимЪ оно сперва было, дѣлается довольно пространнымЪ и возвышеннымЪ. Также и наставленія, о которыхЪ я говорю, иногда не иное что бываютЪ, какЪ одно только слово, одно краткое разсужденіе; но сіе слово, сіе разсужденіе, которыя кажутся вЪ самую ту минуту какЪ будто упадшими и погибшими, произведутЪ дѣйствіе вЪ свое время.

Epist. 38.

Не надобно ожидать, чтобЪ сіе дѣйствіе было скорое, а еще меньше того, чтобЪ оно было общее. Довольно и того, что малое число имЪ пользуется, и сіе малое число не преминетЪ быть полезнѣйшимЪ обществу. Ето есть разсужденіе, которое дѣлалЪ ЦицеронЪ вЪ подобной матеріи; сказавЪ напередЪ, что

De Divinat. lib. II. 4. n. 5.

не можно было показать большей и важнѣйшей услуги государству, какъ трудяся въ наставленіи юношества, а особливо въ такое время, когда по причинѣ необузданной своевольности нравовъ, оно имѣетъ нужду быть удержано и остановлено всѣми возможными средствами.

ТРЕТІЙ ПРЕДМѢТЪ.

Изученіе закона.

То, что я сказалъ выше сего о попеченіи, которое должны принимать учители, показывать ученикамъ своимъ наставленія и примѣры добродѣтели попадающіеся въ писателяхъ, клонится еще только къ тому, чтобъ здѣлать юношей безпорочными людьми, честными гражданами, добрыми правителями. Это правда, что сіе немалаго стоитъ, и всякъ, кто имѣетъ счастіе въ томъ успѣвать, показываетъ великую услугу обществу. Однакожъ естьлибъ кто тѣмъ только трудъ свой ограничилъ, то бы онъ имѣлъ причину опасаться укоренія, о которомъ мы читаемъ въ Евангеліи: *что лишше творите; не и язычницы ли такожде творятъ?*

Безъ выученія закону школы Христіанскіи ни чѣмъ бы не различествовали отъ языческихъ.

Матѳ. гл. V. 47

Въ самомъ дѣлѣ раченіе ихъ въ разсужденіи сего было столь велико, что оно дол-

Удивитель-

ное попеченіе язычниковЪ вЪ разсужденія нравовЪ. Сокращеніе шого, что сказалЪ КвинтиліанЪ о сей матеріи.

женствуетЪ насЪ вЪ стыдЪ приводишь. Я предложу здѣсь нѣкоторыя только мѣста изЪ Квинтиліана, учителя язычническаго, которой имѣлЪ вЪ тожЪ самое время наиболѣе искусства и добродѣтели.

Proem. Lib. I.

ВЪ превосходной Риторикѣ, которую онЪ намЪ оставилЪ, помышляя здѣлать совершеннаго оратора, онЪ полагаетЪ сіе основаніе, что онЪ не можетЪ быть такимЪ, естьли онЪ не честной человѣкЪ; и по необходимому послѣдствію, онЪ требуетЪ отЪ него не только дарованія вЪ словѣ, но и всѣхЪ добродѣтелей нравственныхЪ.

Lib. I. cap. 1.

Предосторожности, которыя онЪ принимаетЪ для воспитанія опредѣляющихся кЪ столь благородной должности, суть удивительны. Присматривая за своимЪ питомцемЪ отЪ самой колыбели, и зная, сколь сильны бываютЪ первыя впечатлѣнія, а особливо кЪ злу, онЪ хочетЪ, чтобЪ вЪ выборѣ всего того, что близЪ его находится, и что его окружаетЪ, кормилицЪ, то есть домашнихЪ, дѣтей подобнаго возраста, главное стараніе было о добрыхЪ нравахЪ.

Cap. 3.

ОнЪ взираетЪ на слѣпое небреженіе отцовЪ и матерей вЪ разсужденіи ихЪ дѣтей, и на ихЪ нерадѣніе о сохраненіи вЪ нихЪ драгоцѣннаго сокровища стыдливости, такЪ

какЪ на источникЪ всѣхЪ безпорядковЪ. Сколь онЪ охуждаетЪ сїе нѣжное воспитанїе, которое называютЪ милосердїемЪ и горячностїю, и которое служитЪ только кЪ приведенїю вЪ безсилїе тѣла вмѣстѣ сЪ разумомЪ! сколько онЪ совѣтуетЪ удалить отЪ дому отцовскаго всѣ худыя рѣчи, и всѣ худые примѣры, дабы дѣти ими не заразились, прежде нежели они узнаютЪ ихЪ опасность, и чтобЪ привычка кЪ злу не здѣлалась вЪ нихЪ второю природою!

ОнЪ хочетЪ, чтобЪ усмиряли со тщанїемЪ первыя движенїя страстей; чтобЪ все употребляли вЪ пользу для направленїя нравовЪ; чтобЪ примѣры или образцы, которые учители даютЪ имЪ списывать, заключали нравоучительныя изреченїя, служащїя кЪ поведенїю жизни; и чтобЪ подЪ видомЪ забавы давали имЪ выучать слова великихЪ мужей.

Но когда дѣло происходитЪ о выборѣ учителя, или надзирателя, какїя онЪ тогда употребляетЪ выраженїя! человѣкЪ добродѣтельнѣйшїй мало еще значитЪ по его мнѣнїю; присмотрЪ строжайшїй ему кажется недовольно еще строгЪ. Причина, которую онЪ на сїе предлагаетЪ, весьма изрядна. Ето за тѣмЪ, говоритЪ онЪ, чтобы добронравїе учителя сохраняло ихЪ невинность вЪ семЪ

Lib. 1. Cap. 3.

Lib. 2. Cap. 2.

нѣжномъ возрастѣ; и чтобъ въ послѣдствїи, когда труднѣе будетъ управлять ими, его важность, влагая въ нихъ почтенїе, удерживала ихъ въ должности.

Одно изъ наилучшихъ и извѣстнѣйшихъ мѣстъ Квинтилїана есть то, въ которомъ онъ разсматриваетъ сей славной вопросъ: *полезно ли наставлять дѣтей приватнымъ образомъ, или надлежитъ ихъ посылать въ публичныя школы?* Онъ хвалитъ послѣднее мнѣнїе, и приводитъ на то многїя причины, которыя кажутся очень сильны. Но онъ съ
Lib 1. Cap. 2. начала объявляетъ, что естьлибъ школы публичныя были опасны въ разсужденїи нравовъ, то какъ бы онѣ ни были полезны въ разсужденїи знанїй, однакожъ не надлежало бы ни мало сумниться добродѣтель предпочесть краснорѣчїю.

Когда онъ говоритъ о чтенїи писателей, то онъ увѣдомляетъ, что сїе дѣло требуетъ великихъ предосторожностей, чтобъ молодые люди въ такомъ возрастѣ, въ которомъ все то, что ни входитъ въ ихъ разумъ, оставляетъ въ немъ глубокїе слѣды, не научились ни чего худаго и безчестнаго. Въ семъ намѣренїи онъ имъ запрещаетъ вовсе читать сочиненїя чрезвычайно вольныя и безчинныя; онъ не позволяетъ имъ чтенїя ко-

медій, развѣ только въ такое время, какъ нравы ихъ будутъ въ безопасности; и совѣтуетъ дѣлать выборъ не только въ писателяхъ, но и въ мѣстахъ того, котораго имъ читаютъ. „Что касается до меня, говоритъ „онъ, я признаюсь, что есть нѣкоторыя части Горацїя, которыхъ бы я не захотѣлъ „изъяснять.

Кромѣ наставленій и примѣровъ добродѣтели, которыя подаетъ обыкновенное чтенїе, онъ желаетъ, чтобъ Профессоръ внушалъ искуснымъ образомъ повседневно въ своихъ изъясненїяхъ какое нибудь правило, или изреченїе полезное къ житїю; за тѣмъ что то, что говорится живымъ голосомъ отъ учителя, котораго добрые ученики любятъ и почитаютъ, производитъ больше дѣйствїя, нежели слова мертвыя. Квинтилїанъ такъ изъясняется, говоря о способѣ, которымъ надлежитъ поправлять сочиненїя; но сїе еще справедливѣе находится въ разсужденїи того, что касается до нравовъ.

Есть ли что нибудь, чего бы не доставало въ такой исправности? Могутъ ли Христїанскїе учители поступить далѣе? да и всѣ ли они еще до ея достигаютъ? Однакожъ ежели ихъ правда, ежели ихъ раченїе въ семъ дѣлѣ не превзойдетъ раченїе язычниковъ,

то они безъ сумнѣнія *не внидутъ въ царствіе небесное.* Чего для послѣ того, какъ принятъ былъ трудъ, чтобъ здѣлать молодыхъ людей честными и добронравными гражданами, остается еще нужнѣйшее и важнѣйшее нѣкоторое дѣло, а имянно то, чтобъ здѣлать ихъ Христіанами. Первыя оныя качества суть сами по себѣ драгоцѣнны, но благочестіе находится ихъ душею, и ихъ несказанно увеличиваетъ. Когдажъ оно въ послѣдствіи времени обезсилѣвъ и помрачившись отъ страстей совсемъ наконецъ изчезаетъ, то за щастіе почесть должно, естьли добродѣтели нравственныя остаются; и сіе будетъ не малаго стоить, когда особы высокія мѣста занимающія и опредѣленныя къ правленію другихъ сохранятъ на всегда Римское добронравіе. По сей причинѣ не можетъ излишенъ быть трудъ, которой предпринимается, чтобъ всѣять въ разумъ молодыхъ людей сіи щастливыя сѣмена, и положить въ немъ сіи основанія.

Главное намѣреніе университета есть то, чтобъ

Но главнымъ намѣреніемъ всѣхъ нашихъ трудовъ, концемъ всѣхъ нашихъ наставленій долженствуетъ быть законъ. Хотя мы и не всегда объ немъ говоримъ, однакожъ мы долженствуемъ всегда имѣть его въ умѣ, и не выпускать никогда изъ глазъ своихъ. Ког-

да кто хоть мало вникнетъ въ древнїе Регламенты университета касающїеся до учителей и учениковъ, въ различныя молитвы и торжества, которыя онъ предписалъ для призыванїя помощи отъ Бога, въ публичныя процессїи, которыя онъ установилъ въ каждое время года, и наконецъ въ опредѣленные и означенные дни, въ которые онъ прерываетъ публичныя ученїя, дабы оставить время изготовиться надлежащимъ образомъ къ отправленїю великихъ праздниковъ, и къ принятїю таинствъ; когда, говорю, кто вникнетъ во все сїе, то не трудно будетъ познать, что намѣренїе сего благочестиваго училища есть то, чтобъ ученїя молодыхъ людей освящаемы были закономъ; и что оно ихъ столь долгое время въ себѣ содержитъ съ тѣмъ единственно, чтобъ ихъ родить съ нова Iисусу Христу: *гадца моя, имиже паки болѣзную, дондеже вообразится Христосъ въ васъ.* Галат. IV, 19.

наставить молодыхъ людей въ благочестїи.

Съ симъ то самымъ намѣренїемъ университетъ приказалъ, чтобъ во всѣхъ классахъ, кромѣ прочихъ благочестивыхъ екзерцицїй, ученики прочитывали ежедневно по нѣскольку рѣчей взятыхъ изъ священнаго писанїя, а особливо изъ новаго завѣта, дабы, говоритъ онъ, другїя ученїя были какъ будто припра-

Регламентъ университета повелѣвающїй школьникамъ выу-

чать повседневно по нѣскольку рѣчей изъ священнаго писанія.

влены сею божественною солїю. Онъ согласенъ на то, чтобъ изъ язычническихъ писателей заимствовали изрядство и красоту какъ мыслей, такъ и выраженїй; ето суть драгоцѣнные сосуды, которые позволяется безъ грѣха похищать у Египтянъ. Но онъ опасается, чтобъ въ сихъ заразительныхъ чашахъ не представили еще молодымъ людямъ вина заблужденїя (какъ о семъ жаловался святый Августинъ), естьли между столь многими язычническими голосами, которыми безпрестанно отзываются школы, гласъ Iисуса Христа, единаго людей учителя, будетъ не слышанъ. Онъ почитаетъ сїю екзерцицїю благочестивую, цѣлительнымъ и сильнымъ отъ яду лѣкарствомъ, которое предупреждаетъ и укрѣпляетъ молодыхъ людей, при выходѣ изъ школы, противъ прелестей утѣхи, противъ ложныхъ мнѣнїй развратнаго вѣку, и противъ заразы худаго примѣру.

Регламентъ парламента о томъ же.

Парламентъ, которой неусыпно смотритъ, чтобъ наблюдаемы были узаконенїя университетскїя, въ генеральномъ Регламентѣ, которой онъ здѣлалъ для одной изъ сихъ Коллегїй, повелѣваетъ Префекту крѣпко надзирать, *чтобъ ученики не проводили ни одного дня не выучивъ наизусть одно или два*

изреченія изъ священнаго писанія въ силу гимназическихъ узаконеній.

Краткія разсужденія о выучаемомъ изреченіи, которыя Профессоръ сообщаетъ живымъ голосомъ, присовокуплены будучи къ наставленію, которое дѣлается обыкновенно въ каждомъ классѣ по всѣмъ субботамъ, и къ изученію священной исторіи, довольное молодымъ людямъ подадутъ понятіе о Христіанскомъ ученіи. И естьли они не познаютъ его въ семъ возрастѣ, то когда они возмогутъ его познать? Не извѣстно ли то, что время слѣдующее послѣ ученій похищаютъ пустыя забавы, утѣхи, или свѣтскія дѣла? Польза отъ чтенія св. писанія.

Начальныя правила, взятыя изъ священнаго писанія, послужатъ, какъ одинъ искусной писатель сего вѣку примѣтилъ благоразумно, къ исправленію премногихъ вещей, которыя попадаются въ дѣлахъ язычническихъ писателей, „и которыя были написа„ны вдохновеніемъ демона съ тѣмъ, чтобъ „обмануть людей ложною пріятностію, ко„торая дѣлаетъ пороки намъ любезными, „когда они представляются въ замыслова„томъ видѣ.„ Г. Ник.

Помощію сего свѣтила откроются въ сочиненіяхъ язычническихъ, какъ драгоцѣнныя искры истинны, которыя въ нихъ сіяютъ со Примѣчать въ язычническихъ

всѣхъ сторонъ въ разсужденіи божества и закона, такъ и грубыя погрѣшности, которыя примѣшало суевѣріе. Ибо одно только божественное откровеніе можетъ намъ служить предводителемъ, и провесть насъ безопасно чрезъ сіе смѣшеніе тьмы и свѣту. Безъ него что иное были народы наиболѣе прославившіеся ихъ разумомъ и знаніемъ, естьли не толпа людей слѣпыхъ, незнающихъ, лишенныхъ смыслу и премудрости? Таково есть понятіе, которое даетъ намъ объ нихъ священное писаніе во многихъ мѣстахъ. Греки и Римляне были народы политичные, просвѣщенные, наполненные особами искусными въ знаніяхъ и наукахъ. У нихъ находятся ораторы, философы, политики, многіе при томъ законодавцы, юриспруденты, судьи. Однакожъ между столь многими разумными особами передъ глазами людей, Богъ не находитъ кромѣ младенцовъ безсмысленныхъ. *Господь призрѣ съ небеси на сыны человѣческія, да видитъ, аще есть разумѣваяй: нѣсть до единаго.*

писателяхъ все то, что касается до закону.

Второзак. 32. 21.

Псал. XIII. 2. 3.

Спроси у мудрецовъ сихъ народовъ, что такое они обожаютъ, чего надѣются за почтеніе, которое они оказываютъ богамъ своимъ; чѣмъ они сами находятся, и чѣмъ будутъ; какой есть источникъ и правило должностей; какое начало власти правителей:

какой конецъ республикѣ? ты удивишся тому, что сіи мудрецы покажутся младенцами, въ разсужденіи сихъ важныхъ вопросовъ, мало различными отъ пчелъ и муравьевъ, которые живутъ въ республикахъ, и хранятъ нѣкоторые законы, не зная того, что они дѣлаютъ.

Следы перво-роднаго грѣха.

Они усмотрѣли нѣсколько послѣдствій грѣха первороднаго; но не знали ихъ источника и начала. Можно ли описать бѣдствія раждающагося человѣка съ большею живостію, нежели Плиній сіе дѣлаетъ въ своемъ изрядномъ предисловіи къ VII. книгѣ? Онъ представляетъ сіе гордое животное, опредѣленное къ управленію всего свѣта, въ совершенномъ обнаженіи отъ всякаго вспоможенія, въ слезахъ, въ болѣзняхъ; лежащимъ въ колыбели съ связанными руками и ногами; нещастнымъ извергомъ натуры поступившей съ нимъ болѣе какъ мачиха, нежели какъ мать родная; и начинающимъ свою плачевную жизнь чрезъ страданіе наказаній, хотя оно не имѣетъ другой винности кромѣ той, что оно родилось. Все то, что Плиній изъ сего состоянія заключаетъ, есть то, что это весьма удивительно, что человѣкъ послѣ такихъ начатій можетъ сохранить сколько нибудь гордости.

Цицеронъ въ одной книгѣ, которой мы болѣе не имѣемъ, и которой святый Августинъ сохранилъ намъ нѣкоторыя драгоцѣнныя частицы, описалъ прежде Плинія такимъ же почти образомъ состояніе человѣка, выключая то, что онъ присовокупилъ такія черты, которыя выражаютъ еще лучше последствія первороднаго грѣха, примѣчая со стороны души природное человѣка порабощеніе всякимъ страстямъ, и нещастную склонность, которая ввергаетъ его въ пороки и безчинія; однакожъ такъ, что видны еще въ немъ оставшіеся нѣкоторые лучи свѣта, и слабыя искры разума.

St. August. lib. 4. contra. Julian. cap. 12. n. 60.

Lib. 6. Ксенофонтъ въ Киропедіи упоминаетъ о нѣкоторомъ молодомъ Мидійскомъ господинѣ, которой не устоявъ противъ искушенія, о которомъ онъ сперва думалъ, что онъ не долженствовалъ его и опасаться (столько то онъ полагался на свои силы), признается Киру въ своей слабости, и говоритъ, что въ немъ были двѣ души, изъ которыхъ одна, которая его устремляла къ добру, одерживала верьхъ тогда, какъ сей Государь былъ въ присутствіи; а другая, которая его привлекала къ злу, выигрывала побѣду, когда онъ прочь удалялся. Вотъ ясно изображенное вожделѣніе!

Самые философы приведены симъ были въ изумленіе, и приближились къ вѣрѣ Христіанской, какъ примѣчаетъ св. Августинъ, почитая погрѣшности и бѣдствія, которыми жизнь сія наполнена, послѣдствіемъ Божіяго правосудія, которое наказывало такимъ образомъ нѣкоторыя винности учиненныя въ другой жизни, которыя были истинны и дѣйствительны, хотя онѣ имъ были неизвѣстны. Contra Julian. lib. IV. cap. 15. n. 78.

Сіе чудное смѣшеніе подлости и благородства, слабости и силы, любви къ истинѣ, и склонности къ заблужденію, стремленія къ щастію, и подверженія бѣдности, сіе, повторяю я, смѣшеніе, которое находится состояніемъ всякаго человѣка послѣ преступленія Адамова, было для нихъ непостижимою загадкою. Они ощущали въ себѣ самихъ всѣ сіи противности, но не знали ихъ причины, какъ св. Августинъ сіе примѣчаетъ въ разсужденіи Цицерона: rem vidit, causam nescivit; да какъ имъ и знать ее можно было, имъ, которые не знали совсемъ священнаго писанія, которое одно только подаетъ намъ рѣшеніе всѣхъ оныхъ трудностей, увѣдомляя насъ о паденіи перваго человѣка, и о послѣдствіяхъ грѣха первороднаго? S. August contra Jul. cap. 12. n. 60.

Но когда однажды положены основанія, которыя откровеніе намъ подаетъ въ разсужденіи всѣхъ оныхъ матерій, тогда уже писатели язычническіе съ легкими отмѣнами въ ихъ выраженіяхъ, и въ ихъ мнѣніяхъ могутъ здѣлаться Христіанами, какъ примѣчаетъ сіе св. Августинъ, и бываютъ намъ весьма полезны въ разсужденіи самаго закона.

De doct. christ. cap. 4.

Слѣды многихъ другихъ истиннъ закона.

Вездѣ въ нихъ видны крѣпкія доказательства о безсмертіи души, такъ какъ о награжденіяхъ и наказаніяхъ другой жизни. Вездѣ въ нихъ примѣчается надобность и бытіе верьховнаго, независящаго, вѣчнаго существа, котораго провидѣніе распространяется ко всему, и входитъ въ мѣлчайшія подробности; котораго благость предупреждаетъ всѣ нужды человѣка, и его осыпаетъ благими; котораго правосудіе наказываетъ общіе безпорядки общими бѣдствіями, и умилостивляется раскаяніемъ; котораго неограниченное могущество располагаетъ государства и имперіи, и опредѣляетъ самовластнымъ образомъ судьбу особыхъ людей и народовъ. Въ нихъ наконецъ мы находимъ, что сіе вездѣ сущее и все надзирающее существо выслушиваетъ молитвы, принимаетъ желанія, присутствуетъ въ клятвахъ, и наказываетъ ихъ нарушителей: что оно про-

ницаетъ окомъ своимъ въ самую темнѣйшую глубину совѣстей, и возмущаетъ ихъ угрызеніями; что оно отнимаетъ у однихъ благоразуміе, разсужденіе, смѣлость, и даетъ ихъ другимъ; что оно охраняетъ невинность, благопріятствуетъ добродѣтели, ненавидитъ порокъ, и наказываетъ его часто въ сей жизни; и что наконецъ оно соблаговоляетъ усмирять гордыхъ, и отнимать у неправедныхъ силу, которую они во зло употребляютъ.

Сколь много искусной учитель пользуется всѣми сими важными истиннами, и премногими другими имъ подобными, которыя ежедневно показываясь въ новыхъ видахъ, дѣлаютъ мало помалу въ разумѣ тайное, внутренное и какъ бы врожденное увѣреніе, противъ котораго невѣріе послѣ сего имѣетъ гораздо меньше силы!

Замѣчать мѣста языческихъ писателей, въ которыхъ упоминается

Не безполезно также для показанія молодымъ людямъ щастія, которое они имѣютъ быть рожденными въ Христіанскомъ законѣ, велѣть имъ примѣчать, съ какимъ презрѣніемъ знатнѣйшіе писатели языческіе говорили о начинающемся Христіанствѣ, которое однакожъ испускало тогда столь великой блескъ и славу. Я здѣсь приведу изъ нихъ два или три только мѣста.

о Христіанствѣ. Tacit. Annal. lib. XV. cap. 44.

Тацитъ упоминая о зажженіи Рима, котораго виновникомъ всѣ признавали Нерона, говоритъ, „что сей государь хотѣлъ уничтожить сіе общее всѣхъ увѣреніе, слагая „причину и ненависть пожару на тѣхъ, ко„торыхъ народъ Христіанами называлъ, и „что онъ велѣлъ ихъ мучить ужасными на„казаніями. Это были, говоритъ онъ, без„честные люди, которыхъ весь свѣтъ имѣлъ „въ омерзѣніи какъ такихъ, которые вино„ваты были въ самыхъ гнуснѣйшихъ престу„пленіяхъ. Они получили свое имя, продол„жаетъ сей историкъ, отъ нѣкоего Христа, „котораго Понтій Пилатъ, Іудейской Гу„бернаторъ, казнилъ при Тиверіѣ. Сія па„губная секта уничтожена будучи на нѣ„сколько времени, распложалась съ нова не „только во Іудеи, въ которой она бытіе „свое получила, но и въ самомъ Римѣ, ко„торой находится зборнымъ мѣстомъ, и сте„ченіемъ всѣхъ смраднѣйшихъ дряней свѣта.„ Онъ присовокупляетъ послѣ сего, что они уличены были не столько въ томъ преступленіи, которое имъ приписывалось, сколько въ ненависти рода человѣческаго. Светоній, говоря о семъ зажженіи Рима, даетъ намъ такоежъ понятіе о Христіанствѣ, которое онъ щитаетъ за новое суевѣріе смѣшанное съ волшебствомъ.

In. Neron. cap. 16.

Сіи великіе мужи, говоритъ Г. Тильмонтъ, упоминая объ ономъ дѣлѣ, которые столько старались искать истинны въ исторіи и въ посредственныхъ вещахъ, оказывали великое нерадѣніе о такой, въ познаніи которой они имѣли наибольшую нужду. Они охуждали въ своихъ сочиненіяхъ неправосудіе Государей, которые наказывали и не изслѣдовавъ точно преступленія; а сами не стыдились дѣлать такоежъ неправосудіе, ненавидя за неизвѣстныя преступленія тѣхъ, въ которыхъ они не видали ничего, что бы похвалять принуждены не были.

Справедливо думаютъ, что то, что говоритъ Квинтиліанъ о *начальникѣ суевѣрія Іудейскаго, которой собралъ народъ пагубной всѣмъ другимъ народамъ*, должно разумѣть о самомъ Іисусѣ Христѣ, а не о Моисеѣ; за тѣмъ что въ сіи первыя времена весьма часто смѣшивали Христіанъ съ Жидами. Это бы долженствовало казаться удивительно, что такой человѣкъ, какъ Квинтиліанъ, столь въ прочемъ благоразумной и столь умѣренной, и которой имѣлъ щастіе вступить (*) въ одинъ домъ наполненной Lib. 3. Cap. 7.

(*) *Квинтиліану поручено было воспитаніе двухъ молодыхъ Принцовъ, дѣтей Флавія Климента, которой имѣлъ честь пострадать*

знатными Христїанами, и изобильной притомъ мучениками, говорилъ симъ образомъ о Христїанствѣ, ежелибъ не было извѣстно, что вѣра не есть плодъ разума, и благоразсужденїя, но чистой даръ милосердїя Божїя; такой писатель, которой могъ распространить свое ласкательство даже до того, что призналъ богомъ Императора, и еще такова, какъ былъ Домитїанъ, достоинъ былъ того, чтобъ говорить хулу на Їисуса Христа и на его законъ.

Нѣтъ ничего славнѣе, какъ письмо Плинїя младшаго къ Императору Траяну о Христїянахъ. Въ немъ видно, что прилѣпленїе къ Христїанству почиталось упорностїю, упрямствомъ, глупостїю и по сей пустой причинѣ штрафовано было лютѣйшею казнїю такъ какъ гнуснѣйшее изъ всѣхъ преступленїе. Плинїй не знаетъ, можетъ ли въ семъ дѣлѣ раскаянїе заслужить прощенїе, или безполезно переставать быть Христїаниномъ, когда кто одинъ разъ здѣлался такимъ; одно ли имя въ нихъ наказывается, или преступленїя соединенныя съ симъ именемъ. „Тѣ, „которыхъ я взялъ въ допросъ, говоритъ

за Іисуса Христа, такъ какъ и Доттилла его жена, и другая Домитилла его племянница.

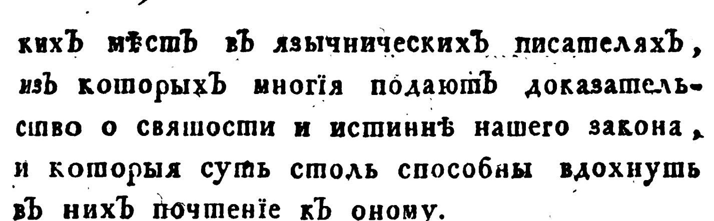
„онъ, увѣряли, что вся ихъ погрѣшность „или заблужденіе состояло въ томъ, что въ „одинъ означенной день они собирались пе„редъ всхожденіемъ солнца, чтобъ пѣть по„перемѣнно похвалы Христа, какъ нѣкоего „бога; что они обязывались клятвою не къ „тому, чтобъ дѣлать какое беззаконіе, но „чтобъ не дѣлать ни хищенія, ни воров„ства, ни прелюбодѣянія, чтобъ хранить „ненарушимо свое слово, чтобъ не запирать„ся въ залогѣ, когда его назадъ потребуютъ; „и что послѣ сего они разходились, и соби„рались опять на общей пиръ, въ которомъ „не было ничего беззаконнаго.„ Однакожъ онъ признается, что онъ приказалъ вести на казнь тѣхъ, которые остались въ ихъ признаніи, не сумнѣваясь, чтобъ ихъ упорность и упрямство непреодолимое не заслужили наказанія, хотя бы Христіанство ихъ и не дѣлало виноватыми.

„Отвѣтъ отъ Императора былъ сей, что „не надлежало выискивать Христіанъ; но „естьли на ихъ донесутъ, говоритъ онъ, и „естьли ихъ обвинятъ на судѣ, то надобно „ихъ наказывать; однакожъ такъ, чтобъ тѣ, „которые будутъ утверждать, что они не „Христіаны, и которые докажутъ сіе дѣла„ми, то есть принесеніемъ жертвъ нашимъ

„богамъ, сочтены были невинными. Въ про-„чемъ, присовокупляетъ Траянъ, ни въ ка-„комъ родѣ преступленія не должно прини-„мать челобитенъ и доносовъ, которые ни-„кѣмъ не подписаны; по тому что это есть „пагубнаго примѣру, и весьма не сходствен-„но съ нашими предписаніями.„

Сколько такія мѣста подаютъ разсужде-ній способныхъ къ показанію молодымъ лю-дямъ святости и чистоты закона Христіан-скаго, самопроизвольнаго, и поноснаго ослѣп-ленія остроумнѣйшихъ мужей въ язычниче-ствѣ, несноснаго неправосудія умѣреннѣй-шихъ и мудрѣйшихъ государей Римскихъ, и явнаго противорѣчія ихъ указовъ на Хри-стіанъ, въ которыхъ видно, что для осуж-денія ихъ надлежало отказаться не только отъ всякой справедливости, но отъ здрава-го смыслу, и праваго разума? „О указъ Им-„ператорской, восклицаетъ Тертуліанъ, го-„воря о письмѣ Траяновомъ, для чего ты „не согласенъ самъ съ собою? Ежели ты по-„велѣваешь осуждать преступленіе, то для „чего не повелѣваешь изыскивать его? А „ежели запрещаешь его изыскивать, то для „чего не приказываешь оправдать его?„ Мнѣ кажется, что не должно выпускать изъ кол-легіи молодыхъ людей не прочитавъ имъ та-

Tertul. Apol. 6. 2.



кихъ мѣстъ въ язычническихъ писателяхъ, изъ которыхъ многія подаютъ доказательство о святости и истиннѣ нашего закона, и которыя суть столь способны вдохнуть въ нихъ почтеніе къ оному.

Средство вдохнуть въ другихъ благочестіе, есть то, чтобъ быть самому онымъ тронуту.

Но надежнѣйшее и дѣйствительнѣйшее средство вперить въ молодыхъ людей склонности къ благочестію, есть то, чтобъ учитель самъ былъ чувствительно имъ тронутъ. Тогда уже все въ немъ говоритъ, все наставляетъ, все вдыхаетъ почтеніе къ закону, и въ то самое время, какъ дѣло совсемъ о другомъ чемъ нибудь происходитъ. Ибо въ семъ случаѣ сердце дѣйствуетъ еще болѣе нежели разумъ; и не только въ разсужденіи знаній, но и въ разсужденіи добродѣтели примѣры скорѣе успѣваютъ, нежели правила.

Сей характеръ видѣнъ былъ особливо въ св. Августинѣ, и повѣсть отъ него намъ оставленная о способѣ, которымъ онъ наставлялъ своихъ учениковъ, можетъ быть весьма полезна какъ для учениковъ, такъ и для учителей. Въ ней видно, что нужнѣйшее качество Христіанскаго учителя есть то, чтобъ онъ имѣлъ къ ученикамъ сію любовь св. Павломъ упоминаемую, которая воспламеняетъ въ немъ горячую ревность о ихъ спасеніи, и дѣлаетъ его крайне чувствитель-

2 Кор. II. 2.

нымъ ко всему тому, что можетъ хоть малой ущербъ причинить оному.

S. August. lib. 1. de ordine. cap. 10.

Сей великой святой по своемъ обращенïи удалился въ деревню съ нѣсколькими друзьями, гдѣ онъ наставлялъ двухъ молодыхъ человѣкъ именемъ Лицента и Тригеса. Онъ установилъ правильныя между ими сношенïя, въ которыхъ онъ заставлялъ ихъ говорить о различныхъ матерïяхъ, которыя предлагались. Всякой защищалъ свое мнѣнïе, и отвѣчалъ на вопросы и трудности ему заданныя. Все то, что говорили съ обѣихъ сторонъ, было записывано. Случилось въ одинъ день Тригесу сказать отвѣтъ, которой не очень былъ исправенъ, и котораго онъ желалъ, чтобъ не записывали. Лицентъ съ своей стороны крѣпко стоялъ въ противномъ и требовалъ, чтобъ онъ записанъ былъ. Они оба разгорячились, какъ это обыкновенно бываетъ, говоритъ Августинъ, между молодыми, или лучше сказать между всѣми людьми, которые наполнены тщеславïемъ и гордостïю.

Св. Августинъ здѣлалъ выговоръ довольно строгой Лиценту, которой застыдился отъ того немедлѣнно. Другой восхищенъ будучи смятенïемъ и стыдомъ, въ которомъ онъ видѣлъ своего соперника, не могъ скрыть

своей радости. Святой будучи тронутЪ чувствительною болѣзнію, видя тайную досаду одного, и злобную радость другова, и обращаясь кЪ нимЪ обоимЪ: „такЪ не ужели „вы, говоритЪ имЪ, такимЪ образомЪ поступаете? Это ли есть любовь истинны, которою, льстился я, что вы вЪ сію минуту „объяты были?„ Послѣ многихЪ представленій онЪ такимЪ образомЪ оканчиваетЪ: „Любезные мои дѣти, не умножайте, прошу „васЪ, моихЪ бѣдностей, которыя и такЪ уже „очень велики. Ежели вы чувствуете, сколько я васЪ почитаю и люблю, и сколь дорого мнѣ ваше спасеніе; ежели вы увѣрены, „что я не желаю большаго добра самому „себѣ, нежели вамЪ; наконецЪ ежели называя „меня учителемЪ своимЪ, вы щитаете себя „обязанными показывать мнѣ взаимно любовь „и горячность: то вся благодарность, которой я отЪ васЪ требую, состоитЪ вЪ томЪ, „чтобЪ вы были добрыми людьми.„ Слезы тогда изЪ глазЪ его ручьемЪ потекли, и окончили то, что рѣчь его начала. Ученики сжалившись ни о чемЪ болѣе не помышляли, какЪ только обЪ утѣшеніи ихЪ учителя чрезЪ скорое раскаяніе вЪ тогдашнее время, и чрезЪ искреннія обѣщанія вЪ разсужденіи будущаго.

Но погрѣшность сихъ молодыхъ людей достойна ли была того, чтобъ учитель столько былъ ею тронутъ? Не обыкновенны ли суть такіе споры? И хотѣть выгнать изъ нихъ сію живость, и сію чувствительность, не значитъ ли угашать весь жаръ ученія, и уничтожать поощреніе столь нужное сему возрасту?

Св. Августинъ не имѣлъ такова намѣренія. Онъ только хотѣлъ содержать въ надлежащихъ границахъ благородное рвеніе, и воспрепятствовать, чтобъ оно не превратилось въ гордость, которая есть наибольшею человѣка немощію. Онъ вовсе не думалъ лѣчить ее другою, которая можетъ статься не меньше опасна; я разумѣю лѣность и нерадѣніе. „Сколько бы я сожалѣнія достоинъ „былъ, говоритъ онъ, когда бы имѣлъ та„кихъ учениковъ, въ которыхъ бы порокъ не „могъ ничемъ другимъ исправиться, какъ „только другимъ порокомъ!„

Вотъ осторожныя мысли, которыхъ не находится у язычниковъ! Они, правда, согласуются въ томъ, что честолюбіе, о которомъ мы здѣсь говоримъ, есть порокъ; но со страннымъ нѣкоторымъ противорѣчіемъ они представляютъ оное такимъ порокомъ, которой бываетъ часто въ молодыхъ людяхъ

Quintil. lib. I. cap. 3.

источникомъ добродѣтелей; и дѣлаютъ все то, что нужно къ питанію и умноженію сей болѣзни. Одно только есть Христіанство, которое исцѣляетъ все, которое объявляетъ войну всѣмъ вообще порокамъ, и которое можетъ поставить человѣка въ совершенномъ здоровьѣ. Философія со всѣми своими правилами не простирается столь далеко.

И такъ, дабы представить въ немногихъ словахъ то, что я сказалъ по сіе мѣсто, надлежитъ, чтобъ разумъ, украсивъ мысль своего ученика всѣми человѣческими знаніями, и укрѣпивъ его сердце всѣми нравственными добродѣтелями, предалъ его въ руки закона, дабы научить его пользоваться по надлежащему всѣмъ тѣмъ, чему онъ его обучитъ, такъ чтобъ сіе послужило ему и въ самой вѣчности. Онъ долженъ его увѣдомить, что безъ наставленій сего новаго учителя, весь его трудъ былъ бы одна пустая забава, за тѣмъ что онъ ограничился бы землею, временемъ, тщетною славою, прерывающимся благополучіемъ; и что сей новой предводитель одинъ только можетъ привесть человѣка къ его началу, поставить его въ лонѣ божества, здѣлать его стяжателемъ верьховнаго блага, къ которому онъ

Все прочее относить къ закону, и ему подвергать.

стремится, и исполнить безмѣрныя его желанія безпредѣльнымъ щастіемъ. Наконецъ послѣднее и важнѣйшее изъ всѣхъ увѣщаніе, которое онъ дать ему долженствуетъ, есть то, чтобъ онъ съ совершенною послушностію внималъ высочайшія наставленія, которыя законъ ему подавать станетъ, чтобъ покарялъ ему все другое просвѣщеніе, и щиталъ за наибольшее благополучіе и за неотмѣнную должность то, чтобъ употреблять всѣ свои познанія, всѣ дарованія къ его славѣ.

РАСПОЛОЖЕНІЯ СЕГО СОЧИНЕНІЯ, И ОСОБЛИВЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

Предполагая всегда три различные предмѣта, которые учители должны предлагать себѣ въ наставленіи юношества, и о которыхъ сказано было въ первой части сего предисловія, я раздѣлю сіе сочиненіе на шесть частей.

Первая будетъ имѣть главнымъ предмѣтомъ Грамматику, и знаніе языковъ, которыхъ надлежитъ обучаться въ коллегіи, и которые суть Французской, Греческой, Латинской.

Во второй я предложу о Поезіи.

Третья изЪ нихЪ пространнѣйшая касаться будетЪ до Риторики. ВЪ сей то части особливо я отвѣдаю направить вкусЪ молодыхЪ людей, полагая предЪ глазами ихЪ главныя правила, которыя намЪ оставили превосходнѣйшіе учители науки о сей матеріи, и присовокупляя кЪ онымЪ правиламЪ примѣры взятые изЪ самыхЪ лучшихЪ писателей ЛатинскихЪ и ФранцузскихЪ, которыхЪ красоты я открыть иногда постараюсь.

Исторія составлять будетЪ четвертую часть. Я заключаю подЪ симЪ именемЪ исторію священную, которая есть основаніемЪ всѣхЪ протчихЪ; басню, которая хоть и не столь древна, какЪ истинна, однакожЪ за нею близко послѣдовала, и отЪ ней приняла бытіе свое, портя ее и повреждая; исторію Греческую, которая вмѣщаетЪ вЪ себѣ исторію другихЪ нѣкоторыхЪ народовЪ; и наконецЪ исторію Римскую. Древности и обыкновенія обоихЪ народовЪ такЪ, какЪ Хронологія и Географія, пріобщены будутЪ кЪ разсужденію обЪ исторіи.

Философія сЪ принадлежащими кЪ ней знаніями будетЪ матеріею пятой части.

КЪ симЪ пяти частямЪ я присовокуплю шестую, которая весьма полезна быть можетЪ, естьли только я буду имѣть щастіе исправне

написать ее. Кромѣ многихъ членовъ, которые будутъ опущены или которые не найдутъ пристойнаго мѣста въ протчемъ сочиненіи, она заключать будетъ подробность внутренняго правленія классовъ и коллегіи; способъ, которымъ надлежитъ поступать съ молодыми людьми, узнавать ихъ характеръ, нравы, склонности, недостатки, и подавать имъ самимъ познаніе объ оныхъ; наконецъ раченіе, которое надлежитъ имѣть о исправленіи ихъ разума и сердца не столько чрезъ публичныя наставленія, какъ чрезъ приватныя обращенія, которыя долженствуютъ быть вольны, удобны, просты, безъ принужденія, безъ хитрости, словомъ сказать, таковы, чтобъ молодые люди могли имѣть совершенную довѣренность къ ихъ учителямъ.

Въ прочемъ я не намѣренъ въ семъ сочиненіи сообщить новаго расположенія ученій, ниже предложить новыхъ правилъ и новаго способа къ наставленію молодыхъ людей; но только показать то, что наблюдается въ разсужденіи сего въ Парижскомъ университетѣ, что дѣлали мои учители, и что я самъ старался наблюдать послѣдуя ихъ примѣру. И такъ выключая малое число членовъ, въ которыхъ я могу отважиться предложить нѣкоторыя особливыя мысли, напримѣръ о

надобности обучаться Французскому языку по правиламъ, и полагать больше времени на исторїю, я во всемъ прочемъ объявлю только вѣрнымъ образомъ то, что отправляется съ давняго времени въ коллегїяхъ университетскихъ. Я прошу читателя, чтобъ онъ соблаговолилъ брать въ етомъ смыслѣ все то, что онъ найдетъ въ семъ сочиненїи подъ именемъ примѣчанїй и правилъ, хотя кажется, что я вездѣ говорю то, что надлежитъ дѣлать, а не то, что дѣйствительно уже дѣлается, понеже для наблюденїя порядку и ясности я не могъ изъясниться иначе.

Я долженъ также с начала объявить, что я не имѣю въ мысли того, чтобъ наставлять Професссоровъ, а особливо тѣхъ, которые имѣютъ совершенной возрастъ и искусство. Отъ нихъ я бы самъ желалъ заимствовать просвѣщенїе о способѣ обучать; да я и дѣйствительно вопрошалъ о семъ многихъ изъ нихъ, которыхъ совѣты довольно мнѣ послужили. Но можетъ статься сїе сочиненїе будетъ не безполезно для молодыхъ учителей, которые еще не искусились, и для молодыхъ книгочтецовъ, которые имѣютъ разумъ и охоту, но не нашедъ съ начала хорошихъ предводителей, чувствуютъ въ томъ нужду, чтобъ имъ показали дорогу,

которой они долженствуютЪ держаться, дабы могли поступать сами собою вЪ ихЪ ученїяхЪ, и притти вЪ состоянїе другимЪ предводительствовать.

Одно изЪ моихЪ главныхЪ намѣренїй вЪ примѣчанїяхЪ мною учиненныхЪ о сей матерїи, а особливо вЪ тѣхЪ, которыя составлять будутЪ второй томЪ сего сочиненїя, было то, чтобЪ утвердить чрезЪ оныя, естьли возможно, доброй вкусЪ, которой царствуетЪ сЪ давняго времени вЪ университетѣ, и которой вЪ немЪ сохранился какЪ будто бы чрезЪ преданїе и живымЪ голосомЪ переходя отЪ учителей кЪ ученикамЪ.

Дабы не говорить на удачу, и не предложить ничего неосновательнаго; я начинаю обыкновенно всякую матерїю, о которой я говорю, положенїемЪ правилЪ и оснований, которыя я беру изЪ искуснѣйшихЪ мужей вЪ дѣлѣ краснорѣчїя, а особливо изЪ Цицерона и Квинтилїана. По семЪ я присовокупляю кЪ ихЪ правиламЪ примѣры взятые изЪ наилучшихЪ писателей какЪ ЛатинскихЪ такЪ и ФранцузскихЪ.

Я привожу множество ЛатинскихЪ мѣстЪ изЪ двухЪ писателей, о которыхЪ я упомянулЪ, и которые суть главные мои предводители; и льщусь, что тѣмЪ не будутЪ не-

довольны. Сїи мѣста суть по большой части отборныя, знатныя, и какъ бы цвѣтъ самой чистой Латини, и превосходные образцы неповрежденнаго краснорѣчїя. Они, какъ мнѣ кажется, могутъ сами собою направить вкусъ, въ чемъ главное мое состоитъ намѣренїе. Я пользовался много и Сенекою, которой изобиленъ важными мыслями, и изрядными выраженїями, хотя его штиль во многихъ мѣстахъ весьма недостаточенъ.

Можно было не приводить всѣхъ оныхъ мѣстъ; положить только ихъ мысли въ самомъ сочиненїи, которое бы по сей причинѣ было одновиднѣе, и похожѣе на подлинникъ; и скрыть рачительно всѣ слѣды сихъ похищенїй. Я не незнаю, что это есть польза, которую надлежитъ получать изъ чтенїя. Писатель, уподобляясь въ томъ пчеламъ, составляющимъ свой медъ изъ соку, которой онѣ умѣли искусно собрать на различныхъ цвѣтахъ, долженъ превращать въ свое собственное существо мысли и красоты, которыя онъ находитъ въ древнихъ; онъ долженствуетъ чрезъ ихъ употребленїе, и чрезъ новой видъ, которой онъ имъ даетъ, присвоить ихъ къ себѣ такъ, чтобъ онѣ здѣлались собственнымъ его стяжанїемъ, и чтобъ, хотя узнаютъ, откуда онѣ взяты, одна-

кожъ казались перемѣнившими свою натуру проходя чрезъ его руки. Но поелику здѣсь о томъ только дѣло произходитъ, чтобъ дать предписанія о краснорѣчіи, и правила о добромъ вкусѣ, то я почелъ, что мнѣ надлежало приводить моихъ писателей, и представлять моихъ, такъ сказать, порукъ, которыхъ одно имя можетъ придать важность моимъ разсужденіямъ (*).

Я не хотѣлъ столько принуждать себя, чтобъ переводить всегда съ точностію сіи мѣста, и я часто выражаю только ихъ смыслъ

(*) Въ новѣйшемъ изданіи сего сочиненія выпущены нѣкоторые изъ сихъ приводовъ, которые стоятъ внизу страницъ, дабы угодить вкусу большей части читателей, которымъ пространство и великое ихъ число могло наскучить. Любопытныя особы не будутъ имѣть въ семъ ущербу, по тому что смыслъ оныхъ мѣстъ выражается въ текстѣ, и что они на краяхъ страницъ означаются, такъ что всякой удобно можетъ находить оныя тамъ, откуду они взяты. Въ прочемъ надлежитъ знать, что сіе учинено съ маловажными мѣстами; чтожъ касается до другихъ, которыя могутъ почесться или цвѣтами чистѣйшей Латыни, или образцами здраваго краснорѣчія, то они сохранены со тщаніемъ.

въ моихъ примѣчаніяхъ. Новой переводъ Квинтиліана былъ мнѣ великимъ вспоможеніемъ. Я его употреблялъ не совсемъ къ нему привязываясь, и принималъ вольность дѣлать въ немъ нѣкоторыя перемѣны, равно какъ и въ премногихъ другихъ, которыми я пользовался. Переводъ Омира изданной госпожею Дассіершею мнѣ также много вспомоществовалъ. Однакожъ я иногда предпочелъ переводъ нѣкоторыхъ книгъ сего стихотворца изданной Г. Боавиномъ, которой переводъ заставляетъ желать, чтобъ остатокъ его окончанъ былъ тою же рукою. *Способъ къ исправному размышленію.* О. Бугурсія подалъ мнѣ важныя разсужденія о томъ, что касается до мыслей; сія книга очень служитъ къ направленію вкуса, и можетъ много помоществовать учителямъ, которые будутъ ее читать со вниманіемъ и съ нѣкоторою предосторожностію. Я почерпнулъ въ ученыхъ сочиненіяхъ касающихся до святыхъ книгъ, которыя изданы въ наше время, нѣкоторую часть того, что я сказалъ о священномъ краснорѣчіи. Словомъ сказать, все то, что есть самое лучшее въ семъ сочиненіи, не моей выдумки; но что мнѣ до того нужды, откуда оно взято, лишь только бы полезно было юношеству, въ чемъ единственно состо-

ить намѣреніе, которое я предложить себѣ долженствовалъ.

Я не хочу искать себѣ чести чрезъ чужое добро; это бы значило нѣчто болѣе, нежели безразсудность. Я бы желалъ только, чтобъ оно могло прикрыть мою скудость, и чтобъ сіе множество чужихъ изрядствъ, которыя украшаютъ мое сочиненіе, привело въ забвеніе, или по крайней мѣрѣ здѣлало извинительными тѣ недостатки, которые мнѣ собственны.

Нѣкоторыя особы могутъ подумать, что сіе сочиненіе, которое особливо опредѣлено для университета, и которое предлагаетъ объ ученіяхъ происходящихъ въономъ, долженствовало написано быть на Латинскомъ языкѣ; и сіе мнѣніе кажется весьма справедливо и основательно.

Можетъ статься, что моя польза требовала бы того, чтобъ я предпріялъ сіе намѣреніе, и я бы дѣйствительно могъ лучше успѣть сочиняя на такомъ языкѣ, на изученіе котораго я положилъ нѣкоторую часть своей жизни, и которой я чаще употребляю нежели Французской. Я не стыжусь дѣлать сего признанія, дабы читатели склоннѣе были простить мнѣ множество погрѣшностей, которыя у меня сыщутся въ такомъ родѣ

сочиненія, которой почти новой для меня. Послѣ того, какъ я окончилъ сіи первые томы, я читалъ одно сочиненіе написанное на Латинскомъ языкѣ о той же самой матеріи, которое моглобъ меня удержать, чтобъ я не дѣлалъ своего на томъ же языкѣ, поелику я не могу льститься достичь до красоты слога, которая въ немъ царствуетъ. Ето есть книга О. Ювенси Іезуита, которой чрезъ долгое время обучалъ Риторики въ Парижѣ съ великою славою и успѣхомъ; она имѣетъ слѣдующую надпись: *Способъ учить и обучатся.* Сія книга написана съ такою чистотою и изрядствомъ, съ такою важностію разсудка и размышленій, съ такимъ вкусомъ благочестія, которыя не оставляютъ болѣе ничего желать, какъ только, чтобъ сочиненіе было пространнѣе, и чтобъ матеріи въ немъ были подробнѣе разобраны; но Писатель не имѣлъ такого намѣренія.

Многія причины обязали меня не писать на Латинскомъ языкѣ. Во первыхъ мнѣ кажется, что ето бы совсемъ противно было намѣренію, которое я предложилъ себѣ, и которое состоитъ въ томъ, чтобъ наставить молодыхъ людей, которые еще не очень искусны, и которые не имѣютъ довольно знанія въ Латинскомъ языкѣ, чтобъ

разумѣть его такъ какъ ихъ природной. За недостаткомъ другихъ прелестей, которыхъ не видно будетъ въ семъ сочиненіи, я долженствовалъ стараться, чтобъ они нашли какую нибудь приманку въ удобности, которую они имѣть будутъ въ чтеніи онаго, и когда я не могъ разсыпать въ немъ цвѣтовъ, то по крайней мѣрѣ я обязанъ былъ удалить отъ него терны.

Въ прочемъ я почелъ себѣ за долгъ не ограничиваться тѣмъ, чтобъ здѣлать учениковъ краснорѣчивыми на Латинскомъ языкѣ; но распространить мои намѣренія съ университетомъ далѣе, помышляя особливо о тѣхъ, которые должны со временемъ употребить въ дѣло краснорѣчіе и словесныя науки на Французскомъ; и сіе то меня побудило присовокупить къ моему сочиненію примѣры взятые изъ Французскихъ писателей. Наконецъ мнѣ показалось сіе не безполезно, чтобъ привесть всѣхъ отцовъ и самыхъ матерей въ состояніе читать сіе разсужденіе объ ученіяхъ, и чрезъ сіе познавать то, чего нужно обучать ихъ дѣтей.

Но я долженъ ихъ увѣдомить, что они напрасно бы надѣялись найти съ самаго начала въ учителѣ все пространство познаній, которыми надлежитъ просвѣщать разумъ мо-

лодыхъ людей, каковы суть словесныя науки, Философія, Исторія Священная и Свѣтская, Географія, Хронологія, и многія другія вещи сего роду. Гдѣ сыскать такихъ учителей? Я бы весьма былъ несправедливъ и безразсуденъ, когда бы потребовалъ отъ нихъ того, чего я не нахожу въ себѣ самомъ, и отъ чего я далѣе еще отстоялъ, когда вступилъ въ учительское званіе. Довольно и того, чтобъ принесть съ собою природную остроту разума, вниманіе, охоту къ ученію, и нѣкоторое познаніе объ основаніяхъ всѣхъ оныхъ наукъ. И мое намѣреніе клонится къ тому, чтобъ сообщить довольное ихъ число въ семъ сочиненіи, дабы привесть молодаго учителя въ состояніе дать объ нихъ нѣкоторое понятіе своимъ ученикамъ.

Понеже въ семъ сочиненіи я часто упоминать буду о добромъ вкусѣ въ разсужденіи словесныхъ наукъ и краснорѣчія; того для да будетъ мнѣ позволено напередъ сообщить о немъ нѣсколько общихъ разсужденій, которыя послужатъ къ показанію его важности и надобности.

При окончаніи сего предисловія, ничего мнѣ болѣе дѣлать не остается, какъ только просить Бога, *котораго въ рукахъ на-*

ходимся мы и слова наши, чтобЪ онЪ соизволилЪ благословить мои добрыя намѣренія, и чтобЪ здѣлалЪ сіе сочиненіе полезнымЪ юношеству, котораго наставленіе мнѣ всегда пріятно, и кажется, что составляетЪ еще часть моего званія и моей должности вЪ спокойномЪ отдохновеніи, которое мнѣ божественное провидѣніе опредѣлило.

ОБЩІЯ РАЗСУЖДЕНІЯ

О томЪ, что называется добрымЪ вкусомЪ.

ВкусЪ такой, какЪ мы его здѣсь разумѣемЪ, то есть, вЪ разсужденіи чтенія писателей и сочиненія, есть тонкая, скорая, чистая, и безошибочная разборчивость во всякой красотѣ, истиннѣ, и исправности какЪ мыслей, такЪ и выраженій, которыя входятЪ вЪ какую нибудь рѣчь. ОнЪ отдѣляетЪ то, что сходствуетЪ сЪ точнѣйшими благопристойностьми, что свойственно всякому характеру, и что пристойно различнымЪ обстоятельствамЪ. И между тѣмЪ, какЪ онЪ примѣчаетЪ тонкимЪ и отмѣннымЪ нѣкоторымЪ чувствіемЪ красоты, гладкости слога, манеры, выраженія наиболѣе нравиться могущія, онЪ усматриваетЪ также всѣ

пороки, которые производятъ противное дѣйствіе, и разбираетъ, въ чемъ точно состоятъ сіи пороки, и сколько они удаляются отъ строгихъ правилъ науки, и отъ истинныхъ красотъ натуры.

Сіе щасливое качество, которое болѣе чувствовать нежели описать можно, есть плодъ не столько одной природы, сколько разсужденія, и естественнаго разума ученіемъ совершеннаго. Оно въ сочиненіи предводительствуетъ смыслу, и имъ управляетъ. Оно употребляетъ въ пользу совоображеніе такъ, что въ него чрезвычайно не вдается, и пребываетъ всегда его повелителемъ. Оно во всемъ справляется съ натурою, за нею въ близи прослѣдуетъ и вѣрнымъ ея выраженіемъ находится. Воздержно и умѣренно будучи въ среди изобилія и богатства оно располагаетъ съ пощадою и разсудкомъ красоты и пріятности въ рѣчи. Оно никогда не прельщается притворностію, какъ бы она ни блистала. Ему равнымъ образомъ несносны какъ чрезмѣрность, такъ и недостатокъ. Оно знаетъ останавливаться въ семъ точно мѣстѣ, гдѣ надлежитъ, и отметаетъ безъ сожалѣнія и пощады все то, что переступаетъ предѣлы красоты и совершенства. Недостатокъ сего качества производитъ по-

рокъ всѣхъ развратныхъ штилей, надменности, блестящей притворности, замысловатыхъ рѣчей, въ то время, какъ природа, Lib. I. Cap. 3. по утвержденію Квинтиліана, бываетъ безъ разсудка, и обманывается однимъ видомъ изрядства.

Сей вкусъ, будучи простъ и одинакъ въ своемъ началѣ, разнится и перемѣняется въ безчисленные образы, однакожъ такъ, что подъ всѣми его многоразличными видами въ прозѣ или стихахъ, въ пространномъ или тѣсномъ, высокомъ или простомъ, забавномъ или важномъ штилѣ онъ всегда бываетъ одинъ, и показываетъ вездѣ такой характеръ истинны и безпритворности, которой заразъ чувствителенъ бываетъ всякому, кто разбирать умѣетъ. Не можно сказать, чтобъ штиль Теренція, Федра, Саллюстія, Кесаря, Цицерона, Тита Ливія, Виргилія и Горація былъ одинъ. Однакожъ они всѣ имѣютъ, естьли позволено такъ сказать, нѣкоторую участь смыслу, которая имъ общая, и которая въ семъ различіи природы и штиля сводитъ ихъ и соединяетъ, и полагаетъ чувствительное различіе между ими и другими писателями, которые не отзываются превосходною древностію.

Я сказалъ, что сія разборчивость есть плодъ и произшествіе природнаго разума ученіемъ совершеннаго. Въ самомъ дѣлѣ всѣ люди приносятъ съ собою при рожденіи первыя начала вкусу такъ, какъ Риторики и Логики. Сіе доказывается тѣмъ, что превосходной Ораторъ всегда почти похваляется отъ народа, и что въ разсужденіи сего, какъ примѣчаетъ Цицеронъ, не бываетъ никакова несогласія во мнѣніяхъ и вкусѣ между незнающими и учеными.

Подобное случается въ разсужденіи музыки и живописи. Такой концертъ, котораго всѣ части хорошо сочинены и отправлены въ разсужденіи какъ инструментовъ, такъ и голосовъ, нравится всѣмъ слушающимъ. А какъ скоро зарознятъ, и здѣлается несогласіе, то оно возмущаетъ и тѣхъ самихъ, которые не вѣдаютъ совсѣмъ, что такое есть музыка. Они не знаютъ того, что имъ противно, но они чувствуютъ, что ихъ уши уязвляются. Сіе бываетъ отъ того, что натура имъ дала вкусъ и чувствіе согласія. Равнымъ образомъ хорошая картина приводитъ въ возхищеніе зрителя, которой не имѣетъ никакого понятія о живописи. Спроси у него, что ему нравится, и для чего ему сіе нравится, онъ не возможетъ скоро

дать въ томъ отвѣту, и объявить истинныхъ на то причинъ; но чувствіе въ немъ дѣлаетъ почти то, что наука и употребленіе дѣлаютъ въ знающихъ людяхъ.

Тожъ самое сказать должно о вкусѣ, о которомъ мы здѣсь говоримъ. Всѣ почти люди имѣютъ въ себѣ первыя его начала, хотя въ большей ихъ части они не очень видны бываютъ за недостаткомъ наставленія или разсужденія, а иногда помрачены или развращены отъ неисправнаго воспитанія, отъ худыхъ привычекъ, отъ усилившихся предразсужденій вѣку и страны.

Но какъ бы вкусъ ни испорченъ былъ, однакожъ онъ не совсемъ пропадаетъ. Всегда въ людяхъ остаются нѣкоторые его знаки начертанные во внутренности ихъ смыслу, въ которыхъ они сходствуютъ и соединяются. Когда сіи тайныя сѣмена очищаются съ нѣсколькимъ стараніемъ, то они могутъ приведены быть въ яснѣйшее и открытнѣйшее совершенство. И естьли случится симъ первымъ понятіямъ возбужденнымъ быть отъ какого нибудь свѣту, котораго блескъ заставляетъ разумы вникать въ непремѣняемыя правила истинны и изрядства, которой показываетъ имъ естественныя ихъ послѣдствія, и необходимыя заключенія, и кото-

рой имъ служитъ въ тожъ самое время образцомъ, чтобъ здѣлать употребленіе сихъ правилъ удобнѣйшимъ: то обыкновенно усматривается, что разсудительнѣйшія особы выходятъ съ радостію изъ своихъ старыхъ погрѣшностей, исправляютъ ложность ихъ прежнихъ разсужденій, возвращаются къ тому, что просвѣщенной и надежной вкусъ имѣетъ самаго исправнаго, тонкаго и субтильнаго, и помалу привлекаютъ къ оному всѣхъ другихъ.

Можно въ семъ увѣриться чрезъ успѣхъ великихъ нѣкоторыхъ ораторовъ, или другихъ славныхъ писателей, которые природными своими дарованіями умѣютъ возвращать сіи первыя понятія, и оживлять сіи скрытыя сѣмена въ разумѣ всѣхъ людей. Въ краткое время они привлекаютъ на свою сторону согласія тѣхъ, которые наиболѣе дѣйствуютъ своимъ разумомъ; и немедлѣнно осыпаются похвалами отъ особъ всякаго возраста и состоянія, отъ незнающихъ не меньше, какъ и отъ ученыхъ. Не трудно примѣтить время, въ которое показался у насъ доброй вкусъ, которой теперь царствуетъ во всѣхъ художествахъ, такъ какъ въ словесныхъ наукахъ и знаніяхъ; и восходя во всякомъ родѣ къ самому источнику мы усмотримъ, что малое

число щастливыхъ разумовъ принесло сїю славу и преимущество нашему роду.

И тѣ самые, которые въ просвѣщеннѣйшїе вѣки не обучались словесныхъ наукъ, принимаютъ участїе въ добромъ вкусѣ, которой господствуетъ, и которой входитъ непримѣтнымъ для ихъ образомъ во всѣ ихъ письма и поступки. Не много нынѣ изъ нашихъ военныхъ людей находится, которые бы не писали исправнѣе и красивѣе, нежели Виль-Гардуинъ, и другїе офицеры, которые жили въ грубомъ еще и варварскомъ вѣкѣ.

Изъ всего того, что я теперь сказалъ, надлежитъ заключить, что можно сообщить нѣкоторыя правила и предписанїя о сей разборчивости; и я не знаю, для чего Квинтилїанъ, которой не безъ причины почитаетъ ее столь много, утверждаетъ, что сїе качество не болѣе можетъ прїобрѣтено быть чрезъ науку, какъ вкусъ и обонянїе; развѣ только онъ разумѣетъ то, что есть разумы столь грубые, и столь отдаленные отъ сей разборчивости, что можно подумать, что одна только натура подаетъ оную.

Quintil. lib. 6. cap. 3.

Я не думаю также, чтобъ сїе Квинтилїаново мнѣнїе было справедливо въ разсужденїи и того самаго примѣру, которой онъ предлагаетъ, по крайней мѣрѣ, что касается до

вкусу. Надлежитъ только разсмотрѣть то, что случается съ нѣкоторыми народами, которыхъ долговременная привычка пристращаетъ сильно къ страннымъ и необычайнымъ приправамъ. Они согласуются безъ трудности похвалять изрядные напитки, нѣжныя и изготовленныя искусною рукою кушанья. Они скоро научаются различать тонкости приправы, когда учитель въ семъ родѣ знающїй привлекаетъ къ нимъ ихъ вниманїе, и предпочитать ихъ варварской грубости прежней ихъ пищи. Говоря такимъ образомъ, я не щитаю сихъ народовъ сожалѣнїя достойными, что они лишены такова знанїя и искуства, которое намъ столь пагубно учинилось. Но по сему только можно судить о сходствїи, которое находится между вкусомъ въ разсужденїи чувствъ и тѣла, и вкусомъ въ разсужденїи разума, и сколько первой способенъ къ писанїю свойствъ послѣдняго.

Доброй вкусъ, о которомъ мы здѣсь говоримъ, вкусъ, то есть, въ учености, не ограничивается тѣмъ, что называютъ знанїями: онъ входитъ не чувствительно въ другїя художества, каковы суть домостроительство, живопись, рѣзьба, музыка. Одинакая разборчивость вводитъ повсюду тожъ самое изрядство, ту же соразмѣрность, тотъ же

порядокЪ вЪ расположенiи частей; и привлекаетЪ вниманiе вЪ благородную простоту, вЪ природныя красоты, вЪ разсудительной выборЪ украшенiй. НапротивЪ того развратной вкусЪ вЪ художествахЪ былЪ всегда знакомЪ и послѣдствiемЪ таковажЪ вкусу вЪ учености. Тягостныя, смяшныя, и грубыя украшенiя древнихЪ ГотскихЪ зданiй, которыя по большой части расположены безЪ разбору, противЪ хорошихЪ правилЪ, и безЪ красивыхЪ размѣровЪ ясно изображали сочиненiя писателей того вѣку.

Доброй вкусЪ вЪ учености переходитЪ во всенародные нравы и поведенiе. Привычка наблюдать первоначальныя правила вЪ какой нибудь матерiи приводитЪ насЪ непремѣнно кЪ тому, чтобЪ мы наблюдали оныя и вЪ другихЪ дѣлахЪ. ПавлЪ Емилiй, человѣкЪ столь искусной, и столь смысленной во всякомЪ дѣлѣ, представилЪ послѣ завоеванiя Македонiи великой пирЪ для всей Грецiи, и примѣтивЪ, что распоряженiе онаго найдено было красивѣе и великолѣпнѣе, нежели могли сего надѣяться отЪ военнаго человѣка, сказалЪ, что напрасно тому удивлялись; затѣмЪ что тотЪ же самой разумЪ, которой научаетЪ хорошо разполагать войско кЪ сраженiю, научаетЪ и пирЪ хорошо устроивать.

ПлутархЪ вЪ житiи Павла Емилiя.

Но по странному нѣкоему, однакожъ часто случающемуся превращенїю, которое великимъ есть доказательствомъ слабости или лучше сказать развратности человѣческаго разума, сїя самая тонкость, сїе изрядство, которое доброй вкусъ въ учености и краснорѣчїи вводитъ въ поведенїе жизни, въ разсужденїи, напримѣръ, зданїй и пировъ, обратясь въ чрезмѣрность и роскошь, вводитъ по своей чредѣ худой вкусъ въ ученость и краснорѣчїе. Сїе самое показываетъ намъ Сенека весьма остроумнымъ образомъ въ одномъ изъ его писемъ, въ которомъ онъ описалъ себя самаго ни мало того не примѣтивъ. Epist. 114.

Одинъ изъ его друзей спросилъ его, отъ чего бы могла приключиться перемѣна, которая иногда видна была въ краснорѣчїи, и которая привлекала почти всѣхъ ученыхъ въ нѣкоторыя погрѣшности, каковы суть, гоняться за чрезъ чуръ вольными и изъ границъ вышедшими фигурами, за отважными безъ мѣры и воздержности Метафорами, за краткими и прерывистыми изрѣченїями, которыя болѣе оставляютъ угадывать то, что они значатъ, нежели сами изъясняютъ.

Сенека отвѣчаетъ на сей вопросъ пословицею у Грековъ употребительною: *каковa*

бываетъ жизнь, такова и рѣчь. Какъ особой человѣкъ описываетъ себя въ своей рѣчи, такъ господствующій штиль бываетъ иногда изображеніемъ общенародныхъ нравовъ. Сердце влечетъ разумъ, и ему сообщаетъ свои пороки такъ какъ и свои добродѣтели. Когда въ домашнихъ уборахъ, зданіяхъ, пирахъ щитается за честь отмѣнять себя отъ другихъ чрезъ новыя хитрости, и чрезъ прилѣжное исканіе всего того, что внѣ общаго употребленія находится, то сей же самой вкусъ переходитъ въ краснорѣчіе, и сообщаетъ ему новость и безпорядокъ. Разумъ пріобыкшій не слѣдовать правиламъ во нравахъ, не слѣдуетъ имъ болѣе и въ штилѣ. Люди не хотятъ болѣе ничего кромѣ новаго, блестящаго, необычайнаго, отважнаго. Они прилѣпляются къ легкимъ и маловажнымъ или вольнымъ и черезъ чуръ надменнымъ мыслямъ. Они гоняются за кудреватымъ и цвѣтнымъ штилемъ, и за громкимъ выраженіемъ, которое имѣетъ одинъ только звонъ, а болѣе ничего.

То, что разпложаетъ сего роду пороки, бываетъ обыкновенно примѣръ одного только человѣка, которой пришелъ въ славу, которой сталъ въ модѣ, которой здѣлался пове-

лителемъ разумовъ, и которой предводительствуетъ прочимъ. Всякъ ставитъ за честь ему последовать; всякъ у него перенимаетъ, ему подражаетъ, и его штиль делается правиломъ и образцомъ общенароднаго вкусу.

По сему какъ въ городе какомъ нибудь роскошь въ пирахъ и нарядахъ есть знакъ того, что нравы тамъ неисправны, равнымъ образомъ вольность штиля, когда она бываетъ общенародна, показываетъ, что разумы повреждены и испорчены.

Дабы излечить сiю болезнь, и исправить въ штиле мысли и выраженiя, надлежитъ очистить источникъ, изъ котораго они проистекаютъ. Надлежитъ изцелить разумъ. Когда онъ здравъ и силенъ, то и краснорeчiе таковожъ бываетъ; но оно есть слабо и безсильно, когда разумъ таковъ зделался, и когда онъ ослабелъ и изнемогъ отъ утехи и забавъ. Словомъ сказать, онъ есть начальникъ, которой повелеваетъ, и которой даетъ движенiе всему; а прочее все последуетъ его начертанiямъ.

Тотъ же самой писатель примечаетъ въ другомъ месте, что штиль чрезъ чуръ исправной и подборной есть знакъ малаго разума.

Онъ хочетъ, чтобъ ораторъ, особливо когда онъ предлагаетъ важныя матерїи, не столько помышлялъ о словахъ и распоряженїи, сколько о вещахъ и мысляхъ. Когда ты видишь рѣчь сочиненную и вычищенную съ великимъ трудомъ и старанїемъ, то можешь заключить, говоритъ онъ, что она происходитъ отъ разума посредственнаго, и занятаго безделицами. Такой писатель, которой имѣетъ духъ великой и возвышенной, не останавливается за сими мѣлочьми. Онъ думаетъ и говоритъ съ большею благодарностїю и возвышенїемъ; и во всемъ томъ, что онъ говоритъ, видна бываетъ свободная и безпритворная осанка, которая показываетъ человѣка богатаго своимъ собственнымъ добромъ, и не ищущаго такимъ казаться передъ другими. По томъ онъ уподобляетъ сей родъ цвѣтнаго и разкрашенаго краснорѣчїя молодымъ людямъ весьма убраннымъ и напудреннымъ, которые стоятъ всегда передъ зеркаломъ и уборнымъ столикомъ. Не можно ожидать ничего великаго и важнаго отъ такихъ характеровъ. Подобное бываетъ и съ ораторами. Рѣчь есть какъ будто лице разума. Ежели она кудревата, убрана, разкрашена, то сїе значитъ, что есть какая нибудь порча въ разумѣ, и что онъ не въ здравїи находится. Такое

убранство, въ которомъ видно много искуства и старанія, не есть украшеніе достойное краснорѣчія.

Слушая такія слова Сенеки, кто бы не подумалъ, что онъ былъ явной непріятель худаго вкусу, и что никто не былъ способнѣе его къ тому, чтобъ сопротивляться оному, и его предупреждать? Однакожъ онъ былъ тотъ человѣкъ, которой болѣе всѣхъ другихъ поспѣшествовалъ къ развращенію разумовъ, и къ поврежденію краснорѣчія. Я буду имѣть случай упомянуть о семъ въ другомъ мѣстѣ, и еще здѣлаю тѣмъ охотнѣе, что кажется, что сей худой вкусъ въ блестящихъ мысляхъ, и въ нѣкоторыхъ остроумныхъ словахъ, которой есть особливо характеромъ Сенеки, начинаетъ усиливаться въ нашемъ вѣкѣ. И я не знаю, не есть ли еще знакомъ и предвѣщаніемъ погибели, которая угрожаетъ краснорѣчію между нами, и которой безмѣрная роскошь царствующая болѣе, нежели когда нибудь прежде, и паденіе почти всеобщее нравовъ, суть можетъ статься также зловредные предшественники.

Довольно бываетъ иногда, какъ примѣчаетъ Сенека, и какъ онъ самъ тому нахо-

дится примѣромъ, довольно, говорю я, бываетъ одного только человѣка, но великоименитаго, и пришедшаго чрезъ рѣдкія качества въ великую силу, чтобъ ввести сей худой вкусъ, и сей развратной штиль. Человѣкъ хочетъ, по тайному нѣкоему честолюбію, отмѣниться отъ прочей толпы ораторовъ, и писателей своего времени, и открыть новое поле, гдѣбъ онъ шолъ лучше одинъ предъ новыми учениками, нежели позади древнихъ учителей. Онъ предпочитаетъ имя остраго здравому разуму, блестящее твердому, удивительное естественному и истинному. Онъ лучше хочетъ дѣло имѣть съ совоображенїемъ, нежели со здравымъ разсудкомъ; ослѣпить разумъ, нежели его увѣрить; восхитить его согласїе, нежели заслужить оное. И въ то время, какъ такой человѣкъ чрезъ нѣкоторое обморачиванїе, и чрезъ прїятное обвороженїе привлекаетъ къ себѣ похвалы вмѣстѣ съ удивленїемъ отъ вѣтренныхъ разумовъ, каковы обыкновенно въ простомъ народѣ бываютъ, другїе писатели соблазнясь прелестною новостїю, и надеждою подобнаго успѣха, восхищаются нечувствительно симъ быстрымъ теченїемъ, и укрѣпляютъ его за нимъ послѣдуя. Такимъ образомъ сей новой вкусъ безъ трудности

отнимаетъ мѣсто у прежняго вкуса; не смотря на то, что сей лучше, онъ превращается немедлѣнно въ законъ, и обладаетъ цѣлымъ народомъ.

Сїе самое долженствуетъ увеличить вниманїе университетскихъ учителей, чтобъ предупредить и остановить всѣми силами паденїе добраго вкусу. Обременены будучи, такъ какъ они суть, публичнымъ наставленїемъ юношества, они должны взирать на сїе попеченїе, какъ на нужную часть ихъ званїя. Обыкновенїя, нравы, законы древнїе народовъ перемѣнились: они во многомъ противны нашему характеру и нашимъ поведенїямъ, и по сей причинѣ познанїе ихъ можетъ быть для насъ не очень потребно. Дѣла миновались уже безвозвратно; великїя приключенїя окончили свое теченїе, такъ что мы не имѣемъ болѣе причины ожидать подобныхъ; превращенїя государствъ и имперїй можетъ быть не великое имѣютъ отношенїе къ нашему настоящему состоянїю и къ нашимъ надобностямъ, и чрезъ то становятся меньше нужными. На противъ того доброй вкусъ, которой утвержденъ на неподвижныхъ основанїяхъ, есть одинаковъ для всѣхъ временъ; и это есть главная польза,

которую должно показывать молодымъ людямъ въ чтенiи древнихъ писателей, которыхъ не безъ причины всегда щитали учителями, стражами и хранителями здраваго красноречiя и добраго вкусу. Наконецъ можно сказать, что изъ всего того, что служитъ къ просвѣщенiю разума, сiя есть нужнѣйшая часть, которую надлежитъ предпочесть всѣмъ прочимъ.

Сей доброй вкусъ не ограничивается словесными науками; онъ касается, какъ выше упомянуто, до всѣхъ художествъ, наукъ, познанiй: онъ тогда состоитъ въ нѣкоторой точной и исправной разборчивости, которая дѣлаетъ чувствительнымъ то, что въ каждой наукѣ и познанiи есть самое рѣдкое, красивое, полезное, главное, пристойное, или нужное тѣмъ, которые въ нихъ углубляются, и слѣдовательно показываетъ, сколь далеко простирать надлежитъ упражненiе въ оныхъ, что надобно оставить, и что заслуживаетъ особливой трудъ и предпочтенiе предъ всѣмъ прочимъ. За недостаткомъ сей разборчивости можно пропустить самое нужное для своего званiя, такъ что сiе непримѣтно покажется; и сей недостатокъ не столь рѣдокъ бываетъ, какъ о томъ дума-

ютъ. Одинъ примѣръ взятой изъ Киропедіи Ксенофонтовой изъяснитъ сіе дѣло.

Младшій Киръ, сынъ Камвиза, Царя Персидскаго, имѣлъ чрезъ долгое время учителя безъ сумнѣнія искуснѣйшаго и славнѣйшаго въ свое время съ тѣмъ, чтобъ онъ наставлялъ его въ военной наукѣ. Въ одинъ день Камвизъ разговаривая съ своимъ сыномъ, завелъ рѣчь объ его учителѣ, о которомъ сей молодой государь имѣлъ великое мнѣніе, и отъ котораго, онъ думалъ, что онъ научился вообще всему тому, что нужно для исправнаго коммандированія войсками. Вашъ учитель, сказалъ ему Камвизъ, далъ ли вамъ сколько нибудь наставленій объ економіи, то есть, о способѣ, которымъ надлежитъ промышлять всѣ надобности для арміи, приготовлять съѣстные припасы, предупреждать болѣзни, помышлять о здравіи салдатъ, укрѣплять ихъ тѣла чрезъ частыя екзерциціи, возбуждать между ими ревность, умѣть приводить войска къ тому, чтобъ они вамъ повиновались, васъ любили и почитали? На каждой изъ сихъ и другихъ многихъ вопросовъ, которые Царь предложилъ, Киръ отвѣчалъ, что ему о семъ никогда говорено не было ни слова, и что все сіе бы-

ло для его новое. Такъ что же онъ вамъ показалъ? Фехтовать, отвѣчалъ опять молодой государь, садиться на лошадь, стрѣлять изъ лука, бросать копье, очертывать лагери, дѣлать планъ фортификацïи, располагать воиновъ къ сраженïю, ихъ осматривать и глядѣть, какъ они маршируютъ, пробираются одинъ за другимъ чрезъ узкïе проходы, и становятся лагеремъ. Камвизъ началъ хохотать, и далъ знать своему сыну, что онъ не наученъ ни мало тому, что наиболѣе нужно для исправнаго офицера и искуснаго Генерала; и въ одномъ разговорѣ, которой безъ сумнѣнïя достоинъ вниманïя молодыхъ и знатныхъ людей опредѣленныхъ къ военной службѣ, онъ его научилъ несравненно болѣе, нежели сей столь славной учитель чрезъ многïя лѣта.

Можно во всякомъ званïи подвержену быть такой же невыгодѣ или для того, что человѣкъ недовольно вникаетъ въ главное намѣренïе, которое онъ долженъ себѣ предложить въ его ученïи, въ которомъ онъ упражняется, или для того, что онъ не имѣетъ другова предводителя, какъ только обыкновенïе, и последуетъ слѣпо тѣмъ, которые ему предшествовали. Нѣтъ ничего полезнѣе,

какъ познанїе исторїи. Но ежели кто довольствоваться будетъ тѣмъ, чтобъ отяготить свою память безконечнымъ множествомъ дѣйствїй, которыя не очень любопытны и нужны, естьли онъ останавливаться станетъ на числахъ или трудностяхъ хронологическихъ, ежели онъ пренебрежетъ знать природу, нравы, характеръ великихъ людей, о которыхъ въ исторїи упоминается; то онъ много перейметъ, но мало знать будетъ. Риторика можетъ быть весьма пространна, входить въ мѣлкїя подробности правилъ, описывать исправно всякой тропъ и всякую фигуру, показывать обстоятельно между ими различїе, изъяснять пространно другїя подобныя матерїи, о которыхъ спорились нѣкогда съ великою запальчивостїю древнїе Риторы, и со всемъ тѣмъ походить на ту риторику, о которой говоритъ Цицеронъ, что она могла только научить или нѣмымъ быть, или говорить, да худо. Можно въ Философїи употребить довольно времени на трудные и умозрительные споры, и перенять великое множество изрядныхъ, рѣдкихъ, любопытныхъ вещей, а главное дѣло сего ученїя пренебречь, которое состоитъ въ томъ, чтобъ утвердить разсужденїе, и исправить нравы. Словомъ

Cic. de Finib. lib. 4. n. 7.

сказать, качество самое нужное не только для краснорѣчія и знаній, но и для поведенія жизни есть сей вкусЪ, сіе благоразсужденіе, сія разборчивость, которая научаетЪ во всякой матеріи, и во всякомЪ случаѣ, что, и какимЪ образомЪ надлежитЪ дѣлать.

РАЗСУЖДЕНІЕ
объ
УЧЕНІЯХЪ
Молодыхъ дѣтей.

Прежде, нежели я вступлю въ подробность различныхъ екзерцицій, которыя могутъ полезны быть юношеству въ публичныхъ ученіяхъ, что съ начала было единственнымъ моимъ намѣреніемъ, совѣтовали мнѣ, чтобъ я здѣсь помѣстилъ нѣсколько краткихъ разсужденій о томъ, чему надлежитъ обучать малыхъ отроковъ въ первыхъ лѣтахъ, и о такихъ ученіяхъ, которыя могутъ приличествовать молодымъ особамъ другова полу до тѣхъ поръ, какъ онѣ придутъ въ зрѣлѣйшій возрастъ. Всякой довольно чувствуетъ, что я долженъ говорить очень кратко о сей двоякой матеріи, которая несходственна съ моимъ первымъ расположеніемъ, и которая здѣсь, такъ какъ бы придѣлокъ, находится. Искуство учителей,

и вниманіе родителей рачительно упражняющихся въ воспитаніи ихъ дѣтей удобно дополнять то, чего не будетъ доставать въ семъ маломъ разсужденіи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Объ екзерциціяхъ, которыя приличествуютъ отрокамъ въ нѣжнѣйшемъ возрастѣ.

Я долженъ съ самаго начала увѣдомить, что часто совѣты, которые я сообщаю здѣсь, и въ послѣдствіи, для одного полу, равнымъ образомъ полезны суть другому; ихъ безъ труда можно усмотрѣть, и употребить въ дѣло.

ВЪ какихЪ лѣтахЪ можно начать обученіе отроковЪ.

§. I. Одинъ благоразсудной писатель, которымъ я весьма пользуюсь въ сочиненіи моихъ книгъ, и которой сообщилъ превосходныя правила о воспитаніи юношества, (ето есть Квинтиліанъ) разсматриваетъ вопросъ, о которомъ много спорились въ его время, и

о которомъ мнѣнія были не согласны, а имянно: *въ какомъ возрастѣ начинать должно обученіе отроковъ?* Нѣкоторые думали, что не надлежитъ ихъ заставлять учиться прежде семилѣтнаго возраста, за тѣмъ что до сего времени они не имѣютъ ни разуму столь открытаго, чтобъ могли пользоваться задаемыми уроками, ниже тѣла столь сильнаго, чтобъ могли сносить прилѣжной трудъ.

Квинтиліанъ думаетъ инакимъ образомъ, и подтверждаетъ свое мнѣніе словами Хризиппа, славнаго Философа Стоическаго, которой написалъ подробно о воспитаніи. Сей философъ опредѣлилъ, правда, три года кормилицамъ, но онъ хотѣлъ, чтобъ съ самаго того времени онѣ начинали направлять нравы дѣтей, и удерживать въ нихъ первыя стремленія страстей, которыя становятся уже чувствительны въ семъ нѣжномъ возрастѣ, и которыя возрастаютъ вмѣстѣ съ ними непри-

мѣтнымъ образомъ, ежели не стараются ихъ успокоить при самомъ ихъ начатіи. Но естьли, говоритъ Квинтиліанъ, сей возрастъ способенъ къ принятію наставленій въ разсужденіи нравовъ, то для чего бы не быть ему способнымъ такъ же къ онымъ въ разсужденіи ученія? Что могутъ они лучше дѣлать послѣ того, какъ они въ состояніи бываютъ говорить? Ибо надлежитъ непремѣнно, чтобъ они дѣлали что нибудь. Я довольно знаю (ето все тотъ же говоритъ писатель), что во все сіе время дѣти не могутъ столько успѣть, сколько они успѣютъ послѣ того въ одинъ годъ. Однакожъ на что пренебрегать сей малой выигрышъ, и не употреблять въ пользу сего успѣху, какъ бы онъ ни былъ посредственъ? Ибо сей годъ младенчества, которой употребится въ дѣло, приростетъ къ лѣтамъ послѣдующимъ, и соединясь съ ними, приведетъ отрока въ состояніе научиться болѣе, нежели бы онъ безъ сего здѣлалъ, и по тому надобно ста-

раться, чтобъ сїи первыя лѣта вотще не пропадали, тѣмъ наипаче, что начала ученїя требуютъ одной почти памяти; а ето извѣстно, что дѣти не имѣютъ въ ней недостатку.

Я нахожу еще другую пользу въ семъ дѣлѣ, а имянно ту, что разумъ молодыхъ дѣтей заблаговременно, такъ сказать, згибается, что они привыкая къ правилу дѣлаются послушливѣе и покорнѣе, и что наконецъ онымъ способомъ предупреждается разсыпчивость мысли вредная часто не меньше здоровью тѣла, какъ и совершенству разума.

Я могу присовокупить еще третью, которая не меньше важна. Провидѣнїе влїяло въ дѣтей великое любопытство ко всему новому, удивительную способность къ перенятїю премногихъ вещей, о которыхъ они слышатъ; природную охоту подражать большимъ людямъ, и примѣняться къ ихъ примѣрамъ и рѣчамъ. Отлагая изощренїе сихъ юныхъ разумовъ мы теряемъ всѣ сїи щастливыя разположенїя, которыя натура имъ

дала при ихъ рожденїи. А какъ натура не можетъ быть праздна, то они принуждены бываютъ обратить къ злу сїи первыя разположенїя, которыя къ добру опредѣлены были.

Квинтилїанъ не незналъ, что можно было ему противоположить крайнюю слабость дѣтей въ такихъ лѣтахъ, о которыхъ здѣсь говорится, и опасность изнурять въ преждевременныхъ усилїяхъ нѣжные и слабые члены, которые хоть мало крѣпкое напряженїе можетъ на всегда испортить. Я не столь малое, говоритъ онъ, имѣю понятїе о слабомъ сложенїи дѣтей, чтобъ думалъ, что надлежитъ ихъ съ самаго того времени сильно понуждать, и требовать отъ нихъ пристальнаго упражненїя. Онъ хочетъ, чтобъ оно походило болѣе на игру, нежели на ученїе; и на забаву, нежели на важной трудъ. Можно имъ разсказать прїятныя, но короткїя и по частицамъ исторїи: задавать имъ маленькїе вопросы сходствующїе съ ихъ понятїемъ, на которые можно имъ на-

мѣкать отвѣть хитрымъ образомъ, которымъ ихъ спрашиваютъ: оставить имъ удовольствіе думать, что они отъ своего ума оной взяли, дабы чрезъ то вдохнуть въ нихъ желаніе учиться: похвалять ихъ отъ времени до времени, только съ умѣренностію и разсужденіемъ, дабы придать имъ нѣсколько ревнія, не лаская однакожъ чрезвычайно ихъ самолюбію: отвѣчать на ихъ вопросы всегда исправно, и такъ какъ требуетъ истинна: не давать имъ иногда учиться, когда они того потребуютъ, чтобъ умножить ихъ жаръ сею невинною хитростію: не употреблять ни когда въ семъ возрастѣ принужденія ниже насилія, а еще меньше того наказанія, чтобъ заставить ихъ трудиться. Ибо великая часть присмотру надзирательницъ и учителей, которые вступаютъ на ихъ мѣсто, состоитъ въ томъ, чтобъ не допускать до того, чтобъ дѣти, которые не могутъ еще любить ученія, почувствовали отвращеніе отъ онаго по причинѣ горести, которую они

въ немъ находятъ въ сихъ первыхъ лѣтахъ.

Я знаю, что нѣкоторыя достопочтенныя особы думали инакимъ образомъ, нежели Квинтиліанъ, и я не хочу ихъ порочить. Ученой Г. ле Февръ Салмурской не говорилъ своему сыну ни о Греческомъ, ни о Латинскомъ языкѣ, пока онъ не дошелъ до десяти лѣтъ: однакожъ подъ конецъ четырнатцатова году, въ которомъ онъ умеръ, онъ читалъ и разумѣлъ совершенно многихъ писателей какъ Греческихъ, такъ и Латинскихъ. Да и самъ Г. ле Февръ началъ обучаться симъ языкамъ на двенатцатомъ году. Сіи примѣры суть рѣдки, и не безъ довольныхъ причинъ противное обыкновеніе усилилось.

Теперь надобно разсмотрѣть, чему обучать можно отроковъ отъ трехъ почти до шести или семи лѣтъ, которыя лѣта бываютъ обыкновенно временемъ ихъ вступленія въ коллегію.

О чтеніи и писаніи.

§. II. Кажется, что первое попеченіе надзирательницы, или учителя

при отрокахъ есть то, чтобъ научить ихъ читать. Чрезъ сїе подается имъ великой успѣхъ, понеже чтенїе есть средство занять ихъ дѣломъ, учинить любопытными, вложить въ ихъ разумъ съ прїятностїю множество понятїй справедливѣйшихъ, полезнѣйшихъ, и способнѣйшихъ къ наставленїю ихъ, нежели всѣ тѣ, которыя имъ войдутъ въ голову тогда, какъ ихъ младенчество оставлено бываетъ случаю, или малымъ намѣренїямъ тѣхъ, которые ихъ окружаютъ.

Но я долженъ увѣдомить, что весьмабъ было опасно дѣлать чтенїе для ихъ настоящимъ трудомъ, и показывать имъ наималѣйшее огорченїе, когда они въ томъ не очень успѣваютъ. Можетъ статься, что ето есть одна изъ причинъ отвращенїя, которое многїе отроки начинаютъ чувствовать съ того времени, и которое они сохраняютъ во всю свою жизнь отъ всего того, что называется ученїемъ и знанїемъ. Одинъ взглядъ на книгу наполняетъ ихъ

печалїю, по тому что онъ возобновляетъ въ нихъ снятное воспоминанїе брани и слезъ, которыя соединялись всегда при ихъ первыхъ чтенїяхъ.

Сего ради надлежитъ такимъ образомъ поступать, чтобъ чтенїе было для нихъ игрушкою и забавою, и ето не столь трудно, какъ думаютъ. Вмѣсто того, чтобъ съ самаго начала присадить ихъ къ книгѣ, въ которой все для нихъ не вразумительно, лучше бы, мнѣ кажется, было показывать имъ нѣкоторыя только литеры порознь, которыя они научатся мало по малу называть и складывать. Можно написать почище и явственнѣе сїи литеры на различныхъ бумажкахъ, чтобъ они могли ихъ перебирать, и прїучить ихъ выкидывать сїи бумажки на столъ, называя литеру, которая глазамъ представляется. Квинтилїанъ похваляетъ весьма одно обыкновенїе, которое отправлялось въ его время для поощренїя отроковъ къ ученїю, и которое походитъ на то, что я сказалъ. Давались

имъ костяныя изображенія литеръ, или другія какія нибудь, которыя бы они съ удовольствіемъ перебирали, осматривали и называли. Святой Іеронимъ въ прекрасномъ своемъ письмѣ къ Лаетѣ, подаетъ ей тотъ же совѣтъ, ието весьма видно, что во всемъ ономъ мѣстѣ онъ списалъ только Квинтиліана, хотя онъ его имени не упоминаетъ.

Есть еще такіе учители, которые употребляютъ въ семъ случаѣ два шарика деревянные (костяные бы еще способнѣе были), изъ которыхъ первой они обрѣзываютъ съ пяти сторонъ, изображая на каждой изъ нихъ одну гласную литеру. Другой обрѣзываютъ съ восмнатцати сторонъ, изъ которыхъ на каждой изображается согласная. Отрокъ бросаетъ тотъ или другой изъ сихъ шариковъ, и пріучается называть литеру, которая видна на верху. Потомъ бросая оба вмѣстѣ, онъ навыкаетъ такъ же складывать согласную съ гласною, которыя показываются всякая на своемъ боку. Поелику сія екзер-

цiцiя есть нѣкоторой родъ игры для отрока, то онъ ею любуется, и научается удобно и скоро различать всѣ литеры, и ихъ вмѣстѣ соединять. Можно выдумать и другiя средства не меньше удобныя и забавныя.

Съ недавняго времени предложенъ публикѣ новой способъ обучать дѣтей чтенiю, которой называется Типографическимъ столомъ: изобрѣтатель снаго есть господинъ дю Масъ. Ето весма обыкновенно и сродно, чтобы при словѣ *новости* люди не довѣрялись и были осторожны. Такое разположенiе мнѣ кажется весма благоразумно и пристойно, когда оно заставляетъ насъ разсматривать чистосердечно и безъ пристрастiя то, что намъ предлагаютъ новое. Но етобъ уже было несправедливо и несходственно со здравымъ разумомъ, естьлибъ мы стали отвергать и порочить какое нибудь изобрѣтенiе по той только причинѣ, что оно новое. Должно напротивъ того благодарить изобрѣтателя, хотя бы онъ и не совер-

шенно въ томъ успѣлъ, за то, что онъ сообщилъ публикѣ свои предпріятія и мысли: симъ единственно средствомъ художества и науки совершаются. И такъ, дабы судить здраво о новомъ способѣ читать, о которомъ рѣчь идетъ, надлежитъ его разсмотрѣть съ безпристрастнымъ и свободнымъ отъ всякаго предразсужденія духомъ.

Типографической столъ есть столъ продолговатой, на которомъ ставится нѣкотораго роду шкафикъ, имѣющій три или четыре ряда ящичковъ, въ которыхъ находятся различные звуки языка изображенные простыми или сложными характерами на толикомъ же числѣ бумажекъ. Каждой изъ сихъ ящичковъ означаетъ своею надписью литеры, которыя въ немъ заперты. Отрокъ располагаетъ на столѣ звуки словъ, которыхъ у него спрашиваютъ, вынимая ихъ изъ ящичковъ подобно, какъ типографщикъ дѣлаетъ, вынимая изъ своихъ ямокъ различныя литеры, изъ которыхъ онъ слова составляетъ. И по сей

то причинѣ сей столъ названъ Типографическимъ.

Сей способъ учиться читать кромѣ многихъ другихъ выгодностей имѣетъ одну, которая мнѣ кажется довольно важна, а имянно, что онъ забавенъ и пріятенъ, и не имѣетъ ни малаго виду ученія. Нѣтъ ничего обременительнѣе и скучнѣе въ отрочествѣ, какъ напряженіе разума, и спокойствіе тѣла. Здѣсь же отрокъ не находитъ обремененія своему разуму: онъ не ищетъ съ трудомъ въ своей памяти, за тѣмъ что различіе и надпись ящичковъ чувствительно его трогаютъ. Онъ не бываетъ принужденъ имѣть покою, которой его несказанно опечаливаетъ привязывая его къ тому мѣсту, гдѣ его читать посадили. Глаза, руки, ноги, словомъ сказать, все тѣло его бываетъ въ дѣйствіи. Онъ ищетъ своихъ литеръ, онъ ихъ вынимаетъ, распоряжаетъ, перевертываетъ, раздѣляетъ, и опять кладетъ въ свои ящички. Такое движеніе весьма по его вкусу, и сходствуетъ край-

не съ живымъ и рѣзвымъ характеромъ сего возраста.

Говорятъ, что надъ премногими трехъ или четырехъ-лѣтним отроками учиненъ счастливой опытъ сего способа; да я и самъ былъ тому свидѣтель. То, что я знаю еще отъ самого себя, есть то, что сей способъ весма былъ успѣшенъ въ разсужденіи одного знатнаго отрока, котораго въ дѣлахъ я беру участіе, отнявъ у него страшное отвращеніе, которое онъ имѣлъ отъ всякаго упражненія и отъ всякаго ученія, къ которому онъ приступалъ всегда со слезами вмѣсто того, что нынѣ помянутой столъ составляетъ всю его утѣху, и не стоитъ ему слезъ, какъ только тогда, когда онъ его лишается.

Другая выгодность, которую имѣетъ сей способъ, есть та, что одинъ учитель можетъ екзерциговать вдругъ многихъ дѣтей на томъ же столикѣ, что можетъ произвесть между ими полезную ревность; и что отрокъ можетъ

на немъ екзерцитоваться, или лучше сказать, играть одинъ, безъ вспоможенія учительскаго.

Какой бы кто способъ ни употребилъ къ наученію читать, въ томъ нужды нѣтъ; понеже они всѣ имѣютъ свою пользу, и древній можетъ быть успѣшенъ, и успѣваетъ самымъ дѣломъ въ великомъ числѣ дѣтей, когда только ихъ исправно обучаютъ; но спрашиваютъ далѣе, чѣмъ надлежитъ начинать чтеніе? Французскимъ или Латинскимъ языкомъ?

Мнѣ кажется, что нѣтъ ни какой опасности начать сперва Латинскимъ языкомъ, по тому что въ немъ все произносится одинакимъ образомъ, и что голосъ соотвѣтствуетъ всегда изображенію характеровъ, которые представляются зрѣнію, что дѣлаетъ чтеніе весьма удобнымъ: вмѣсто того, что во Французскомъ есть множество литеръ, которыя не выражаются голосомъ, или которыя произносятся то тѣмъ, то другимъ манеромъ. Но какъ

чтеніе на Латинскомъ языкѣ не представляетъ ничего отроку, какъ только одни звуки лишенные смыслу, и скука долженствуетъ непремѣнно провожать такую екзерцицію, въ которой онъ ничего не понимаетъ; того для надлежитъ какъ можно скорѣе дать ему въ руки Французскую книгу, дабы смыслъ помогалъ ему читать и пріучалъ къ размышленію.

Однакожъ я думаю, что здѣсь надлежитъ дѣлать разборъ. Особы познавшія чрезъ долговременной опытъ все то, что касается до школъ, которыхъ я спрашивалъ о сей матеріи, увѣрены, что въ школахъ бѣдныхъ людей и въ деревенскихъ непремѣнно нужно начинать чтеніе Французскимъ языкомъ; и я весьма согласенъ на ихъ мнѣніе; ибо кромѣ того, что дѣти учатся охотнѣе читать, когда разумѣютъ ими читаемое, и что сіе извѣстно изъ опыта, что когда они умѣютъ читать по Французски, то могутъ читать и по Латынѣ, другая сильнѣйшая причи-

на оправдаетъ сіе употребленіе. Обыкновенно усматривается какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, что отцы и матери берутъ своихъ дѣтей изъ школъ, какъ скоро они могутъ пользоваться ихъ услугами. Отъ чего часто случается, что, когда начинаютъ Латинскимъ языкомъ, то дѣти выходятъ изъ школъ прежде, нежели умѣютъ читать по Французски, и что они лишаются на всю свою жизнь пользы, которуюбъ могли получить въ разсужденіи ихъ вѣчнаго благополучія изъ чтенія книгъ благочестивыхъ.

Когда отрокъ начинаетъ читать по Французски, то надобно ему толковать ясно и кратко всѣ слова, которыя для его новы, (а они бываютъ всѣ почти новы въ столь нѣжномъ возрастѣ,) и избирать для его чтенія тѣ, которыя ему знакомѣе, и которыя входятъ въ повседневное употребленіе. н. п. *День, ночь, солнце, луна, звѣзды, хлѣбъ, вода, источникъ, рѣка, платье, бѣлье и проч.* Всѣ сіи слова и другія

подобныя ему изъясняются пріятнымъ нѣкоимъ образомъ.

Когда онъ складываетъ слова вмѣстѣ, то даютъ ему читать краткія рѣчи, которыя заключаютъ въ себѣ какую нибудь исторію или другую любопытную вещь, н. п. *Каинъ убилъ своего брата Авеля по зависти къ его добродѣтелямъ.* Здѣсь ему изъясняютъ: кто такой былъ Каинъ и Авель; что такое есть зависть; для чего Каинъ завидовалъ своему брату. *Когда всѣ люди учинились злыми, то Богъ погубилъ ихъ потопомъ.* При сей рѣчи примѣчаютъ, что потопъ есть великое наводненіе, которое покрыло водою всю землю. *Ной, которой одинъ только былъ праведенъ, спасся со своею фамиліею въ ковчегѣ.* Тутъ сказываютъ ученику, что ковчегъ былъ великое судно, длинное, четвероугольное, и покрытое на подобіе сундука. Сверхъ сего описанія показываютъ ему изображеніе онаго такое, какъ находится въ Историческомъ Катихизисѣ г. Аббата

Флери; ибо картинки чрезвычайно пріятны бываютъ дѣтямъ. *Богъ для изведанія вѣры и повиновенія Авраамова, приказалъ ему на жертву принесть сына своего Исаака: но онъ его удержалъ тогда, какъ онъ уже былъ въ готовности заколоть его.* Ему показываютъ изображеніе сего дѣйствія, и изъясняютъ всѣ части онаго, котораго изъясненія онъ и самъ спроситъ не минуетъ. *Цыпляты скрываются подъ крыльями своей матери, когда они боятся какой нибудь опасности.* Всѣ слова, которыя суть новы для него, ему изъясняются. *Пастухъ съ своими собаками хранитъ свое стадо, и его защищаетъ отъ волковъ.* Желательно, чтобъ много было такихъ изображеній здѣланныхъ нарочно для дѣтей, которыя бы ихъ забавляя научали: и чтобъ были такъ же книги для ихъ сочиненныя, въ которыхъ бы находились крупными характерами напечатанныя слова, рѣчи и исторійки имъ приличныя.

Искусной и рачительной учитель изъясняя исторїи, которыя я въ началѣ предложилъ, вмѣшиваетъ какое нибудь слово, чтобъ вдохнуть отвращенїе отъ пороку, любовь къ добродѣтели, и повиновенїе, которое должно оказывать повелѣнїямъ Божїимъ.

Наилучшее увѣщанїе, которое можно подать особамъ опредѣленнымъ обучать дѣтей грамотѣ, есть то, чтобъ онѣ совѣтывались съ тѣми, которые знаютъ сїе дѣло совершенно, и которые соединили со своими размышленїями долговременное искусство. Чтожъ касается до меня; естьлибъ я нашелся въ такомъ состоянїи, то признаюсь, что я бы въ великомъ былъ замѣшательствѣ, и не сыскалъ бы другова средства освободиться отъ онаго, какъ то, чтобъ слѣдовать совѣту знающихъ и искусныхъ въ семъ родѣ особъ.

Отъ давняго уже времени завелся въ Парижѣ въ премногихъ школахъ бѣдныхъ людей нѣкоторой порядокъ, которой весьма полезенъ ученикамъ, и ко-

торой уменшаетъ много труда у учителей. Школа раздѣляется на многїе классы. Я привожу здѣсь въ примѣръ одинъ только изъ нихъ, а имянно тѣхъ отроковъ, которые уже складываютъ слоги; а о другихъ судить можно по пропорцїи. Я полагаю, что матерїею чтенїя суть слѣдующїя слова: *рече Господь Господеви моему, сѣди одесную мене.* Каждой отрокъ произноситъ одинъ слогъ, на примѣръ, *ре*: его соперникъ, которой сидитъ на противъ его, продолжаетъ слѣдующїй, *че*; и такъ далѣе. Весь классъ слушаетъ; понеже учитель ни на кого не указывая, переходитъ вдругъ отъ начала скамейки до средины или конца, а надобно продолжать безъ остановки. Ежели одинъ ученикъ погрѣшитъ въ какомъ слогѣ, то учитель ударяетъ по столу тросточкой, не говоря ни слова, и соперникъ обязанъ повторить, какъ должно, слогъ не исправно выговоренной. Ежелижъ и сей солжетъ, то слѣдующїй, при второмъ ударѣ тросточкою, начинаетъ снова

тотъ же слогъ, до тѣхъ поръ, какъ онъ исправно выговоренъ будетъ. Лѣтъ съ лишкомъ тритцать тому есть, какъ я видѣлъ съ отмѣннымъ удовольствїемъ сей порядокъ употребляемой съ успѣхомъ въ Орлеанѣ, гдѣ онъ принялъ свое начало старанїемъ и раченїемъ Г. Гарота, которой главнымъ былъ надзирателемъ въ школахъ сего города. Школа, которую я смотрѣлъ, состояла болѣе нежели изъ двухъ сотъ учениковъ, и въ ней царствовало глубокое молчанїе. Учитель обремененной правленїемъ новой какой нибудь школы не худо бы, кажется, здѣлалъ, естлибъ онъ посѣщалъ тѣ, которыя наиболѣе успѣваютъ, и предлагалъ ихъ себѣ образцами. Я тожъ самое говорю по пропорцїи о тѣхъ, которые приставляются къ дѣтямъ для сообщенїя имъ первыхъ наставленїй.

За чтенїемъ немедлѣнно долженствуетъ слѣдовать писанїе. Г. ле Февръ, о которомъ я уже упомянулъ, не хочетъ, чтобъ въ семъ возрастѣ много старались о красотѣ характера. Лишь

только бы отрокъ имѣлъ свободную руку, онъ тѣмъ доволенъ, и не требуетъ отъ него болѣе. Онъ еще думаетъ, что когда кто съ сего времени пишетъ очень хорошо, чему не можно статься иначе, какъ чрезъ тихое и холодное упражненїе, то сїе не очень хорошїй есть знакъ разума. Онъ больше любитъ въ дѣтяхъ огонь и живость, которая имъ не позволяетъ привязываться чрезмѣрно къ точности правилъ. Въ прочемъ, дабы ихъ привесть къ совершенству письма, надлежитъ на то опредѣлить повседневно довольное время, которое можетъ употреблено быть съ большею пользою. И такъ довольно того, чтобъ молодой человѣкъ писалъ свободно и четко. Когда онъ дойдетъ до пятнатцатова или шестнатцатова году, то онъ болѣе успѣетъ въ чистотѣ писма черезъ четыре мѣсяца, нежелибъ онъ успѣлъ въ четыре года сряду въ малолѣтствѣ.

Квинтилїанъ, такъ какъ разсудительной человѣкъ, которой хочетъ, чтобъ

все употреблялось въ пользу при воспитанiи молодыхъ людей, весьма совѣтуетъ учителямъ, которые обучаютъ писать, чтобъ они имъ не давали списывать такихъ образцовъ, которыхъ слова написаны безъ разбору и безъ смыслу, но чтобъ они содержали какое нибудь полезное изреченiе, которое привлекаетъ къ добродѣтели. Понеже, присовокупляетъ онъ, то, что перенимается въ сихъ нѣжныхъ лѣтахъ, начертаясь глубоко въ памяти послѣдуетъ за нами до старости, и входитъ въ поведенiе жизни. Съ меня довольно того, чтобъ напомянуть, чтоето есть язычникъ, которой такъ говоритъ.

Когда я сказалъ, что чтенiе есть первая екзерцицiя отрочества, то я не думалъ изключить всякое наставленiе до того времени, какъ отроки бываютъ въ состоянiи читать. Есть изъ нихъ такiе, которые не спѣшно достигаютъ до сего малаго знанiя; а ето непристойно, чтобъ напрасно опускать все предшествующее время. Можно упо-

требить его въ пользу ихъ, разсказывая имъ живымъ голосомъ, и неоднократно повторяя тожь самое, чему они научатся чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ изъ книгъ, когда будутъ умѣть ихъ читать: на примѣръ, нѣкоторые вопросы изъ катихизиса историческаго, нѣкоторые стихи изъ басенъ де ла Фонтена и другія вещи симъ подобныя. Все сіе должно предлагать имъ подъ видомъ забавы, такъ чтобъ никогда ихъ не бранили за то, что они съ трудностію ето перенимаютъ и неисправно высказываютъ.

Я теперь приступаю къ тѣмъ ученіямъ, въ которыхъ надобно упражняться дѣтямъ, когда они нѣсколько усилились въ чтеніи.

Изученіе Катихизиса Историческаго.

§ III. Я начинаю историческимъ катихизисомъ г. Аббата Флери, и говорю о первомъ, которой здѣланъ для дѣтей. Сія превосходная книга для чрезвычайной ея пользы чрезвычайнаго почтенія достойна; не можно надивиться отмѣнному вкусу сего благочести-

ваго и ученаго писателя, которой побужденъ будучи закономъ и любовїю къ отрокамъ, принялъ на себя особливо сїе дѣло, чтобъ познавать ихъ разумъ и понятїе, примѣняться къ ихъ слабости, говорить ихъ языкомъ, и шепелять, такъ сказать, съ ними. И такъ вотъ первая книга, которую надлежитъ дать въ руки дѣтей, и которой надобно ихъ обучить еще прежде, нежели они умѣть будутъ читать, какъ я уже упомянулъ.

Правители дому, естьлибъ только всякой изъ нихъ довольно самъ былъ наученъ, и тщился обучить дѣтей и домашнихъ, долженствовалибъ быть первыми учителями и катихизаторами. Я читалъ съ отмѣннымъ удовольствїемъ то, что г. Флери разсказываетъ объ одномъ изъ своихъ друзей въ предисловїи его катихизиса. „Я знаю, говоритъ онъ, между протчими одного человѣка, которой не худо разумѣетъ „свой законъ, не учивъ никогда на„изусть обыкновенныхъ катихизисовъ

„и не имѣвъ во время своего отроче-
„ства другова учителя, кромѣ его отъ-
„ца. Сей доброй человѣкъ съ трехъ
„лѣтъ бралъ его на свои колѣни въ ве-
„черу, когда онъ уединялся, онъ ему
„разсказывалъ простыми словами, иног-
„да жертвоприношеніе Авраамово, иног-
„да исторію Іосифа, или что нибудь
„подобное: онъ ему показывалъ въ тожъ
„самое время сіи исторіи въ книгѣ съ
„картинками, и повтореніе оныхъ со-
„ставляло нѣкоторую забаву въ фами-
„ліи. На шестомъ или седьмомъ году,
„когда сей отрокъ началъ знать не мно-
„го по Латинѣ, то отецъ заставилъ
„его читать Евангеліе и удобнѣйшія
„книги вешхаго завѣта, стараясь при
„томъ изъяснить ему затрудненія. Та-
„кимъ образомъ въ немъ осталось на
„всю жизнь великое почтеніе и подо-
„бострастіе къ священному писанію и
„ко всему тому, что принадлежитъ
„до закона.„ Вотъ польза отъ Христі-
анскаго воспитанія: вотъ долгъ отцовъ
знающихъ, и не весьма занятыхъ дѣла-

ми. Таково было обыкновенїе перьвыхъ и святѣйшихъ вѣковъ церькви, въ которыхъ дѣти исправно наставлялись въ Христїанскомъ законѣ попеченїями однихъ родителей, и безъ вспоможенїя катихизисовъ; понеже тогда еще не было публичныхъ и особливыхъ катехизаторовъ для юношества.

Матери не могутъ извиниться своими недосужностьми: онѣ довольно имѣютъ времени. Попеченїе о воспитанїи дѣтей до сего возрасту, о которомъ мы говоримъ, въ ихъ рукахъ наипаче состоитъ, и составляетъ часть ихъ маленькаго въ домѣ владѣнїя, которое имъ особливо провидѣнїе опредѣлило. Природная ихъ ласковость, вкрадчивые манеры, естлибъ только онѣ умѣли соединять съ оными прїятную, однакожъ постоянную важность, приводятъ ихъ въ состоянїе наставлять съ успѣхомъ своихъ дѣтей. Я знаю многихъ матерей, которыя исполнили совершенно сїю должность, и между прочими одну, которая никогда не остав-

ляла своего дитяти одного съ домашними, и которая сама научила его совершенно всему тому, что дитя знать долженствуетъ почти до шестилѣтняго возраста, въ которомъ она его предала въ руки одного учителя, которой могъ заступить ея мѣсто и войти въ ея намѣренія.

Я сказалъ, что воспитанїе дѣтей состоитъ наипаче въ рукахъ родительницъ. Ето еще справедливѣе бываетъ въ разсужденїи деревни нежели города. По тому что въ то время, какъ мущины бываютъ заняты тягостными и нужными трудами, (а они заняты бываютъ почти во весь годъ) однимъ только женщинамъ можетъ оставаться сколько нибудь досужности. Сїе самое показываетъ тѣсное и ненарушимое обязательство, которое имѣютъ господа деревень основывать въ нихъ школы дѣвичьи, и особливое попеченїе, которое пастыри долженствуютъ прилагать къ сей части ихъ стада, которая одна только составляетъ все прибѣжище и

всю надежду деревни. Ибо сіи дѣвушки здѣлаются хозяйками: и естли онѣ имѣли щастіе научиться исправно въ своей юности, то онѣ сообщатъ такую же пользу дѣтямъ своимъ.

Дабы возвратиться къ Историческому Катихизису; всякъ, кто берется обучать ему дѣтей, долженствуетъ съ самаго начала прочитать или разсказать имъ историческую повѣсть, которая находится передъ вопросами. Можно будетъ, естьли толькоето ихъ не отяготитъ, прочитать имъ оную вторично, дабы ихъ чрезъ то привесть въ состояніе больше понимать ее. По сіе время отъ нихъ ничего еще не требуется, какъ только уши, и нѣсколько вниманіе, которое учитель привлечь можетъ читая или разсказывая имъ сію повѣсть веселымъ и пріятнымъ нѣкоторымъ образомъ. Послѣ сего онъ приступитъ къ вопросамъ и отвѣтамъ, изъ которыхъ каждой повторится многократно, дабы отрокъ совершенно ихъ выразумѣлъ. Онъ сперва прикажетъ ему

выучить одни отвѣты или чрезъ наслышку, ежели онъ читать еще не умѣетъ, или чрезъ чтенїе, которое онъ самъ будетъ имѣть особенно. Симъ образомъ протвердится сряду первая часть Катихизиса, которая вся Историческая, и которая содержитъ двадцать девять членовъ или уроковъ. Ето будетъ первое основанїе положенное въ разумѣ отрока. При семъ учитель велитъ ему разсматривать всѣ картинки, на что онъ согласится съ радостїю, и приметъ старанїе изъяснять ему всѣ ихъ части. Я видѣлъ съ удивленїемъ одну знатную дѣвушку, которая была не больше, какъ четырехъ лѣтъ, и которая хотя читать еще не умѣла, однакожъ переняла наизусть весь Исторической Катихизисъ такъ, что изъ котораго бы мѣста сей книги ее ни спросили, она безъ остановки отвѣчала.

Изобрѣтенїе картинокъ есть превосходно. Изображенїя весьма способны бываютъ къ пораженїю мысли дѣтей, и къ утвержденїю ихъ памяти. Ето

есть, собственно говоря, писмо незнающихъ людей. Желательно, чтобъ сіи картинки дѣланы были искусною рукою, и превосходными гридоровальщиками. Онѣ бы для сего несравненно болѣе нравились, привлекали бы сильнѣе глаза, и чрезъ то производилибъ больше дѣйствія въ умахъ. Но по причинѣ высокой цѣны сіи книги были бы неприступны для бѣдныхъ, а для ихъ то и надлежитъ особливо трудиться. Не достойна ли Государя какова нибудь, или вельможи, или человѣка чрезвычайно достаточнаго сія щедрость, чтобъ употребить на нихъ свои деньги, и услужить публикѣ, не дѣлая разбору между богатыми и скудными, такимъ подаркомъ, которой бы всѣмъ былъ полезенъ, и которой бы дѣлалъ безсмертную честь подарившему?

По окончаніи такимъ образомъ Историческаго Катихизиса, учитель опять его начнетъ, прибавляя къ нему вопросы, и заставляя отрока учить ихъ наизусть; по тому что они обыкновен-

но имѣютъ связанїе съ отвѣтами, и часто содержатъ въ себѣ ихъ силу.

На послѣдокъ когда отрокъ затвердитъ въ своей памяти вопросы и отвѣты, и когда въ томъ довольно укрѣпится, то учитель его заставитъ выучить наизусть историческую повѣсть, которая имъ предшествуетъ. Но что касается до повѣсти; не нужно порабощать его тому, чтобъ онъ пересказывалъ ее тѣми же самыми словами, какъ онъ ее выучилъ. Не надлежитъ за то сердиться, что онъ ихъ иногда перемѣняетъ, лишь бы только сїе происходило безъ перемѣны смыслу; ибо ето есть вѣрнымъ доказательствомъ, что онъ понялъ дѣло, вмѣсто того, что есть причина сумнѣваться о томъ, когда онъ сказалъ тѣжъ самыя слова.

Сїи три различныя повторенїя, которыя всегда провожаемы будутъ какими нибудь отмѣнами, или прибавленїемъ, покажутъ симъ способомъ прїятной видъ новости. Они не наску-

чатъ дѣтямъ, и начертаются глубоко въ ихъ памяти и разумѣ.

Послѣ первой части катихизиса, которая вся историческая, начнутъ имъ вторую, содержащую Христіанское ученіе, и слѣдовательно самыя важныя наставленія. Здѣсь тѣже самыя правила наблюдаться будутъ, которыя и при нервой части.

При обѣихъ оныхъ частяхъ искуство надзирательницъ и учителей состоитъ въ томъ, чтобъ они не ограничивали своихъ попеченій изощреніемъ памяти отрока, заставляя его прочитывать наизусть то, что онъ выучилъ: но чтобъ начинали направлять его разсужденіе, сколько его возрастъ къ сему способствуетъ, предлагая ему небольшія задачи сходственныя съ его слабостію, перемѣшивая порядокъ вопросовъ, заставляя его самого изъяснять свои отвѣты, и премногими другими средствами, которыя усердіе и ревность вдыхаютъ учителю, съ удо-

вольствїемъ и утѣхою отправляющему свою должность.

Сїя екзерцицїя въ Историческомъ Катихизисѣ, которая займетъ небольшую частицу дня, отправляема будучи такъ, какъ я показалъ, и возобновляема отъ времени до времени частыми повторенїями продолжится чрезъ три или четыре года младенчества, и послѣдуетъ за онымъ до шестова или седьмова году, въ которомъ начнутся труднѣйшїя ученїя.

Басни де ла Фонтена.

§ IV. Въ то самое время, какъ отрокъ занятъ будетъ сею екзерцицїею, велятъ ему выучить наизусть нѣкоторыя басни де ла Фонтена, избирая напередъ тѣ, которыя поменьше другихъ и позабавнѣе. Примется трудъ толковать ему ясно и кратко всѣ слова, которыхъ онъ не разумѣетъ, и послѣ того, какъ одна басня прочитается ему многократно, и онъ заставленъ будетъ наизусть повторить оную, учитель станетъ его прїучать къ тому, чтобъ онъ ее расказывалъ самъ собою просто

и натурально. Невѣроятно почти, сколь сїе дѣло можетъ ему полезно быть въ послѣдствїи. Дабы ему способствовать въ ономъ, учитель сперва самъ раскажетъ ему басню, и его научитъ своимъ примѣромъ, какъ онъ долженствуетъ въ томъ поступить. Я не имѣю нужды увѣдомлять, что надлежитъ сперва представить передъ глазами его изображенїе, которое находится въ началѣ басни, и которое заключаетъ въ себѣ ея содержанїе, и ему истолковать оное: нѣтъ ничего, что бы могло быть ему прїятнѣе.

Когда онъ выучитъ наизусть одну басню, и ее будетъ знать совершенно, то его заставятъ произносить ее такъ, чтобъ онъ сотовариществовалъ голосомъ и тѣлодвиженїемъ сходственнымъ съ матерїею. Учитель можетъ посмотрѣть въ семъ случаѣ то, что сказано будетъ въ послѣдствїи о правилахъ произношенїя. Такимъ образомъ отрокъ навыкнетъ заблаговременно выговаривать по надлежащему гласныя и согласныя

литеры, дѣлать чувствительною ихъ силу, протягивать тѣ, которыя требуютъ медлѣнія, не съѣдать слоговъ, а особливо послѣднихъ, дѣлать нѣкоторыя отдохновенія, смотря на различіе раздѣлительныхъ знаковъ; словомъ сказать: произносить пріятно, ясно, и правильно. Надлежитъ весьма наблюдать, чтобъ онъ принималъ голосъ природной, и избѣгалъ вижжанія дѣтямъ обыкновеннаго, которое послѣдуетъ за ними въ классы, а часто и въ зрѣлѣйшій еще возрастъ.

География.

§ V. По нѣсколько времени употребляться такъ же будетъ повседневно на географію. Она будетъ для дѣтей больше забавою, нежели ученіемъ, естьли учитель умѣетъ приправлять ее пріятными историйками, и любопытными дѣлами при случаѣ земель и городовъ, о которыхъ говорено имъ будетъ. Сіи исторіи и дѣла находятся въ географическихъ книжкахъ: надлежитъ въ нихъ дѣлать разборъ и отдѣ-

лять только то, что можетъ понравиться отроку.

Многїе суть способы къ обученїю географїи, которыхъ большая часть изрядна, естьли только наблюдается въ нихъ вѣрность, и естьли они провожаемы всегда бываютъ смотрѣнїемъ на ландкарты, понеже ета наука требуетъ особливо употребленїя глазъ. Между сими различными способами мнѣ кажется, что надлежитъ предпочесть тѣ, которые вмѣсто того, чтобъ требовать много разума у отроковъ, или получать пособленїе отъ онаго, сами на противъ того пособляютъ ихъ разуму, и ихъ забавляютъ прїятною екзерцицїею.

Сперва представятъ передъ ихъ глазами всеобщую карту свѣта или шаръ земной, которой гораздо способнѣе къ тому, чтобъ дать имъ справедливое понятїе о фигурѣ земли. По томъ учитель изъяснитъ имъ слова собственныя сей наукѣ, которыя нужны будутъ, приближая оныя къ ихъ понятїю. *Твер-*

дая земля, море, островъ, полуостровъ, заливъ, проливъ и прочая.

Можно учить географіи помощію исправныхъ раздѣленій и ученыхъ подробностей; но сей способъ отягощаетъ память, и не вознаграждаетъ почти никакою утѣхою скуки соединенной съ продолжительною связью именъ собственныхъ.

Полезнѣе бы, мнѣ кажется, было заставить отрока странствовать по ландкартѣ, не замѣчая на ней ничего инаго, какъ только какую нибудь забавную особливость, которая соединена будучи съ фигурою страны пособляетъ памяти сохранять ея имя и положеніе.

Положимъ, на примѣръ, что хотятъ показать Азїю малолѣтному отроку, которой уже знаетъ употребительныя Географическія слова. Я бы только велѣлъ ему пробѣжать всѣ ея стороны, увѣдомляя его о томъ, что каждая земля имѣетъ достопамятнаго.

Азія, сказалъ бы я ему, начинается тамъ, гдѣ оканчивается Африка, которая съ нею соединяется истмомъ Суецкимъ, которой ты видишь между Средиземнымъ и Чермнымъ моремъ. Сіе море называется Чермнымъ по тому, что подлѣ его жили Идумейцы, происходящіе отъ Исава, или Едома, котораго имя значитъ *красной* или *рыжей*.

Аравія, которую сіе море обмываетъ, раздѣляется на три: *Петрейскую*, или *Каменистую*, *Пустынную* и *Щастливую*.

Петрейская, или *Каменистая* здѣсь находится при самомъ концѣ Чермнаго моря. Въ семъ то мѣстѣ Израильтяне пробыли сорокъ лѣтъ послѣ того, какъ они перешли сухими ногами ложе Чермнаго моря, которое само разступилось. Примѣчай тутъ гору Синайскую, на которой Богъ далъ Евреямъ законъ, содержащійся въ десятословіи, и множество другихъ установленій. Аравія Петрейская называется такъ по древнему

городу Петреи, котораго ужъ болѣе нѣту.

Пустынная беретъ свое имя отъ пространныхъ пустынь. Въ ней находятся города: Мекка, Медина, и Елкативъ. Мекка славится рожденіемъ Лжепророка Магомета, и имѣетъ знатной мечеть, въ которой ежегодно со всѣхъ сторонъ пріѣзжаютъ караванами премногіе странственники. Медина есть мѣсто его похоронъ. Кативъ или Елкативъ стоитъ на берегу залива Персидскаго. Въ семъ то мѣстѣ отправляется жемчужная коммерція, и достаются жемчужныя раковины, которыя водолазы ходятъ собирать около каменистыхъ горъ противустоящаго острова Багарена. Сверхъ сего изъясняется отроку, что значатъ *жемчужины* и *ихъ раковины*, и какимъ способомъ ихъ достаютъ изъ воды; что такъ же значитъ сіе слово, *водолазы*.

Щастливая Аравія имѣетъ сіе имя за тѣмъ, что она производитъ знатнѣйшія растѣнія. Въ ней находится

кофе, которой есть зерно маленькаго и краснаго плода, которой походитъ на вишню. Тутъ такъ же есть Бальсамъ и Ладанъ, которые суть не иное что, какъ благовонныя смолы, вытекающїя изъ коры двухъ кустовъ.

Въ сей то заливѣ впадаютъ Тигръ и Ефратъ.

Послѣ сего встрѣчается Имперїя Персидская, которой главные города суть: Испаганъ, Таврисъ, Ширасъ, и Бандеръ Абаси. Испаганъ и Таврисъ имѣютъ рынки или площади столь пространныя, что на нихъ становится въ строй десять тысячь человѣкъ. Въ Ширасѣ усматриваются великолѣпные остатки древняго Персеполя. Бандеръ Абаси есть наилучшїй портъ въ Персїи. Тутъ отправляется нынѣ коммерцїя, которую имѣли нѣкогда Португальцы на островкѣ Ормусѣ при входѣ въ заливъ, изъ котораго ихъ выгнали.

Не подалеку оттуда есть гора Шїампа, гдѣ находятся земли разныхъ цвѣтовъ. Блескъ ихъ столь живъ, что

не можно было никогда подражать изрядству ихъ испещренныхъ полотенъ, которыя могутъ неоднократно быть въ мытьѣ не теряя ихъ живости.

Между тѣмъ, какъ продолжаютъ такимъ образомъ осматривать всѣ стороны, и возвращаются по тѣмъ же мѣстамъ, не перемѣняя того, чему хотятъ научить отрока; онъ почитаетъ игрушкою сїи познанїя, которыя его забавляютъ, и распоряжаются въ его памяти безъ всякаго напряженїя.

Можно бываетъ такъ же, когда онъ показалъ уже нѣсколько успѣху въ Географїи, заставить его странствовать по Ландкартѣ; велѣть, напримѣръ, ему ѣхать изъ Парижа въ Римъ по морю; а возвращаться изъ Рима въ Парижъ по сухой землѣ другою дорогою. Сїи малыя отмѣны его увеселяютъ, и въ то время, какъ онъ проходитъ мѣста, предводитель научаетъ его премногимъ любопытностямъ находящимся въ оныхъ.

Французская Грамматика

§ VI. Остается мнѣ сказать еще Французской Грамматикѣ, которой над-

лежитъ обучать дѣтей, какъ скоро они будутъ къ тому способны, а они таковы обыкновенно бываютъ довольно рано. Намъ весьма стыдно не знать своего собственнаго языка: но естьли мы хочемъ сказать правду, то мы всѣ почти признаемся, что мы никогда ему не учились. Я не стану дѣлать здѣсь разсужденій, которыя учинить можно о сей матеріи: я говорить буду въ переди о томъ пространно, что касается до сего ученія. Одно благоразуміе учителя можетъ опредѣлить время и способъ для онаго въ такомъ возрастѣ, о которомъ рѣчь идетъ. Онъ возметъ изъ Французской Грамматики то, что онъ сочтетъ за нужнѣйшее для отроковъ, и сходственнѣйшее съ ихъ понятіемъ, отлагая до другова времени то, что ему покажется очень умозрительно и трудно; ибо должно желать, чтобъ сія екзерциція продолжалась во весь курсъ ученія.

Вотъ почти все то, что по моему мнѣнію долженствуетъ составлять у-

пражненіе дѣтей даже до семи лѣтъ, въ которое время можно будетъ начать учить ихъ Латинскому языку, которой они будутъ разумѣть скорѣе и удобнѣе, когда обучились Грамматикѣ Французской; по тому что основанія сихъ двухъ языковъ суть во многомъ общія.

Не надобно думать, чтобъ то, что я здѣсь предлагаю, превышало силы отроковъ. Я недавно слушалъ, какъ одинъ изъ нихъ, которой имѣетъ только шесть лѣтъ отъ роду, отвѣчалъ въ собраніи довольно многолюдномъ на весь Катихизисъ Исторической, изъ котораго онъ при открытіи книги читалъ наизусть всѣ мѣста, которыя попадались, какъ повѣствуемое, такъ вопросы и отвѣты. Онъ далъ такъ же отчетъ въ большей части словъ Географическихъ, въ четырехъ частяхъ свѣта вообще, и во Франціи съ довольною подробностію. Онъ высказалъ очень исправно многія правила Грамматики Французской, что болѣе всего меня

удивило. Онъ читалъ нѣкоторыя басни де ла Фонтена съ великою пріятностію, и готовъ былъ отвѣчать объ основаніяхъ Геральдики, но время учинить сего не позволило.

Я сто весьма знаю, что не должно сего ожидать отъ всѣхъ отроковъ, и я упомянулъ сей примѣръ для того только, чтобъ показать, сколько они могутъ понимать въ то время, какъ хорошаго имѣютъ предводителя. Да когда и сыщутся изъ нихъ такіе, какъ тотъ, о которомъ я говорю, которые добровольно стремятся къ трудамъ, и ими увеселяются (что бываетъ весьма рѣдко, и значитъ великое щастіе); то надлежитъ съ крайнимъ тщаніемъ умѣрять такой ихъ жаръ, и заключать его въ надлежащія границы. Нѣтъ ничего любяе и для родителей, и для учителей, какъ видѣть отрока отмѣнно успѣвающаго въ столь незрѣломъ еще возрастѣ: но нѣтъ въ тожъ самое время (могу сказать) ничего столь опаснаго. Ибо, естьли предаются съ той и съ

другой стороны сему удовольствїю, и естьли не щадять рачительно здравїя дитяти, то подвергаются опасности повредить оное на всегда чрезъ безпрерывное мысли напряженїе, которое истощаеть духи непримѣтнымъ образомъ, и дѣлаетъ нечувствительно жилки и суставы, кои тогда бываютъ тонки, дебелыми.

Сїя опасность велика, но она не очень бываетъ обыкновенна. Чаще имѣютъ нужду вдыхать горячность въ дѣтей, нежели умѣрять ее; и въ семъ то я поставляю главное искуство учителя. Но дабы вкоренить въ нихъ любовь къ ученїю, надлежитъ, чтобъ онъ старался сперва самъ притти въ любовь къ нимъ, что ему дѣйствительно удастся, ежели онъ поступать будетъ всегда по разуму, а никогда по своенравїю. Я разсмотрю ето пространно, когда говорить буду о должностяхъ родителей и учителей при воспитанїи дѣтей. Здѣсь довольно для меня увѣдомить ихъ, что они паче всего обя-

заны стараться влагать ревность въ ихъ сердце. Екзерциціи въ такихъ лѣтахъ, о которыхъ я говорю, долженствуютъ быть болѣе забавою, нежели ученіемъ. Надлежитъ ихъ перемѣнять, сокращать, а иногда и совсемъ откладывать, дабы предупредить скуку и отвращеніе; предлагать отроку маленькія награжденія, и избирать тѣ, которыя дѣлаютъ наиболѣе утѣхи сему возрасту, ежели онъ съ природы тупъ къ ученію, не дѣлать ему жаркихъ выговоровъ, и не поступать съ нимъ грубо и строго, дабы онъ не соскучился, и не удержалъ въ зрѣлѣйшихъ лѣтахъ ненависти ко всякому ученію, въ которомъ онъ ничего не чувствовалъ кромѣ одного огорченія въ своей юности, не въ силахъ еще будучи понимать онаго пользу. На противъ того надлежитъ его возбуждать, и ободрять похвалами, хотя онъ не множко успѣетъ; представить ему напротивъ какова нибудь товарища, котораго бы успѣхъ и похвалы трогали его самолюбіе, о побѣж-

денiи котораго могъ бы онъ радоваться, и отъ котораго бы побѣжденнымъ быть стыдился. Ето суть невинныя хитрости, которыя Святой Iеронимъ, списывая Квинтилiана, совѣтовалъ употреблять одной Христiанской госпожѣ въ разсужденiи ея дочери, которая тогда имѣла не болѣе пяти или шести лѣтъ, и о которой воспитанiи онъ ей подаетъ удивительныя наставленiя. Христiанскiя матери требуютъ отъ меня, чтобъ я такъ же сообщилъ нѣкоторыя изъ нихъ о той же самой матерiи, и я не могу отказать столь справедливому и столь благоразумному желанiю. Я долженъ симъ знакомъ благодарности свидѣтельствованiямъ почтенiя, которое и самыя госпожи оказываютъ мнѣ за мое *разсужденiе объ ученiяхъ*, котораго чтенiе, я весьма не думалъ, чтобъ могло имъ принесть какое удовольствiе.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О

воспитанїи дѣвицъ.

Господинъ Фенелонъ, Архїепископъ Камбракїйской, начинаетъ превосходную книгу, которую онъ сочинилъ о сей матерїи, жалобою о томъ, что воспитанїе дѣвицъ отъ всѣхъ почти пренебрегается; и сїя жалоба весьма основательна. Хотя довольно погрѣшаютъ въ воспитанїи отроковъ, однакожъ всѣ почти согласуются въ томъ, что оно весьма нужно къ общему добру. Долгое время опредѣляемое на ихъ ученїя, учители имъ даемые, иждивенїе употребляемое въ семъ намѣренїи, суть ясныя доказательства, что люди имѣютъ справедливыя понятїя о сей матерїи. Но подъ тѣмъ видомъ, что дѣвицы не должны быть учеными, и что любопытство дѣлаетъ ихъ тщеславными и принужденными въ поступкахъ и рѣчахъ, родители не очень безпокоятся о ихъ наученїи, какъ будто бы невѣжество бы-

ло украшенїемъ ихъ полу. Ето есть явная и вредная государству погрѣшность, чтобъ пренебрегать такимъ образомъ воспитанїе дѣвицъ.

Надлежитъ въ немъ предлагать двоякой конецъ, такъ какъ и въ воспитанїи отроковъ, а имянно, чтобъ исправить сердце, и просвѣтить разумъ. Я начну перьвою частїю, которая есть самая нужная, и о которой однакожъ я предложу очень кратко, по тому что совѣты, которые я сообщу въ послѣдствїи о семъ дѣлѣ для отроковъ, приличествуютъ равно и дѣвицамъ.

Надобность и способъ исправлять нравы дѣвицъ отъ самой нѣжной юности.

§ I. Святой Іеронимъ, въ писмѣ своемъ къ Лаетѣ знатной Госпожѣ о воспитанїи ея дочери, и къ другимъ матерямъ Христїанскимъ, предлагаетъ множество изрядныхъ вещей о сей матерїи. Я употреблю ихъ въ пользу такъ какъ и книжку г. Фенелона.

Я увѣдомляю съ самаго начала матерей и надзирательницъ, что я беру здѣсь въ разсужденїе, (какъ и онѣ должны брать со мною) дѣтей такъ какъ

вышедшихъ недавно изъ крестинныхъ водъ, учинившихъ тамъ въ присутствіи І. Христа торжественныя обѣщанія, которыхъ родители, наставники и надзирательницы здѣлались хранителями, отказавшихся тамъ отъ всѣхъ пышностей и суетъ вѣка сего, и слѣдовательно долженствующихъ познавать основанія сходственныя съ обязательствами, которыя они на себя приняли, не на нѣсколько лѣтъ, но на всю свою жизнь. Я не думаю, чтобъ сіе увѣдомленіе почтено было безразсуднымъ, которое одно можетъ произвесть всѣ правила добраго воспитанія.

Поелику первые плоды всѣхъ вещей принадлежатъ особливо Богу, то и перьвыя мысли и слова дитяти долженствуютъ посвящены быть ему чрезъ благочестіе. Радость Христіанской матери такой, какъ была Св. Павла, долженствуетъ быть сія, чтобъ слышать, какъ ея дочка произноситъ слабымъ голосомъ, и шепеляющимъ языкомъ сладкое имя І. Христа, которому она пре-

далась въ служенïе при своемъ крещенïи.

Сïе посвященïе требуетъ, чтобъ дѣвица, здѣлавшаяся храмомъ Господа, никогда не слыхала и не говорила ничего, что бы не отзывалась страхомъ Божïимъ: чтобъ слова противныя честности были для ея странным и неизвѣстнымъ языкомъ, въ которомъ бы она ничего не постигала; и чтобъ она не знала вовсе безстыдныхъ пѣсенъ, а вмѣсто ихъ воспѣвала бы нѣжными своими устами Божественныя псальмы Давыда.

Какъ скоро возрастъ позволитъ изощрять ея память, то заставятъ ее выучить наизусть какïе нибудь выбранные стишки изъ ветхаго или новаго завѣта, которые она прочитывать будетъ всегда въ опредѣленные часы своей матери, и которые будутъ такъ какъ бы повседневнымъ ея урокомъ, и какъ бы пучкомъ цвѣтовъ собранныхъ въ священномъ писанïи, которой она ей приноситъ будетъ во всякое утро.

Запрещается ей имѣть знакомство съ дѣтьми другова полу, и приставлять къ ней для услугъ другова ково нибудь кромѣ дѣвицъ благоразумныхъ и умѣреннаго духа. Знанїе свѣта можетъ имъ полезно быть по нѣкоторой мѣрѣ; но надлежитъ, чтобъ онѣ остерегались сообщать заразительной его видъ и пагубныя наставленїя своей воспитанницѣ. Ибо въ семъ возрастѣ и самая безделка удобно повреждаетъ чистоту и невинность дитяти: ето есть нѣжной и тонкой цвѣтъ, которой отъ малѣйшаго дыханїя заразительнаго можетъ испортиться и погибнуть въ одну минуту.

Святой Іеронимъ весьма совѣтуетъ, чтобъ не прїучали сихъ невинныхъ тварей къ свѣтскимъ манерамъ, чтобъ не давали имъ пить изъ заразительной чаши Вавилонской, чтобъ не вдыхали имъ охоты къ пустымъ украшенїямъ вѣка; и чтобъ не марали и не срамили ихъ лица бѣлилами и румянами.

Онъ не требуетъ того, чтобъ содержали дѣвицу въ состоянїи совершен-

но противномъ свѣтскому въ разсужденіи платья и поступокъ, ниже того, чтобъ лишали ее украшеній приличныхъ ея возрасту и состоянію. Сіе лишеніе послужило бы только къ возбужденію ея желаній, и къ учиненію ихъ сильнѣйшими. Она увидитъ другихъ лучше ее убранныхъ и будетъ имъ завидовать. Женской полъ любитъ съ природы убираться. Благоразумная мать позволитъ сей природной склонности все то, что непротивно будетъ правиламъ Христіанской воздержности. Намѣреніе ея въ позволеніи ей употреблять уборы, будетъ то, чтобъ вдохнуть въ нее помалу презрѣніе и отвращеніе отъ оныхъ; и ето она постарается здѣлать такъ, чтобъ почтенныя въ свѣтѣ особы похваляли въ присутствіи ея дочери тѣхъ, которыя одѣты будутъ благопристойнѣе и умѣреннѣе.

Подобно и въ протчемъ поступлено будетъ. Такая дѣвица, говоритъ г. Фенелонъ, которая удалена была отъ свѣту за тѣмъ только, что она его

не знала, и въ которой добродѣтель еще не очень глубоко вкоренилась, покушается тотчасъ думать, что отъ нее скрыли то, что есть самое удивительное въономъ. Ето весма лучше, чтобъ она привыкала понемногу къ свѣту живучи при матери благочестивой и разсудительной, которая ей показываетъ въ немъ то единственно, что ей прилично видѣть, которая открываетъ ей при случаѣ заблужденїя онаго, и которая подаетъ ей примѣръ предаваться въ него съ умѣренностїю для одной только надобности.

Выборъ надзирательницы есть важнѣйшее дѣло, какое только мать чья нибудь имѣть можетъ. Она долженствуетъ просить ее чрезъ долгое время у Бога смиренными и горячими молитвами, и заслуживать ее чистыми намѣренїями, и искреннимъ желанїемъ сыскать своей дочери воспитанїе точно Христїанское. Я не распространю здѣсь рѣчи о сей матерїи: можно посмотрѣть то, что сказано будетъ въ

послѣдствіи о выборѣ, качествахъ, и должностяхъ учителя.

То, чего по крайней мѣрѣ должно требовать отъ надзирательницы, есть то, чтобъ она имѣла правой смыслъ, послушной разумъ, удобосклонной нравъ, и истинной страхъ Божій. Просвѣщенная и благоразумная мать дополнитъ сама протчее. Она начнетъ въ непринужденныхъ и простыхъ разговорахъ наставлять ее своими совѣтами, съ коими она соединять будетъ всегда ласковость и пріятность, которыя вселяютъ ихъ въ самое сердце: ибо безъ сего самые мудрѣйшіе совѣты возбудятъ только самолюбіе, и не найдутъ себѣ нигдѣ проходу.

Одно изъ главныхъ попеченій матери есть то, чтобъ она сперва сама познала совершенно все то, что нужно для исправнаго воспитанія дѣтей. Она можетъ найти сіе вспоможеніе въ книгѣ сочиненной Г. Фенелономъ о воспитаніи дѣвицъ, которая очень кратка и вразумительна. Она должествуетъ осо-

бливо упражняться въ изученіи ея такъ, чтобъ она могла ее совершенно знать и при томъ приказать, чтобъ надзирательница такъ же повторяла многократно чтеніе оной. Етого еще не довольно. Примите, говорилъ самъ господинъ Фенелонъ одной матери, которая его спросила о семъ дѣлѣ, примите трудъ читать сію книжку съ нею. Дайте ей вольность останавливать васъ при всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, которыхъ она не разумѣетъ и о которыхъ сумнится. По томъ велите ей вступить въ самое дѣло; и когда только вы примѣтите, что она говоря дитяти оставляетъ правила сей книжки, которымъ она обѣщалась слѣдовать, то вы напомните ей о томъ тайно и ласково.

Сіе упражненіе, продолжаетъ тотъ же Писатель, вамъ покажется съ начала отяготительно: но вы подумайте, что вы будучи мать непремѣнно сею должностію обязаны. Въ протчемъ вы не будете имѣть чрезъ долгое время великихъ въ томъ затрудненій. Ибо

сія надзирательница, естьли она разумна и усердна, научится болѣе въ одинъ мѣсяцъ чрезъ самое дѣло и ваши совѣты, нежели чрезъ продолжительныя умствованія. Тотчасъ она пойдетъ сама собою по прямой дорогѣ. Вы еще получите сіе облегченіе, что она сыщетъ въ семъ маленькомъ сочиненіи главныя рѣчи, которыя говорить должно дѣтямъ о важнѣйшихъ правилахъ, во всей готовности, такъ что она не будетъ почти имѣть больше дѣла, какъ только имъ послѣдовать. И такъ она имѣть будетъ передъ своими глазами нѣкоторое собраніе разговоровъ, которые она должна имѣтъ съ дитятею о вещахъ, кои труднѣе всего ему вразумить. Ето есть нѣкотораго роду практическое воспитаніе, которое будетъ провожать ее какъ бы за руку.

Къ сей книгѣ г. Фенелона надлежитъ присовокупить прекрасное предисловіе Историческаго Катихизиса г. Аббата Флери, которое заключаетъ въ себѣ то, что можно желать твердѣй-

шаго и основательнѣйшаго о способѣ обучать дѣтей, и наставлять ихъ въ законѣ.

Сïе то долженствуетъ составлять ученïе матерей, надзирательницъ, монахинь обязавшихся наставленïемъ дѣвицъ, и я могу еще прибавить, учителей, которымъ ввѣряется попеченïе о малолѣтныхъ дѣтяхъ. Ежелибъ старались искренно и чистосердечно употреблять въ дѣло преизрядные совѣты, содержащïеся въ сихъ двухъ сочиненïяхъ, то бы не было причины жаловаться, какъ сïе часто случается, о маломъ успѣхѣ воспитанïя молодыхъ людей обоего полу.

Естьлибъ мнѣ дозволено было присовокупить себя къ симъ двумъ великимъ мужамъ, не сравнивая себя съ ними ни въ достоинствѣ, ни въ славѣ; то бы я прибавилъ, что можетъ быть въ шестой книгѣ сего сочиненïя, въ которой я предлагаю о внутреннемъ правленïи классовъ и коллегïи, найдутся нѣкоторыя разсужденïя небезполезныя

для особъ обременившихся воспитанiемъ хотя дѣвицъ, хотя мальчиковъ.

Я не могу ни чѣмъ лучше заключить сего перваго члена касающагося до нравовъ, какъ важнымъ разсужденiемъ, которое мнѣ подаетъ г. Фенелонъ: я здѣсь его только спишу.

Наибольшимъ препятствiемъ доброму воспитанiю дѣвицъ бываетъ нестройность поведенiя родителей. Все протчее безполезно, естьли они сами не хотятъ имъ содѣйствовать въ семъ трудѣ. Главнымъ основанiемъ всему есть то, чтобъ они подавали своимъ дѣтямъ правыя мнѣнiя, и созидательные примѣры. А сего не можно надѣяться, какъ только отъ малѣйшаго числа фамилiй. Часто мать, которая проводитъ свою жизнь въ игрѣ, въ комедiи, и въ разговорахъ непристойныхъ, жалуется важнымъ голосомъ, что она не можетъ сыскать надзирательницы способной къ воспитанiю ея дочерей. Но какую силу можетъ имѣть лучшее воспитанiе надъ дочерьми, которыя взи-

раютъ на такую матъ? Часто еще усматриваются такіе родители, которые, какъ говоритъ Св. Августинъ, водятъ сами своихъ дѣтей въ общенародныя зрѣлища, и въ другія увеселительныя мѣста, которыя не могутъ не отвратить ихъ отъ дѣльной и занятой жизни, къ которой сіи самые родители хотятъ ихъ принудить. Такимъ образомъ они мѣшаютъ ядъ со здравою пищею. Они говорятъ всіо о благоразуміи, а сами пріучаютъ непостоянную мысль дѣтей къ сильнымъ колебаніямъ страстныхъ представленій и музыки; послѣ чего они не могутъ болѣе приставать къ дѣлу. Они дѣлаютъ имъ страсти вкусными, а невинныя утѣхи скучными и противными. И послѣ сего они хотятъ еще, чтобъ воспитаніе успѣхъ имѣло, щитая между тѣмъ, что оно грубо и скучно, ежели не будетъ провожаемо симъ смѣшеніемъ добра и зла.

§ 11. То, что я сказалъ о обученіи отроковъ до шести или семилѣтнаго возраста, выключая мало что, естъ

Объ ученіяхъ приличеству-

ющихъ дѣвушкамъ. общее дѣтямъ обоего полу. Теперь требуется разсмотрѣть, какія ученія могутъ приличествовать дѣвицамъ въ слѣдующихъ лѣтахъ.

Изученіе Латинскаго языка прилично ли дѣвицамъ. Первой вопросъ, которой представаетъ въ разумѣ, есть сей: *позволительно ли дѣвицамъ обучаться Латинскаго языка?* Не льзя сумниться, чтобъ между ими не было многихъ столькожъ способныхъ къ сему ученію, какъ и мальчики: полъ самъ собою не полагаетъ различія въ разумахъ. Видны были женщины не меньше успѣвшія въ наукахъ, нежели мущины. Не говоря о премногихъ другихъ, госпожа Дасіерша, которая прославила нашъ вѣкъ, ни мало своему не уступала мужу въ пространствѣ учености; и по общему всѣхъ согласію она превышала его тонкостію вкуса, и слога красотою.

Но ето не есть правило, по которому должно рѣшить предложенной вопросъ. Свѣтъ не случаемъ управляется. Различныя состоянія, на которыя онъ раздѣляется, не своенравію нашему

оставлены. Есть нѣкое провидѣнїе, которое располагаетъ состоянїемъ, и которое назначаетъ каждому свои должности. Изъ мущинъ многїе опредѣляются къ такимъ дѣламъ, которыя требуютъ нѣкотораго пространства познанїй, дабы они могли отправлять оныя по надлежащему. А какъ Греческой и Латинской языки открываютъ входъ ко всѣмъ наукамъ, и суть такъ какъ бы ключи оныхъ, то по сей причинѣ обучаютъ онымъ тѣхъ юношей, которые по видимому долженствуютъ со временемъ призваны быть къ такимъ дѣламъ, при которыхъ сїи познанїя бываютъ нужны.

Чтожъ касается до женщинъ, то совсемъ дѣло инаково бываетъ. Онѣ не опредѣлены учить народъ, управлять государствами, воевать, судить, хлопотать въ приказахъ, упражняться въ медицинѣ. Имъ досталось сидѣть во внутренности своего дому; имъ поручаются должности не меньше полезныя но не столько трудныя, и сходствен-

нѣйшія съ тихостію ихъ характера, съ нѣжностію ихъ сложенія, и съ природною ихъ склонностью. Надлежитъ думать, что сей раздѣлъ званій между мущинами и женщинами основывается на самой натурѣ, по тому что онъ таковъ находится во всѣ времена, и во всѣхъ странахъ свѣта. Ето правда, что исторія показываетъ намъ женщинъ, которыя превосходны были въ военномъ дѣлѣ, въ правленіи государствъ, въ знаніи наукъ; но сіи примѣры суть рѣдки, и не долженствуютъ щитаться иначе, какъ выключеніями, которыя не только не нарушаютъ общаго правила, но еще служатъ къ его подтвержденію.

Изъ всего мною теперь сказаннаго надлежитъ заключить, что изученіе Латинскаго языка, говоря вообще, не приличествуетъ особамъ женскаго полу.

Однакожъ оно позволяется такимъ дѣвицамъ, которыя, „какъ говоритъ г. „Фенелонъ, твердой имѣютъ разсудокъ „и скромное поведеніе, и которыя мо-

„гутъ справедливо цѣнить сїе ученїе, „отказаться отъ пустова любопытства, скрывать то, что спознали, и „не искать въ семъ ничего болѣе какъ „ихъ созиданїя.„

Я знаю нѣкоторыхъ дѣвицъ такого характера, воспитанныхъ съ несказаннымъ раченїемъ въ точно Христїанскихъ фамилїяхъ, гдѣ все отзывается благочестїемъ, которыя опредѣляются быть въ свѣтѣ, но не имѣютъ его вкусу и мнѣнїй, и которыя соединяютъ съ просвѣщенною набожностїю разумъ весьма твердой и способной ко всякой наукѣ. Ихъ заставили учиться по Латинѣ, и онѣ показали въ семъ такой успѣхъ, что стали разумѣть совершенно и безъ затрудненїя письма Св. Іеронима, Павлина, Кипрїана и ихъ переводить съ такою точностїю и красою, которыя бы могли дѣлать честь и самымъ превосходнѣйшимъ знатокамъ. Онѣ не были заключены въ одномъ изученїи Латинскаго языка: ихъ еще обучили всему тому, что прилично знать дѣви-

цамъ, которыя долженствуютъ быть въ свѣтѣ, и здѣлаться хозяйками. Когда качества и расположенія, о коихъ я упомянулъ, случаются въ молодыхъ дѣвицахъ, то родители не должны, какъ мнѣ кажется, сопротивляться желанію, которое онѣ имѣть будутъ учиться по Латинѣ.

Для такихъ особъ, кои захотятъ учиться Латинскому языку, можно сыскать особливой способъ, которой надлежитъ сократить сколько возможно. Сочиненіе оемъ должно оставить и все ограничить однимъ разумѣніемъ и истолкованіемъ Латыни. Для сего правила суть непремѣнно нужны. Они суть такъ какъ бы основанія сего познанія; а ето уже извѣстно, каково строить безъ основанія. Признаюсь, что сей трудъ не очень пріятенъ, и что онъ малое дѣлаетъ удовольствіе разуму. Вѣтреность возраста, и живость характера едва могутъ подвергаться оному. Но безъ того не будетъ успѣху въ разумѣніи Латинскаго языка; надлежитъ

всегда быть въ неизвѣстности и сумнѣніи вмѣсто того, что трудъ подъятой чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ, и снесенной великодушно и безъ ослабѣванія въ изученіи склоненій и спряженій избавитъ впредь отъ всей почти скуки и отвращенія; и сіи первые терны съ начала представляющіеся, однажды будучи исторгнуты, ничего болѣе не оставятъ, кромѣ попеченіе, или паче сказать, удовольствіе собирать цвѣты, и питаться пріятнѣйшими плодами. Я покажу въ послѣдствіи сего Сочиненія, какимъ образомъ надлежитъ поступать, дабы обученіе симъ правиламъ происходило съ пользою.

И такъ полагая, что изученіе Латинскаго языка не приличествуетъ вообще дѣвицамъ, къ какимъ дѣламъ мы должны ихъ опредѣлять въ то время, какъ онѣ подрастутъ? Я хочу сіе предложить краткими словами.

§ III. Я предполагаю, что въ предшествующія лѣта онѣ научились уже довольно читать и писать; сія часть

Чтеніе. Писаніе. Ариѳметика.

воспитанія дѣвицъ весма пренебрегается. Ето стыдно, говоритъ г. Фенелонъ, однакожъ обыкновенно, что мы видимъ женщинъ, которыя разумны и просвѣщенны, но не умѣютъ исправно произносить того, что читаютъ. Онѣ или запинаются или поютъ читая, вмѣсто того, что надлежитъ произносить простымъ и природнымъ, но постояннымъ и одинакимъ голосомъ. Онѣ болѣе еще погрѣшаютъ въ правописаніи. Не должно ставить имъ въ великой порокъ сего незнанія, которое почти общее ихъ полу, и которое, по сей причинѣ, кажется ему не безчестно. Но для чего бы не предупреждать заранѣе сего укоренія, научая ихъ исправно писать? Сіе дѣло не требуетъ великаго труда. Легкое познаніе Грамматики Французской, чтобъ можно было раздѣлять различныя части рѣчи, чтобъ умѣть склонять и спрягать, и чтобъ знать разные манеры разстановительныхъ знаковъ, сіе, говорю я, познаніе составляетъ всю науку, которая нуж-

на дѣвицамъ въ разсужденіи сего пункта. Сіи правила находятся во всѣхъ Французскихъ Грамматикахъ. Искусной учитель здѣлавъ изъ нихъ выборъ чрезъ краткое время, и чрезъ немногіе уроки приведетъ дѣвушку въ состояніе писать исправно.

Не худо будетъ малолѣтнымъ дѣвицамъ выучить четыре дѣйствія Ариѳметики, которыя имъ полезны, или еще нужны будутъ къ отправленію должностей, о которыхъ я упомяну въ послѣдствіи.

Чтеніе Стихотворцовъ. Музыка. Танцованіе.

§ IV. Чтеніе комедій и трагедій, и тѣхъ самыхъ, которыя по видимому не имѣютъ ничего противнаго скромности и добронравію, можетъ быть весьма опасно сему возрасту. Ибо кромѣ того, что сіе чтеніе провожаетъ почти непремѣнно къ желанію видѣть ихъ представленными отъ Актеровъ, которые ихъ одушевляютъ, живое воображеніе молодыхъ особъ хватается съ жадностію за все то, что льстить чувствамъ, и что благопріятствуетъ вожделѣнію;

а въ Поэзїяхъ сего роду все почти возбуждаетъ оное. Все то, что можетъ здѣлать любовь чувствительною, говоритъ г. Фенелонъ, чѣмъ смягченнѣе и скрытнѣе бываетъ, тѣмъ кажется опаснѣе. Двѣ священныя трагедїи Расиновы, Есѳирь и Аѳалїя, не имѣютъ сей опасности для дѣвицъ, и по тому можно выбранныя изъ нихъ мѣста предложить имъ для чтенїя.

Музыка, не иначе какъ и Поэзїя требуетъ великихъ предосторожностей. Мудрѣйшїе законодавцы въ язычничествѣ почитали, что ничего не было пагубнѣе для республики хорошо управляемой, какъ введенїе въ нее страстной музыки. Христїанскїя матери, естьли онѣ хоть не много наставлены, должны понимать, сколь далеко онѣ обязаны простирать свою осторожность въ разсужденїи сего пункта.

Во первыхъ, хотя въ отцовскомъ домѣ, хотя въ монастыряхъ, не должно заставлять тотчасъ дѣвушекъ учиться пѣть и играть на инструмен-

тахъ. Опытъ почти всеобщій показываетъ, что обученіе музыки чрезвычайно мысли ихъ развлекаетъ, и вдыхаетъ въ нихъ скуку и отвращеніе отъ всѣхъ другихъ упражненій, которыя однакожъ несказанно нужнѣе и пристойнѣе бываютъ сему возрасту.

Во второмъ мать благочестивая не долженствуетъ никогда попускать, чтобъ давали въ руки ея дочери такія піесы музыки, которыя отзываются только зловредными свѣта манерами, и содержатъ въ себѣ одни Антихристіанскія изреченія, въ которыхъ, кажется, что нарочно старались возстановить язычничество со всѣми его богами и богинями, и въ которыхъ любовь, тщеславіе, мщеніе, словомъ сказать, всѣ страсти царствуютъ, и въ честь поставляются. Не значитъ ли ето явно отзываться отъ обѣщаній данныхъ при крещеніи, чтобъ подтверждать и позволять обыкновеніе, которое столь противно онымъ? Сходно ли ето съ разумомъ, чтобъ слова учителя Музыки,

которой часто случается не очень набоженъ, имѣли верхъ надъ словами св. отцовъ, которые суть наши учители закону? Не довольнолибъ было * Мотетовъ, изъ которыхъ иные очень изрядны, хоровъ Есѳири и Аѳалїи, и нѣсколькихъ пѣсенъ, которыя можно выбрать изъ другихъ мѣстъ? А хотя бы и недоставало чего нибудь сему тонкому и субтильному вкусу въ дѣлѣ музыки, однакожъ не надлежитъ ли считать довольнымъ тому вознагражденїемъ сохранность честныхъ нравовъ?

Я не знаю, какимъ образомъ обыкновенїе обучать за великїя деньги малолѣтныхъ дѣвицъ пѣть и играть на инструментахъ зделалось столь общимъ, и почитается нужною частїю ихъ воспитанїя. Я слышу, что какъ скоро онѣ выходятъ въ свѣтъ, такъ скоро перестаютъ употреблять сїе искуство въ дѣло. Такъ за чѣмъ же было и полагать на оное въ своей юности столь

(*) *Такъ называются духовныя на Латинскомъ языкѣ пѣсни съ Музыкою.*

много времени, которое могло употребиться на полезнѣйшія и не меньше пріятныя искуства, каково на примѣръ есть чертежное, могущее весьма служить къ дѣламъ, въ которыхъ женщины по большой части упражняются?

Одну такъ же изъ надобныхъ частей воспитанія дѣвушекъ составляетъ танцованіе, на которое безъ труда соглашаются истощать много времени и денегъ. Пусть не ожидаютъ того, чтобъ я предпріялъ здѣсь выхвалять или защищать оное. Я только разсмотрю просто и безъ предупрежденія, какою должностію, въ разсужденіи сего пункта обязана мать Христіанская и благоразсудная. Какъ есть ученія опредѣленныя къ просвѣщенію и украшенію разума, такъ есть екзерциціи способствующія къ порядочному сложенію тѣла, которыхъ не должно пренебрегать. Онѣ управляютъ походкою, даютъ вольной и непритворной видъ, вдыхаютъ нѣкоторой родъ честности и

пріятности наружной, которой не излишенъ въ общей жизни, и отдаляютъ пороки грубости и невѣжества, которые бываютъ противны, и показываютъ недостатокъ воспитанія. Но къ сему довольно того, чтобъ научить дѣтей не предаваться непристойному нерадѣнію, которое портитъ и развращаетъ все положеніе тѣла, стоять прямо, ступать одинакимъ и мужественнымъ шагомъ, входить пристойно въ комнату или въ компанію, представить пріятнымъ образомъ, кланяться такъ какъ надлежитъ; словомъ сказать, наблюдать всѣ благопристойности, составляющія часть свѣтской науки, противъ которыхъ не можно безъ того погрѣшить, чтобъ не подвергнуться презрѣнію. Вотъ, мнѣ кажется, все то, къ чему долженствуетъ стремиться та екзерциція, о которой я говорю, и я видѣлъ съ радостію славнѣйшихъ танцмейстеровъ, которые заключали себя въ сихъ границахъ, чтобъ удовольствовать желанія набожныхъ матерей, которыя

со знатнымъ происхожденїемъ соединяютъ еще большее благочестїе.

Не нужно мнѣ останавливаться здѣсь для показанїя, сколь все то, что выходитъ изъ предѣлъ мною теперь означенныхъ, можетъ учиниться опасно для малолѣтныхъ дѣвицъ, и сколь послѣдствїя сего пагубны бываютъ. Такая дама, которая хоть мало старается о чести, не была бы довольна, естьлибъ стали много выхвалять ея отмѣнное искуство въ пѣнии или танцовании. Ето есть примѣчанїе, которое учинилъ Саллюстъ, говоря о Семпронїи, госпожѣ знатнаго происхожденїя, но развратныхъ нравовъ: *что она пѣла и танцовала съ большимъ искуствомъ и прїятностїю, нежели пристойно было честной женщинѣ.* In Bello Catilin.

§ V. Ученїе способнѣйшее къ украшенїю разума молодыхъ дѣвицъ, и къ направленїю сердца, есть ученїе исторїи. Оно открываетъ имъ пространную матерїю, которою онѣ могутъ заняты быть съ пользою и прїятно- Изученїе исторїи.

стїю чрезъ многїя лѣта. Въ послѣдствїи сего Сочиненїя найдутся нѣкоторыя пространнѣйшїя разсужденїя о томъ, какимъ образомъ надлежитъ вступать въ сїе ученїе.

Исторїя священная.

Порядокъ временъ требуетъ, чтобъ начинали священною исторїею. Понеже она есть основанїемъ закона, то надлежитъ на ней останавливаться болѣе, нежели на всѣхъ другихъ, и поступать такъ, чтобъ дѣвушка познала ее совершенно. Она весьма ей послужитъ во всю ея протчую жизнь, какъ къ разумѣнїю публичныхъ наставленїй, такъ къ приватному чтенїю книгъ благочестивыхъ съ пользою. Ибо въ тѣхъ и въ другихъ предполагается, что слушатель и читатель знаютъ уже дѣла священной исторїи, и по сей причинѣ писатели и проповѣдники довольствуются краткимъ ихъ упоминанїемъ, которое странно бываетъ незнающимъ сей исторїи, каковыхъ довольно находится.

Кромѣ сей пользы, которая безъ сумнѣнїя непосредственна, но которая

касается только до послѣдующихъ лѣтъ, есть еще другая дѣйствительная и настоящая, которая важностїю своею перьвую превосходитъ. Г. Флери, и г. Фенелонъ, оба примѣтили, что св. исторїя, не упоминая уже о томъ, что она прїятна бываетъ для красоты и величества приключенїй, и что по сей причинѣ сильнѣе привлекаетъ вниманїе юношества, есть надежной и необманчивой способъ къ совершенному выученїю закона. Кажется, что сїя исторїя дѣлаетъ наставленїе продолжительнымъ, но въ самомъ дѣлѣ она его сокращаетъ, и отнимаетъ у него сухость катихизисовъ, въ которыхъ таинства предлагаются безъ дѣйствїй. По сему мы видимъ, что св. Августинъ въ превосходномъ сочиненїи, которое называется *способъ обучать простыхъ людей*, предписываетъ тотъ же самой, о которомъ мы говоримъ. Сей способъ не былъ ему одному собственной ниже новаго изобрѣтенїя; єто былъ общїй способъ церкви, которой употреблялся

во всѣ времена. Онъ состоялъ въ томъ, чтобъ доказать чрезъ послѣдствїе исторїи, что законъ столько же древенъ, какъ и мїръ сей; и чтобъ показать Iисуса Христа ожиданнаго въ ветхомъ завѣтѣ, и I. Христа царствующаго въ новомъ. Ето есть самая сила и основанїе Христїанскаго наставленїя.

Сїе требуетъ, правда, болѣе времени и раченїя, нежели наставленїе, которымъ многїе ограничиваются, но съ другой стороны знаютъ истинно законъ, когда знаютъ сїю подробность, вмѣсто того, что когда ее не знаютъ, то объ немъ имѣютъ темныя понятїя. И по тому время, которое дѣвушки положатъ на изученїе сей исторїи, будетъ для ихъ время въ пользу употребленное.

Я полагаю, что онѣ имѣютъ уже объ ней краткое понятїе, выучивъ историческої катихизисъ, которой служилъ прїуготовленїемъ къ пространнѣйшему и подробнѣйшему познанїю. Онѣ найдутъ оное въ книгѣ надписанной, *со-*

кращеніе исторіи и нравоученія ветхаго завѣта, и недавно напечатанной, которой были уже четыре изданія. Сія книга весьма угодна для молодыхъ особъ, по тому что она сочинена съ великою ясностію, а часто и тѣмижъ самыми словами, которыя находятся въ писаніи, котораго божественная простота превосходитъ все то, что наука имѣетъ великолѣпнѣйшаго, и наиболѣе блестящаго. Малолѣтная дѣвица будетъ удобно выучивать на всякой день по одной главѣ. А съ начала можно довольствоваться половиною главы; ибо лучше для нее то, чтобъ она хоть мало выучила, да хорошо знала. Можно при томъ въ опредѣленной какой нибудь день, на примѣръ въ субботу, заставить ее повторить то, что она выучитъ въ недѣлю, и тожъ самое дѣлать въ одинъ день ежемѣсячно. Такимъ образомъ новые уроки не приведутъ въ забвеніе старыхъ. Дабы изострить болѣе, и утвердить ея память, не худо, чтобъ она пріучила вѣрно высказывать

исторїю, и такъ какъ она стоитъ въ книгѣ, не требуя однакожъ излишней точности, которая не велитъ ни одного слова перемѣнять; лишь бы только она поставила на его мѣсто другое, которое бы имѣло тотъ же смыслъ; то симъ надлежитъ довольствоваться. Ибо паче всего должно наблюдать, чтобъ дѣлать ей сїе ученїе прїятнымъ, и отдалять отъ онаго, сколько возможно, всѣ скучныя затрудненїя.

Послѣ того, какъ она выскажетъ наизусть свою исторїю, надзирательница, или учитель могутъ ей предложить небольшїе вопросы, чтобъ утвердить ея умъ и разсужденїе, чтобъ ее научить говорить и изъясняться, и чтобъ прїучить ее размышлять о томъ, что она читаетъ. И такъ когда увидитъ Iосифа проданнаго его братьями, оклеветаннаго женою Пентефрїя, посаженнаго въ темницу, то обучающїе покажутся въ удивленїе пришедшими, и спросятъ у дѣвушки, такимъ ли образомъ награждаетъ Богъ своихъ вѣрныхъ

рабовъ? Онъ удобно найдетъ, что ей отвѣчать на сей вопросъ. Когда опять они увидятъ тогожъ Іосифа пришедшаго въ славу, то ее попросятъ, чтобъ она разсмотрѣла, какими путями Богъ его довелъ къ оной; и чрезъ сіи самые вопросы ей задаемые помогутъ ей въ примѣчаніи того, что и самыя препятствія, которыя люди хотѣли противуположить его возвышенію, учинились дѣйствительными для его средства къ достиженію онаго, и что такимъ образомъ обыкновенно поступаетъ Провидѣніе въ разсужденіи людей.

Когда Богъ даетъ законъ свой Израильтянамъ на горѣ Синайской въ среди грома и молніи, и когда минуту спустя сей самой народъ нарушаетъ его въ первой и важнѣйшей изъ десяти заповѣдей, покланяясь златому тельцу; то вопрошаютъ дѣвицу: отъ чего могла родиться столь скорая, столь необычайная, столь общая измѣна; и не недоставало ли чего нибудь у сего народа въ принятіи закона, которое одна-

кожъ кажется довольно почтительно и унизительно, по елику онъ содрогаетъ передъ величествомъ Бога ему говорящаго, и обѣщается безъ всякаго ограничиванія и изключенія хранить ненарушимо все то, что Господь ему прикажетъ? По малу доведутъ ее къ отвѣту, что погрѣшность народа при его обѣщаніи исполнять совершенно приказанія Божія, состояла въ томъ, что онъ полагается единственно на свои собственныя силы въ исполненіи сихъ приказаній; что онъ не зналъ своей слабости, и своей неспособности ко всякому благу, и что не прибѣгнулъ съ молитвами къ тому, которой одинъ только могъ привесть его въ состояніе себѣ повиноваться.

Когда дитя не находитъ само собою отвѣтовъ, то ему подаютъ оные, и стараются здѣлать ихъ для его вразумительными чрезъ ясное и удобопонятное ихъ изтолкованіе. Я всегда желалъ для облегченія особъ обремененныхъ воспитаніемъ дѣвицъ, да и самыхъ

мальчиковъ, чтобы можно было найти въ какой нибудь книгѣ такія разсужденія во всемъ порядкѣ и готовности. Провидѣніе подаетъ и сіе нынѣ вспоможеніе юношеству. Сочинитель *сокращенія исторіи священной*, о которомъ я упомянулъ, присовокупилъ къ повѣствованію исторіи, имъ же самимъ дополненному, разсужденія, которыя мнѣ показались весма тверды и способны къ наставленію въ законѣ не только молодыхъ людей, но и премногихъ другихъ особъ. Учители, или учительницы постараются сперва перенять оныя сами; послѣ чего они будутъ въ состояніи обучать тому же и другихъ, соображая себя съ ихъ силами, и выбирая изъ сихъ разсужденій такія, которыя сходны съ ихъ возрастомъ.

Когда малолѣтныя особы при окончаніи одного, или множайшихъ лѣтъ знаютъ уже исправно священную исторію, то есть еще одинъ способъ полагать ее опять передъ ихъ глазами, и возвращать въ ихъ память главныя оной

приключенія, которой не можетъ не быть имъ весьма полезенъ и весьма пріятенъ: я его употреблялъ въ дѣло съ великимъ успѣхомъ, когда я обремененъ былъ правленіемъ одной коллегіи. Я предполагаю, что дѣвушка имѣетъ многихъ подругъ, которыя одному съ нею обучаются; а естьли она ихъ не имѣетъ, то мать или надзирательница ихъ мѣсто займетъ. Предлагается какая нибудь матерія, къ которой заставляютъ собирать всѣ примѣры находящіеся въ священной исторіи. Всякая особа предлагаетъ примѣръ по своей чередѣ, или попеременно, когда онѣ двѣ только случаются; и ето бываетъ немногими и простыми словами, чтобъ показать только дѣло. Я сообщаю здѣсь на то нѣсколько примѣровъ.

§ I. *Упованіе на Бога въ крайнихъ опасностяхъ.*

Авраамъ, готовый потерять своего сына принося его на жертву.

Іаковъ избавившійся отъ гнѣва Лаванова, а по томъ и Исавова.

Моисей заключенный между войскомъ Фараоновымъ и Чермнымъ моремъ.

Гаваониты долженствовавшіе немедлѣнно истребиться, такъ какъ и прочіе народы Ханаанскіе, находятъ средство избѣжать отъ общаго проклятія.

Гедеонъ съ тремя стами человѣкъ выходитъ противъ Мадіанитъ.

Сраженіе Давыда съ Голіафомъ.

Давыдъ чуть непоиманной Сауломъ, которой гнался за нимъ по холму.

Аза осажденной Зарою Царемъ Еѳіопскимъ, которой имѣлъ милліонъ людей.

Елисей заключенный въ городѣ Доѳаимѣ, и гонимый Ахавомъ.

Самарія пришедшая въ крайность, и избавленная отъ погибели.

Упованіе Езекіи осажденнаго въ Іерусалимѣ Сеннахиримомъ.

Сусанна приговоренная на смерть, и веденная на казнь.

Три отрока въ пещи.

Даніилъ во львиной пещерѣ.

Іона брошенный въ море.

Ветилуя приведенная въ крайность и избавленная Юдиѳою.

Жиды осужденные на погибель, и спасенные Есѳирью.

РАЗСУЖДЕНІЯ

о той же самой матеріи.

Можно иногда заставить малолѣтную особу изъяснять какое нибудь дѣло пространнѣйшимъ разсказываніемъ; чрезъ сіе она обучается и навыкаетъ повѣствовать. Но то, что больше еще стоитъ, есть то, чтобъ мѣшать съ повѣствованіемъ дѣлъ нѣкоторыя краткія разсужденія, и естьли можно, велѣть ей самой изыскивать оныя, вопрошая ее такимъ маниромъ, которой бы ей споспѣшествовалъ въ семъ дѣлѣ. Я предложу здѣсь три или четыре такія разсужденія о помянутой матеріи.

1. Чѣмъ большая бываетъ опасность, и чѣмъ меньше видно помощи отъ стороны людей, тѣмъ крѣпче должно полагаться на покровительство Божіе.

Что ясно доказывают, избавленіе Давида, когда Саул прибывшій почти къ самому краю холма, откуда онъ не могъ уйти, готовъ былъ его схватить; избавленіе городовъ Самаріи, Іерусалима, Ветилуи, которые всѣ приведены были къ послѣдней крайности, и лишены человѣческаго вспоможенія.

2. Богъ соизволяетъ прославлять свое могущество, и показывать себя въ то время, какъ люди скрываются, дабы избавленіе не могло никому приписано быть, какъ только одному Богу. И єто онъ самъ сказалъ тогда, какъ онъ повелѣлъ Гедеону армію свою составить только изъ трехъ сотъ человѣкъ: *да не похвалится Израиль на мя, глаголя: рука моя спасе мя.* Суд. VII. 2.

3. То, что привлекаетъ Божіе покровительство, есть совершенное упованіе на его безпредѣльную силу, и на его благость, которая такъ же ничѣмъ не ограничивается. *Нѣсть господину неудобно*, говоритъ Іоанаѳанъ, *спасти во многихъ или малыхъ.* Въ томъ же 1. Цар. XIV. 6.

1. Цар. XVII. 45. смыслѣ Давидъ говоритъ Голїаѳу: *ты идеши на мя съ мечемъ, копїемъ, и щитомъ, но азъ иду на тя во имя Господа Саваоѳа.* Священное писанїе считаетъ, что оно дѣлаетъ совершенную похвалу благочестивому Царю Іосафату сею одною рѣчью: *на Господа* 4. Цар. XVIII. 5. *Бога упова.*

4. Покровительство Божїе, хотя 4. Цар. VI. 17. оно не видно, однакожъ не меньше тѣмъ дѣйствительно. Елисей въ то время, какъ Сирская армїя хотѣла осадить его въ Доѳимѣ, видя своего раба пришедшаго въ трепетъ, попросилъ Бога, чтобъ онъ открылъ глаза. Онъ увидѣлъ гору покрытую лошадьми и колесницами огненными, которыя были вкругъ Елисея. Вѣра долженствовала бы производить въ насъ такоежъ дѣйствїе.

§ 2. *Выгоды отъ добрыхъ дружествъ и компанїи, опасности отъ злыхъ.*

Лотъ сперва не много вызналъ, сколь драгоцѣнно было сотоварищество Авраама, по тому что онъ отъ него отсталъ.

Онъ подвергнулся большимъ опасностямъ послѣ того, какъ онъ его оставилъ, и поселился въ Содомѣ.

Авраамъ беретъ его изъ рукъ четырехъ побѣдоносныхъ Царей.

Тотъ же самой Лотъ спасся отъ пожару Содомскаго чрезъ покровительство Авраама.

Малое число праведниковъ могло бы спасти Содомъ.

Присутствïе Іосифа совлекаетъ благословенïе Божïе на домъ Пентефрiя.

Израильтяне вверженные въ беззаконïе и идолослуженïе компанïею дѣвицъ Моавитскихъ и Мадïанитскихъ.

Благополучïе Руѳы, приставшей къ Ноемïю, несчастïе Орфы, ея своячелицы, отлучившейся отъ него.

Сосѣдство Версавïи пагубное для Давида.

Союзъ Давида и Іонаѳана, образецъ совершеннаго дружества.

Паденïе Соломона, произшедшее отъ злой компанïи съ его женами.

Ровоамъ, погибшій отъ злой компаніи и злыхъ совѣтовъ молодыхъ придворныхъ господъ.

Іезавель ввергаетъ своего мужа Ахава въ крайнія беззаконія.

Знакомство Иліи источникъ благополучій для вдовы въ Сарептѣ такъ, какъ знакомство Елисея для Соманитяныни.

Раба, которая была въ домѣ Неемана, есть причиною тому, что ея господинъ идетъ видѣться съ Пророкомъ Елисеемъ.

Одинъ изъ домашнихъ сего великова господина заставляетъ его своими разумными увѣщаніями исполнить приказаніе Пророка.

Мертвецъ воскресшій отъ присутствія тѣла Елисеева.

Кости Пророка Веѳильскаго сохраненныя за тѣмъ, что онѣ соединены были съ костьми другова Пророка Іудейскаго.

Іоасъ царь Іудейской предохраненной сперва мудрыми совѣтами великаго Ар-

хіерея Іоада, а послѣ развращенной ласкательствами придворныхъ.

Сколь полезны были совѣты Исаіи благочестивому царю Езекіи.

Счастливое воспитаніе молодаго Товіи въ честномъ домѣ его родителей. Премногія вспоможенія, которыя онъ получаетъ отъ своего предводителя.

Сей родъ спору можетъ быть весьма полезенъ молодымъ особамъ. Онъ ихъ возбуждаетъ и ободряетъ, онъ влагаетъ въ нихъ ревность, дѣлаетъ ихъ внимательнѣе въ ихъ чтеніяхъ, и научаетъ ихъ пользоваться оными. Я знаю одну фамилію, въ которой часто забавы вечернія проходили въ подобныхъ спорахъ между молодою госпожею дому и гофмейстеромъ ея брата, которые другъ передъ другомъ столько старались говорить съ своей стороны какое нибудь слово къ стати и не быть безмолвну, что въ то время, какъ вся компанія была въ движеніи, и брала сторону то шово, то другой, никто не могъ задремать. Не можноли бъ было установить

въ воспитательныхъ домахъ сей замысловатой и пріятной забавы между малолѣтными воспитанницами, и не послужила либъ она средствомъ обязать ихъ учиться какъ священной, такъ и свѣтской исторіи? ибо онѣ обѣ могутъ войти равнымъ образомъ въ екзерцицію, о которой я говорю.

Сіе ученіе священной исторіи долженствуетъ всегда провожаемо быть ученіемъ географіи и хронологіи, которыя надлежитъ сокращать для молодыхъ особъ, дабы не отяготить ихъ памяти.

Какъ скоро попадется имя провинціи, города, рѣки, горы въ исторіи, которая читается, надлежитъ тотъ часъ показать ихъ на картѣ. Авраамъ, на примѣръ, ѣдетъ изъ Ура города Халдейскаго, останавливается на нѣсколько времени въ Харанѣ, что въ Месопотаміи, прибываетъ въ землю Ханаанскую названную землею обѣтованною; оттуда переходитъ въ Египетъ и проч. Вотъ довольное число различныхъ мѣстъ, ко-

торыхъ надлежитъ расказать положенїе. Не надобно скучать о томъ, что Карты святой земли состоятъ на Латинскомъ языкѣ. Имена столькожъ удобно различать на немъ, какъ и на Французскомъ. *Samaria, Samarie, Hierosolyma, Jerusalem.* Но дабы помочь молодымъ особамъ находить безъ трудности города на картѣ, можно здѣлать реестръ по алфавиту всѣхъ упоминаемыхъ въ *сокращенїи исторїи ветхаго завѣта*, которой показывать будетъ колѣно, въ коемъ каждой изъ сихъ городовъ мѣсто имѣетъ.

Я тожъ говорю о хронологїи состоящей въ познанїи времени, въ которое дѣла упоминаемыя въ исторїи приключились. Можетъ также составленъ быть малой реестръ, въ которомъ означатся шесть вѣковъ, на которые дѣлится, и въ которыхъ заключается вся священная исторїя; при томъ всякой вѣкъ раздѣлится на малое число Епохъ, которыя удобно будетъ содержать въ памяти чрезъ ихъ повторенїе по мѣрѣ

углубленія въ исторію. Въ прочемъ довольно для малолѣтныхъ дѣвицъ и того, чтобъ знать, около котораго времени жили извѣстнѣйшія особы, и приключились дѣла достопамятнѣйшія. Надлежитъ остерегаться, чтобъ не обременять ихъ памяти множествомъ чиселъ, которыя бы не къ другому чему послужили, какъ къ возмущенію и смятенію оной. Шесть вѣковъ суть неподвижные предѣлы, къ которымъ всѣ другіе относятся; и по сей причинѣ надлежитъ ихъ исправно вытвердить. Когда кто знаетъ, что исходъ изъ Египта приключился по сотвореніи міра въ 2513мъ году, и что храмъ построенъ былъ Соломономъ въ 2992мъ году (это суть числа третьяго и четвертаго вѣку), то удобно расположить произшествія, которыя находятся между двумя. Естьли спросятъ, въ которое время жилъ Іисусъ Навинъ, то поелику уже извѣстно, что онъ вступилъ на мѣсто Моисея, и что сей пробылъ сорокъ лѣтъ въ пустынѣ, отвѣчать будутъ, что

Іисусъ жилъ около 2550 году по сотвореніи міра. Хотя бы сказанное число не доходило до подлиннаго двашцатью или тратцатью лѣтами, однакожъ сего довольно для такого возраста; за тѣмъ, что все то, чего можно тогда требовать, состоитъ въ томъ, чтобъ не впасть въ явныя погрѣшности противу временности, каковабъ была, естлибъ кто поставилъ Авраама прежде потопа, Давыда передъ Моисеемъ, и другія поподобныя ошибки.

Когда малолѣтная дѣвица знаетъ совершенно священную исторію, то надлежитъ ей дать въ руки свѣтскую, и начать Греческую. Я заключаю подъ симъ именемъ всю исторію древнюю, которая отдѣляется отъ Римской. История Греческая.

Однакожъ я ей совѣтую не оставлять совсѣмъ священной исторіи, которая должна составлять ея ученіе во всю жизнь, но ежедневно читать по частицѣ ея въ сокращеніи до тѣхъ поръ, пока она не будетъ въ состояніи приступить къ чтенію самого ветхаго за-

вѣта. Читать по одной главѣ исторической въ день не значитъ великаго труда, и не много занимаетъ времени. Это есть, какъ мнѣ кажется, почтенїе, которымъ мы обязаны исторїи мїра, которая одна только находится, и которую сообщилъ намъ духъ Божїй.

Я принялъ старанїе здѣлать удобнѣйшимъ ученїе Греческой исторїи чрезъ сочиненїе, которое я издалъ о сей матерїи. Молодыя особы, которыя не имѣютъ посторонняго вспоможенїя, могутъ удобно безъ него обойтись, примѣчая только все то, что дѣлаютъ другїя, которыя имѣютъ учителя. Не надлежитъ имъ довольствоваться скорымъ чтенїемъ, которое не оставляетъ почти никакихъ слѣдовъ послѣ себя, и которое дѣлаетъ только нѣкоторое удовольствїе любопытству; сей порокъ особливо сроденъ женскому полу, которому должно супротивляться заранѣе, а не питать его и укрѣплять въ него предаваясь. Надлежитъ возвращаться и увидѣвъ дѣйствїе съ ряду повто-

рять его снова, перечитывать его многократно, останавливаясь на самыхъ лучшихъ мѣстахъ, давать отчетъ самой себѣ съ нѣкоторою строгостїю, и есть-ли возможно, дѣлать выписку и сокращенїе. Я покажу вскорѣ, какимъ образомъ въ семъ дѣлѣ поступать надобно. Премногїя дамы жалуются, что онѣ не помнятъ ничего того, что читали. Ето происходитъ отъ того, что онѣ не стараются читать такъ какъ надлежало, и что въ своей юности не принимали попеченїя о изощренїи ихъ памяти, которая съ природы бываетъ лѣнива и избѣгаетъ труда. Желательно, чтобъ матери, которыя суть первыя учительницы своихъ дочерей, служили имъ вмѣсто ихъ въ семъ ученїи, упражняясь въ немъ сами, и чтобъ пришли въ состоянїе заставлять ихъ давать себѣ отчетъ въ ономъ.

Многїе съ недавнаго времени приняли учителей, которыебъ предводительствовали въ чтенїи исторїи, и получили отъ нихъ довольное вспоможенїе.

Малолѣтныя дѣвицы начинают учить ее особенно, и как учитель придет, то онѣ ему пересказывают то, что читали, и что нашли примѣчанія достойнаго. Сіе принужденіе давать отчет другому, а часто и в присутствіи матери, трогает сильно самолюбіе, и обязывает напрягать всѣ свои силы. Трудно человѣку быть собственным своим надзирателем, а хотя бы кто со многим трудом и здѣлался таким, однакож он довольно имѣет к себѣ снисхожденія; мы охотнѣе соглашаемся удовольствовать тѣх, которые отправляют в разсужденіи нас сіе званіе. Учитель здѣсь примѣчает, вѣрно ли учинена повѣсть, не опущены ли нужныя обстоятельства, изъяснены ли во всем своем пространствѣ тѣ, которыя важнѣе всѣх других, а особливо, употреблено ли вниманіе в тѣ размышленія, которыя разсыпаны в сочиненіи, и которыя суть, собственно говоря, главною пользою исторіи, наипаче, что касается до мо-

лодыхъ особъ, которыхъ надобно укрѣплять разсужденіе, и которымъ хотятъ вдохнуть вкусъ въ истиннѣ и твердости. Въ семъ намѣреніи учитель предлагаетъ имъ вопросы, испытываетъ ихъ мнѣнія о нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ, спрашиваетъ, нѣтъ ли подобныхъ въ другой исторіи, и какъ онѣ думаютъ о великихъ мужахъ, и о ихъ характерѣ. Вотъ что укрѣпляетъ разумъ.

Одна дѣвушка не болѣе какъ девяти или десяти лѣтъ разсказывала мнѣ исторію о Кирѣ, которой не хотѣлъ видѣть молодую Принцессу въ плѣнъ попавшуюся, которой отмѣнную красоту ему выхваляли: а приказалъ только офицеру имѣть объ ней всевозможное попеченіе и оказывать ей все почтеніе, какова только требовали ея возрастъ и происхожденіе. Я спросилъ у сей дѣвушки, не видала ли она чего нибудь подобнаго въ исторіи. Она не преминула мнѣ упомянуть примѣръ Сципіона Африканскаго, перваго сего имени, которой видѣлъ одну Принцессу въ та-

комъ же случаѣ, и поступилъ съ нею такъ какъ со своею ѣестрою. Я пожелалъ знать, что такое она думала о Кирѣ и Сципіонѣ, и кому изъ нихъ давала предпочтеніе въ дѣйствіи почти одинакомъ. *Съ одной стороны*, сказала она мнѣ, *усматривается болѣе силы, а съ другой болѣе благоразумія.*

Когда ученіе окончилось, то молодая особа просматриваетъ то, что ей изъяснено было, и дѣлаетъ изъ сего выписку, которую она показываетъ послѣ учителю своему. Онъ поправляетъ то, что въ ней не исправно, въ разсужденіи какъ мыслей, такъ и выраженій: присовокупляетъ то, чего недостаетъ въ повѣсти; выкидываетъ, что въ ней излишно: показываетъ погрѣшности касающіяся до языка и правописанія. Я ничего не нахожу, что бы могло быть полезнѣе молодымъ особамъ, какъ сей родъ екзерциціи. Я видѣлъ, что многія изъ нихъ составляли свои выписки съ великою исправностію и точностію. Никто вдругъ не достигаетъ до сего

совершенства, но по малу до его доходятъ. Упражненіе и трудъ провожаемы всегда бываютъ въ семъ случаѣ счастливымъ успѣхомъ.

Одинъ учитель, которой обучалъ дѣвицъ исторіи, дабы ихъ научить дѣлать сіи выписки такъ какъ надлежало, давалъ имъ образецъ, которой я считаю себя обязаннымъ здѣсь помѣстить. Три находится способа дѣлать сіи выписки; одинъ пространнѣйшій, которой онъ называетъ *сокращеніемъ*; другой кратчайшій, которой онъ именуетъ *расположеніемъ*, наконецъ третій, которой не иное что есть какъ *оглавленіе*, или *содержаніе*, и которой заключаетъ въ себѣ кратко главныя приключенія исторіи.

СОКРАЩЕНІЕ

одной частицы исторіи Кировой, которая находится въ началѣ четвертой книги древней исторіи.

Киръ, сынъ Камвиза, Царя Персидскаго, и Манданы, дочери Астіага, Царя

Мидїйскаго, воспитанъ былъ по законамъ своего народа, которые тогда были превосходны. Общенародное добро было основанїемъ и мѣтою всѣхъ сихъ законовъ. Воспитанїе юношества почиталось нужнѣйшимъ пунктомъ правленїя. Государство на себя оное принимало, и отроки посылались въ школы, для обученїя не столько наукамъ, сколько справедливости. Беззаконїе, которое въ нихъ наказывалось строжайшимъ образомъ, было неблагодарность; но большее старанїе принималось о томъ, чтобъ предупреждать погрѣшенїя добрымъ воспитанїемъ, нежели чтобъ ихъ пресѣкать наказанїемъ. Для всего были тамъ особливыя установленїя въ разсужденїи молодыхъ людей: для екзерцицїй, кушаньевъ, наказанїй. Жизнь безпрестанно занятая, соединясь съ умѣренною пищею, подавала имъ такое здравїе, которое могло сносить въ послѣдствїи жесточайшїя отягощенїя. Дѣти были въ отроческомъ классѣ до шестнатцатии или семнатцати лѣтъ. Оттуда пе-

реходили въ классъ юношей, въ которомъ они строжае содержались, и жили десять лѣтъ. Третїй былъ для взрослыхъ людей. Пробывъ здѣсь двацать пять лѣтъ, они вступали въ послѣднїй, откуда брали мудрѣйшихъ людей въ совѣтъ государственной, и въ судейскїя общества, такъ какъ изъ третьяго брали въ офицеры армейскїе.

Киръ будучи двенатцати лѣтъ поѣхалъ съ Манданою къ Астїагу своему дѣду, которой желалъ страстно его видѣть. Нравы Мидянъ были совсемъ отмѣнны отъ Персидскихъ. Киръ ни мало не ослѣпясь пустымъ блескомъ двора Астїагова, и ничего не охуждая, умѣлъ сохранить правила и наставленїя, которыя онъ принялъ въ самой его юности, и привлечь къ себѣ сердца всѣхъ людей.

Въ одномъ богатомъ пиру, которой дѣдъ его приготовилъ нарочно для него, и въ которомъ ничего не было опущено, онъ смотрѣлъ на сїе великолѣпїе очень холоднымъ окомъ. Когда Царь по-

казался симъ въ удивленіе приведенъ, то молодой Принцъ ему сказалъ, что въ его землѣ для укрощенія голоду употребляли удобнѣйшее и кратчайшее средство; и что не много хлѣба, воды, и кресъ-салату для сего довольно было. Онъ раздѣлилъ, съ позволеніемъ Астіага, всѣ кушанья различнымъ двора оффиціантамъ; но миновалъ нарочно Сака, обермуншенка, за тѣмъ что сей имѣя кромѣ того должность вводить въ покои Царя тѣхъ, коимъ давалась аудіенція, не допускалъ Кира вступать туда столь часто, какъ ему хотѣлось. Астіагъ былъ не доволенъ тѣмъ, что его внукъ учинилъ сію обиду такому его оффиціанту, котораго онъ особливо жаловалъ за его искусство, съ которымъ онъ наливалъ ему пить. Какъ, любезной дѣдушка, сказалъ Киръ, не уже ли сего только довольно къ снисканію вашей милости? такъ она ко мнѣ принадлежитъ. Я похвалюсь, что я вамъ лучше его въ семъ услужу. Его тотчасъ убрали такъ какъ мунщенка. Онъ подходитъ

важно, и держа чашу, подаетъ ее съ удивительною пріятностію и искуствомъ. По томъ бросившись на шею къ своему дѣду, о *Сакъ*, вскричалъ онъ, *бѣдной Сакъ! пропалъ ты теперь; я возму на себя твою должность.* Вы позабыли здѣлать опытъ, и надпить вино, сказалъ ему Царь. Любезной дѣдушка, отвѣчалъ онъ, я того не позабылъ; но боялся быть зараженнымъ. Ибо въ другомъ пиру я примѣтилъ, что послѣ питія сей влажности голова закружилась у всѣхъ гостей. Какъ, сказалъ Астіагъ, не случается ли тожъ самое у вашего отца? Никогда, отвѣчалъ Киръ. Все, что случается, есть то, что послѣ питія не бываетъ болѣе жажды.

Не можно надивиться искуству Ксенофонта историка, которой употребляетъ сію разумную околичность, чтобъ дать государямъ превосходное наставленіе въ трезвенности.

Когда Мандана возвратилась въ Персію, то Киръ остался еще въ Мидіи по

принужденію своего дѣда, и употребилъ въ пользу сію отсрочку, научась садиться на лошадь и ею править, которая екзерциція не извѣстна была до того времени въ Персіи. Онъ къ себѣ привлекъ отъ всѣхъ любовь и почтеніе. Будучи пріятенъ, ласковъ, услужливъ, щедръ, онъ исходатайствовалъ другимъ милости у государя, и дѣлался охотно для ихъ посредственникомъ. Онъ былъ на шестнатцатомъ году тогда, какъ онъ вступилъ въ изученіе науки военной подъ управленіемъ Астіага, при случаѣ малаго набѣгу Вавилонскаго царевича въ земли Мидійскія. Годъ одинъ спустя Камвизъ его возвратилъ, дабы онъ окончилъ свое время въ Персидскихъ школахъ. Онъ немедлѣнно поѣхалъ къ сожалѣнію всего двора. Какъ скоро онъ прибылъ въ Персію, то привелъ въ изумленіе своихъ прежнихъ товарищей, которые по его долговременномъ жительствѣ въ роскошномъ дворѣ, увидѣли его трезвеннѣе и воздержнѣе, нежели они были. Изъ классу отроковъ онъ пере-

шолъ въ классъ юношей, въ которомъ не имѣлъ никого себѣ равнаго въ проворствѣ, терпѣнїи, послушности; а десять лѣтъ спустя онъ вступилъ въ классъ мужей.

По смерти Астїага, сынъ его Цїаксаръ, братъ Манданы, и слѣдовательно дядя Kировъ, вступилъ на его мѣсто. Опасная война, которую онъ долженствовалъ имѣть съ Вавилонянами, принудила его призвать своего племянника со вспомогательными войсками. Камвизъ послалъ его съ армїею состоявшею изъ притцати тысячь человѣкъ пѣхоты, которые были подъ командою тысячи офицеровъ выбранныхъ изъ всего шляхетства. Молодой Киръ сказалъ симъ офицерамъ рѣчь, которая могла совершенно ихъ обнадежить счастливымъ успѣхомъ. Онъ не позабылъ имъ представить справедливость дѣла, которое они шли защищать, и ихъ увѣрилъ, что онъ вопросилъ и призвалъ въ помощь боговъ прежде, нежели онъ предпрїялъ оное; что онъ учинилъ еще при вступ-

ленiи въ походъ. Онъ имѣлъ сiю набожную мысль отъ своего отца, которой ему внушалъ ее часто, и которой провожая своего сына до предѣлъ своихъ областей, далъ ему въ пути изрядныя наставленiя о должностяхъ армейскаго Генерала. Онъ ему показалъ, что его учители, отъ которыхъ онъ думалъ, что онъ всего научился, опустили нужнѣйшiе пункты науки военной, и между протчими искуство привлекать къ себѣ сердца тѣхъ, которые въ командѣ находятся, и заслуживать ихъ самоизвольное повиновенiе. Секретъ сего искуства, по мнѣнiю сего разумнаго политика, состоитъ въ увѣренiи своихъ подчиненныхъ, что командиръ знаетъ больше, нежели они сами, то, что имъ полезно, а они въ томъ удобно увѣряются, когда онъ дѣйствительно искуснѣе ихъ бываетъ. Но онъ такимъ дѣлается чрезъ приложенiе раченiя къ своей должности, чрезъ примѣчанiе, совѣтыванiе, чрезъ употребленiе всего нужнаго въ дѣло, а особливо чрезъ прошенiе помощи у боговъ.

Киръ прибывъ къ Цїаксару навѣдался о числѣ и качествѣ войскъ обѣихъ сторонъ. Мидяне и Персы соединясь вмѣстѣ, понеже не составляли и половины того, что имѣли Вавилоняне, то Киръ помогъ сему скучному неравенству, перемѣнивъ оружїе Персовъ, которымъ они сражались только издалека, въ которомъ сраженїи великое число имѣетъ выгоду, и давъ имъ вмѣсто того такое, которое способно было къ сраженїю въ близи. Онъ установилъ удивительной порядокъ въ войскахъ, и вселилъ въ нихъ ревность награжденїями, которыя онъ имъ предложилъ. Онъ почиталъ деньги для того единственно, что онъ могъ ихъ раздавать. Его щедрость, честныя поступки и милость, которую онъ всякому показывалъ, привлекали къ нему солдатъ не иначе какъ и офицеровъ.

Въ одинъ день, какъ онъ пересматривалъ свою армїю, Цїаксаръ послалъ его увѣдомить, что послы Царя Индѣйскаго прїѣхали, и просилъ его, чтобъ онъ

прибылъ къ нему немедлѣнно, надѣвъ великолѣпное платье, которое онъ къ нему послалъ. Онъ тотчасъ отправился и предсталъ передъ Царемъ весь въ пыли и въ поту, считая, что онъ больше ему чести дѣлалъ симъ поспѣшнымъ исполненiемъ его приказанiй, нежели драгоцѣннымъ одѣянiемъ. Сiи послы пришли съ тѣмъ, чтобъ увѣдомиться о причинахъ войны и имѣли повелѣнiе предложить такой же вопросъ Вавилонянамъ, дабы послѣ сего ихъ Государь взять могъ ту сторону, на которой онъ усмотритъ болѣе причинъ и справедливости. Сколь благородно, сколь славно такое употребленiе великомочiя! Цiаксаръ и Киръ отвѣчали, что они не подали никакой причины жаловаться ихъ нападчикамъ, и готовы были принять съ радостiю Царя Индѣйскаго ихъ судьею и посредственникомъ.

Арменской Царь, клiентъ Мидянъ, не пропустилъ сего случая отказаться отъ повиновенiя, которымъ онъ имъ

былъ обязанъ. Киръ принялъ на себя сїе дѣло, чтобъ привесть его опять къ должности. Для сего онъ поѣхалъ на охоту въ его земли со многолюдною свитою, что ему было обыкновенно, и приказалъ за нимъ слѣдовать издалека отборной части войска. Будучи въ нѣкоторомъ разстоянїи отъ за́мка, въ которомъ былъ дворъ Арменской, онъ занялъ прерывистой и неудобовсходимой бугоръ, велѣлъ приближаться своимъ воинамъ, и послалъ принуждать Царя заплатить обыкновенную дань. Сей приведенъ будучи въ смущенїе такимъ нападенїемъ, ушолъ съ небольшою свитою на одинъ холмъ, гдѣ онъ былъ окруженъ непрїятелемъ, и взятъ въ плѣнъ. Принцессы бѣгучи къ горамъ попались въ засаду, и приведены были въ лагерь. Между тѣмъ прибылъ Тигранъ, старшїй царя сынъ, которой возвратился изъ поѣзду, и недавно женился. Киръ въ его присутствїи, вопросилъ его отца о членахъ союза, которой онъ учинилъ съ Астїагомъ, и о нарушенїи сихъ членовъ,

изъ которыхъ въ каждомъ онъ принудилъ его признать свою невѣрность. По томъ онъ у него спрашивалъ, со многократнымъ прїемомъ, какъ бы онъ поступилъ съ такимъ человѣкомъ, которой бы передъ нимъ подобно провинился. Когда Царь отвѣчалъ такимъ образомъ, что онъ осудилъ самъ себя на смерть, то сынъ его Тигранъ разодралъ свое платье съ досады, и дамы, которыя тутъ же присутствовали, подняли крикъ и стонъ ужасной. Послѣ того, какъ Киръ приказалъ имъ молчать, Тигранъ разумно ему представилъ, что его собственная польза повелѣвала ему простить его отца; что етотъ день учинитъ его клїента тѣмъ вѣрнѣе въ храненїи союзовъ, что онъ узналъ своимъ опытомъ, чего ему стоило нарушенїе оныхъ, и тѣмъ охотнѣе къ его услугамъ, что зрѣнїе на бѣдствїя къ нему приближающїяся учинитъ его благоразумнымъ: кромѣ того, что благодарность, которую онъ будетъ имѣть за возвращенїе свободы и жизни какъ ему, такъ и его фамилїи,

ежели онъ дастъ имъ оныя, здѣлаетъ его совершенно и на всегда ему преданнымъ. Киръ обращая рѣчь къ Царю самому, ежели я склонюсь, сказалъ ему, на прошенія вашего сына, что вы мнѣ дадите? Мои войска и сокровища не въ моей уже находятся власти, отвѣчалъ Армянинъ; вы можете ими располагать, какъ вамъ угодно. Тогда зговоренось было о томъ, что онъ долженствовалъ съ своей стороны дать на войну противъ Вавилонянъ. По томъ когда Киръ продолжалъ вопрошать его о томъ, что онъ дастъ за возвращеніе его жены и дѣтей: то царь признался, что онъ ему долженъ былъ въ двое больше того, что онъ имѣлъ. Тигранъ съ своей стороны изъяснился, что онъ бы далъ тысячу жизней, естьлибъ только имѣлъ, на искупленіе молодой его супруги. Киръ представилъ всѣмъ имъ ужину, и обнявъ послѣ того отпустилъ ихъ исполненныхъ какъ благодарности, такъ и удивленія. Во время ихъ возвращенія когда всякой выхвалять старался милость,

величественность, высокой ростъ, и красоту Кира, Тигранъ спросилъ у своей супруги, что такое она объ немъ думала! Она отвѣчала, что на него не смотрѣла. Такъ на ковожъ вы смотрѣли? *На тово*, сказала она, *которой говорилъ, что онъ далъ бы тысячу жизней для искупленія моей.* На другой день Царь Арменской послалъ подарки, припасы, и сумму денегъ вдвое больше, нежели онъ дать долженствовалъ. Киръ взялъ только то, чего онъ просилъ, и спустя три дни Тигранъ привелъ корпусъ войскъ, которымъ онъ пожелалъ самъ командовать. Онъ имѣлъ превосходнова Гофмейстера, которому Киръ отмѣнное оказывалъ почтенїе; и какъ сей спросилъ его объ немъ, то онъ ему разсказалъ плачевной его конецъ.

РАСПОЛОЖЕНІЕ

той же частицы исторїи.

Сочинитель сей исторїи, послѣ описанїя Кира, объявляетъ подробно о пре-

восходномъ воспитанїи, которое было у Персовъ въ сїе время. Онъ описываетъ четыре класса, чрезъ которые дѣти по порядку проходили и время пребыванїя ихъ въ каждомъ. Онъ разсказываетъ путешествїе, которое Киръ учинилъ въ Мидїю будучи двенатцати лѣтъ; его поступки во дворѣ Астїага своего дѣда; средство, которое тщетно употребилъ сей государь, чтобъ вывесть у него изъ памяти Персїю; наставленїе въ трезвенности, которое онъ получилъ отъ своего внука; пребыванїе Кира въ Мидїи продолжившееся по отъѣздѣ Манданы его матери; пользу, которую онъ отъ того получилъ; его изученїе науки военной въ малой сшибкѣ съ Вавилонянами; возвращенїе его въ Персїю на семнатцатомъ году возраста; преимущество, которое онъ имѣлъ передъ его сверстниками, и товарищами во всѣхъ екзерцицїяхъ.

По томъ сочинитель приступаетъ къ первому походу Кира, которой дѣлалъ вспоможенїе Цїаксару своему дядѣ, сыну и преемнику Астїага, на войнѣ,

которой слѣдствія были опасны. Онъ предлагаетъ сокращенно разумныя наставленія, которыя Камвизъ далъ своему сыну, провожая его до самыхъ предѣлъ своего Царства, и рѣчь, которую молодой государь говорилъ главнымъ своей арміи офицерамъ. Киръ прибывъ въ Мидію доказываетъ свое искуство тѣмъ, что онъ находитъ средство пособить неравенству силъ Ціаксара съ силами Вавилонянъ. Онъ установляетъ порядокъ и вселяетъ ревность въ своихъ войскахъ: привлекаетъ къ себѣ сердца всѣхъ подчиненныхъ. Въ семъ мѣстѣ упоминается о послахъ Индѣйскихъ, которыхъ дѣло означало благоразуміе царя, ихъ обладателя, и при коихъ прибытіи Киръ показалъ силу своего разсужденія. Послѣ сего слѣдуетъ произшествіе бунту Царя Арменскаго, кліента Мидянъ, при случаѣ котораго тотъ же Киръ вывелъ наружу всѣ свои изрядныя качества: 1) нападая нечаянно на Армянъ, которыхъ онъ обращаетъ въ бѣгъ, 2) принуждая от[illegible]аться въ свою власть Царя,

и весь его дворъ, 3) извлекая изъ устъ сего государя его собственное осужденіе, 4) склоняя его обѣщаться безъ всякаго насилія учинить вспоможеніе золотомъ и серебромъ, 5) на конецъ отпуская его со всею его фамиліею на волю, что исполнило всѣхъ ихъ радостію и произвело въ нихъ благодарность и удивленіе.

СОДЕРЖАНІЕ

той же частицы исторіи.

Рожденіе и описаніе Кира. Воспитаніе Персовъ: перемѣнные классы, екзерциціи, и продолженіе ихъ. Путешествіе Кира въ Мидію: его поведеніе во дворѣ Астіага: богатой пиръ тщетно представленной для его прельщенія: ребячье остроуміе со стороны Кира. Онъ живетъ болѣе году въ Мидіи по отъѣздѣ Манданы; учится ѣздить на лошади; приходитъ въ любовь ко всѣмъ людямъ; идетъ воевать противъ Вавилонянъ. Онъ призывается въ Персію, гдѣ оканчиваетъ свои екзерциціи. Новое путешествіе въ

Мидїю, по смерти Астїага, для учиненїя помощи Цїаксару его дядѣ: наставленїя, которыя онъ принимаетъ отъ отца своего Камвиза: рѣчь, которую говоритъ офицерамъ; средство, которымъ пособилъ неравенству силъ двухъ армїй; порядокъ имъ уставленной; ревность, которую онъ въ воинахъ производитъ; посольство Индѣйцовъ; бунтъ Армянъ: плѣненїе ихъ Царя со всею его фамилїею: похвальная поступка Кира въ семъ случаѣ; выгодности отъ того ему произшедшїя.

Сокращенїе представляетъ не больше какъ четвертую часть того, что содержитъ сїя частица исторїи въ своей полности, *расположенїе* восмую часть, *содержанїе* шестнатцатую.

Изъ сихъ трояхаго роду выписокъ первая дѣйствительно весьма служитъ къ изощренїю и твердости разума; но послику это многаго бы стоило времени, естьлибъ кто пожелалъ выписывать такимъ образомъ всю исторїю, то можно сїю выписку оставить для нѣкото-

рыхъ отборныхъ мѣстъ, и довольствоваться которою нибудь изъ двухъ послѣднихъ въ разсужденіи повседневнаго труда.

Такая екзерциція можетъ быть полезна болѣе еще для мальчиковъ, нежели для дѣвушекъ, къ какому бы званію они назначены ни были; она ихъ научитъ выписывать изъ книги, или изъ какова нибудь разсужденія то, что въ нихъ находится нужнаго и существенно принадлежащаго до матеріи, о которой разсуждаютъ, и приводить сїе въ настоящую мѣру, которая можетъ представить предъ глаза всѣ оной части и доказательства. Ето есть то, что дѣлаютъ ежедневно секретари, чтобъ дать судьямъ понятїе о дѣлѣ, съ которымъ соединены безчисленныя послучайности и произшествїя, которыхъ смѣсь они должны разбирать, не упуская ничего нужнаго или полезнаго. Комендантъ, или Генералъ армейской, обязанной давать отчетъ Министру, или самому Государю въ осадѣ или въ дѣйствіи военномъ, составлять меморіалъ, сообщать проектъ,

не обязанъ ли все сїе сокращать иногда больше, иногда меньше, смотря по различнымъ обстоятельствамъ? Выписки, о которыхъ мы говоримъ, естьли только онъ въ нихъ екзерцитовался заблаговременно, будутъ ему тогда служить немалымъ вспоможенїемъ. Чтожъ касается до дѣвицъ, то сїи выписки подадутъ имъ правильность, совершенство, и удобность въ писанїи, что не должно щитать для ихъ излишнимъ, хотя ето и не есть изъ числа неотмѣнно нужныхъ вещей. Онѣ чрезъ то придутъ въ состоянїе давать отчетъ въ проповѣди, пересказывать ея расположенїе и послѣдствїе, и вычислять различныя, на которыхъ она основывается, доказательства: онѣ навыкнутъ располагать все то, что читаютъ, подъ нѣкоторыми главами, которыя утвердятъ ихъ память, и здѣлаютъ ихъ чтенїя не столь забвенїю подверженными. Не худо такъ же будетъ въ послѣдствїи заставить ихъ иногда трудиться надъ подобными выписками умственныхъ матерїй, которыя тре-

буютъ продолжительнѣйшаго вникан1я, подаютъ нѣкоторую исправность разуму, и пр1учаютъ молодыхъ особъ не довольствоваться словами, но искать причинъ, и чувствовать ихъ какъ силу такъ и слабость.

За Греческою истор1ею послѣдуетъ Римская, которая всѣхъ изобильнѣе важными приключен1ями и примѣрами. Истор1я Лаврента Ехарда Агличанина, переведенная на нашъ языкъ, которая распространяется отъ основан1я Рима даже до перенесен1я Имперiи Константиномъ, будетъ великимъ вспоможен1емъ для молодыхъ особъ. Желательно, чтобъ она была попространнѣе; но въ томъ, что содержитъ, она весьма пр1ятна, и не имѣетъ пороку обыкновеннаго *сокращен1ямъ*, скучной, то есть, сухости, которая не трогаетъ читателя, и его отягощаетъ смятнымъ собран1емъ дѣлъ соплетенныхъ безъ всякаго объяснен1я и открыт1я. *Перемѣны Римской республики* г. Вертота, и истор1ю Тр1умвирскаго правлен1я надлежитъ читать со

Римская Истор1я.

тщанїемъ. Дѣвушки, которыя почувствуютъ болѣе вкусу и отважности, могутъ предпринять чтенїе Тита Ливїя и Саллюста въ переводахъ, которые мы имѣемъ (*).

Но то, что заслуживаетъ особливо всякое вниманїе, какое только онѣ имѣть могутъ, суть превосходныя разсужденїя г. Боссюета, Епископа Мелденскаго, въ его всеобщей Исторїи, котораго сочиненїя не можно начитаться, и которому не льзя достойной положить цѣны.

Исторїя Француз-ская.

После того какъ онѣ переймутъ всю сїю связь древней исторїи, то натуральной порядокъ приведетъ ихъ къ исторїи ихъ отечества, которая до ихъ касается болѣе, нежели исторїи Грековъ и Римлянъ, и которой стыдно не знать всякому честному Французу.

Сїе изученїе исторїи не столько требуетъ времени и труда, какъ о томъ

(*) Г. Ролленъ, упоминая о всѣхъ сихъ сочиненїяхъ, не думалъ того, что онъ самъ издастъ исторїю Римскую, которая заключитъ въ себѣ все то, что есть самаго лучшаго въ достовѣрнѣйшихъ писателяхъ.

думать могутъ. Я вижу, что молодыя дѣвицы показываютъ въ томъ чрезъ одинъ или два года такїе успѣхи, которые меня удивляютъ, и причиняютъ мнѣ истинную радость. Какой помощи не могутъ имъ подать сїи познанїя тогда, какъ онѣ покажутся въ свѣтѣ? Сколько послужатъ къ тому, чтобъ твердое имѣть упражненїе, и чтобъ не быть обязанными дѣлать скучныя часто посѣщенїя, вдаваться въ холодные или маловажные разговоры, въ пустыя забавы, которыя становятся нужными за недостаткомъ лучшихъ упражненїй! Я предполагаю здѣсь двухъ сортовъ компанїи. Въ одной собираются обыкновенно, чтобъ играть два или три часа, и болѣе; гдѣ все вниманїе къ игрѣ употребляется такъ, что разговоръ мало тутъ мѣста имѣетъ. Въ другой собираются дамы на столькожъ времени; но онѣ упражняются въ рукодѣлїи, между тѣмъ какъ одна изъ нихъ, каждая по своей чередѣ, отправляетъ увеселительное и прїятное чтенїе, которое даетъ случай разсужденїямъ о

читаемомъ сочиненіи, о которомъ сообщаются мнѣнія съ воздержностію и умѣренностію пристойною ихъ полу. Я знаю, что есть такія содружества. Но я вопрошаю, съ которой стороны стоитъ здравой разумъ, твердой разсудокъ, исправной вкусъ, надлежащее употребленіе времени, истинное и безпритворное веселіе, безъ примѣсу скуки, досады и раскаянія?

Рукодѣліе. §. VI. Не нужно мнѣ здѣсь пространно изъясняться о выгодностяхъ рукодѣлія, въ разсужденіи женскаго полу. Сіе упражненіе стало очень обыкновенно у нашихъ женщинъ, и оно не можетъ не приносить имъ чести. Въ сіи отдаленные вѣки, которые отзывались счастливою простотою міра бывшаго еще въ своей юности, почтеннѣйшія дамы упражнялись въ тягостныхъ трудахъ, которые бы намъ теперь показались подлы и презрительны. Сарра, которая жила въ богатомъ и изобильномъ домѣ, и окружаема была множествомъ домашнихъ, изготовляла своими руками кушанье для

гостей. Часто видали, что Ревекка и Рахиль, въ нѣжномъ еще возрастѣ, возвращались отъ источниковъ обременивъ свои плечи тяжкими сосудами водою наполненными. У Алциноя, Царя Феакскаго, которой страннопріимствовалъ съ великолѣпіемъ Царя поистиннѣ достойнымъ, молодая Принцесса Навзика, его дочь, не стыдилась сама ходить на рѣку бѣлье мыть. Женской полъ сохранилъ сіе похвальное обыкновеніе трудиться своими руками во всѣ времена и во всѣхъ странахъ. Исторія показываетъ, что Александръ, славнѣйшій изъ всѣхъ завоевателей, и Императоръ Августъ, обладатель свѣта, носили одежды здѣланныя ихъ матерьми, супругами или сестрами. Христіанство можетъ намъ представить образцы не меньше знатные. Важность вся въ томъ состоитъ, чтобъ сей трудъ употреблялся не на бездѣлицу, но на дѣла полезныя. Многія видны дамы, которыя дѣлаютъ для себя уборы домашніе, всѣ или нѣкоторую ихъ часть; что имѣетъ свою похвалу и достоинство.

Другія ставятъ въ славу изготовлять украшенія для бѣдныхъ сельскихъ церквей. Иныя еще превышаютъ благочестіе сихъ послѣднихъ, и вмѣняютъ себѣ въ честь одѣвать и украшать живые храмы Господа, скраивая и сшивая рубашки для нищихъ. Какое награжденіе и какая радость для ихъ будетъ тогда, какъ онѣ услышатъ со временемъ Іисуса Христа самаго, вѣщающаго имъ сіи утѣшительныя слова: *пріидите благословенніи отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царство, отъ сложенія міра. Нагъ бѣ и одѣясте мя?* Сколь счастливы дѣвицы, которымъ матери вдыхаютъ заблаговременно, своимъ примѣромъ больше еще, нежели своими рѣчьми, желаніе освящать ихъ руки столь благочестивыми трудами!

Изученіе того, что касается до попеченій домашнихъ, и до внутренняго

§ VII. Я разумѣю чрезъ домашнія попеченія все то, что принадлежитъ до внутренняго правленія дому, и что касается до росходовъ на платье, на екипажи, на приборы, на столъ, на воспитаніе и содержаніе дѣтей, на мзду и пищу домашнимъ. Вотъ, собственно го-

воря, знаніе женщинъ: вотъ упражненіе, которое Провидѣніе имъ назначило, какъ главное ихъ дѣло, и къ которому оно имъ сообщило больше дарованія нежели мущинамъ; вотъ что ихъ дѣлаетъ истинно достойными почтенія и похвалы, когда только онѣ бываютъ столь счастливы, что исполняютъ всѣ сіи должности. Между тѣмъ, какъ ихъ мужья заняты бываютъ на сторонѣ различными дѣлами, которыя имъ ввѣрены, самая справедливость и разсудокъ требуютъ, чтобъ онѣ облегчали ихъ отъ сихъ маловажныхъ попеченій, и отъ сей мѣлкой суеты, кои бы отняли у нихъ время, которое они могутъ употребить съ большею пользою на общее добро, и на услуги государству. Сей домашній трудъ составляетъ часть помощи, которую Богъ хотѣлъ здѣлать человѣку, давъ ему подругу: *не добро быти человѣку единому, сотворимъ помощницу ему подобную.*

го правленія дому.

Быт. 11. 18.

И такъ ежели я оставилъ сей членъ наконецъ, то сіе здѣлалъ не для того,

чтобъ я его почиталъ маловажнѣе протчихъ. На противъ того я объявляю, что по законѣ онъ мнѣ кажется самой важнѣйшій. Женщина можетъ не очень искусна быть во всемъ протчемъ, и не смотря на то считаться превосходною хозяйкою; но она не можетъ не знать или пренебрегать должностей, о коихъ я говорю, безъ нарушенія одного изъ нужнѣйшихъ обязательствъ. Остроуміе и знаніе не прикрываютъ такова недостатка, и не только не служатъ къ похвалѣ женскаго полу, но и еще приносятъ ему безчестіе.

Матери должны понимать изъ сказаннаго мною, сколько онѣ обязаны пріучать заранѣе своихъ дочерей къ симъ домашнимъ попеченіямъ. Онѣ однѣ только могутъ здѣсь занять мѣсто учительницъ; онѣ однѣ могутъ дать имъ о семъ пунктѣ надобныя наставленія.

Послѣ того, какъ ихъ научатъ изъ Ариѳметики тому, что сходствуетъ съ ихъ возрастомъ и ихъ поломъ, и что немногимъ ограничивается, а имянно, тѣмъ,

чтобъ показать имъ два перьвыя правила, и дать легкое понятїе о двухъ послѣднихъ; послѣ, говорю я, сего надлежитъ ихъ привесть немедлѣнно къ самому дѣлу, заставить ихъ самихъ сочинять записки, и дѣлать счеты. Умная мать приводитъ ихъ по степенямъ къ симъ различнымъ ексерцицїямъ, и для сего входитъ съ ними въ крайнюю подробность. Она показываетъ имъ цѣну и качество полотенъ, бѣлья, щелковыхъ матерїй, посуды, и всѣхъ протчихъ домашнихъ приборовъ. Когда она что нибудь покупаетъ, то возитъ ихъ съ собою къ купцамъ. Она объявляетъ имъ времена, въ которыя надлежитъ дѣлать запасы, и научаетъ ихъ, какимъ образомъ должно изготовлять пиръ; что употребляется обыкновенно во всякую пору; и по чему покупается все то, что принадлежитъ къ убору за́мка, дому, покоевъ. Она входитъ съ ними въ познанїе того, что надлежитъ дѣлать въ разсужденїи вотчинъ, которыя составляютъ важнѣйшее добро великихъ домовъ, и

имъ показываетъ, что требуется къ тому, чтобъ земли содержать въ добромъ состоянiи, чтобъ недопускать до ихъ поврежденiя, и, естьли можно, чтобъ удобрять оныя.

Она особливое имѣетъ попеченiе вдохнуть въ молодую дѣвицу опредѣленную жить въ свѣтѣ, основанiя благородной и умѣренной економiи, которая удаляется отъ гнусной скупости, такъ какъ и отъ пагубнаго расточенiя. Сiе то есть похвальное качество, которое сохраняетъ добро великихъ домовъ, и ихъ подкрѣпляетъ и содержитъ съ честiю въ свѣтѣ. Порокъ сему качеству противной приноситъ имъ стыдъ и раззоренiе, какъ видно изъ повседневнаго опыту, которой однакожъ не научаетъ знатныхъ людей.

Наставленiе, которое мать долженствуетъ подавать о томъ своей дочери, можно заключить въ пяти или шести правилахъ, въ которыхъ содержатся всѣ протчiя.

1. Держать росходъ смотря по своимъ доходамъ и состоянїю, такъ чтобъ никогда не выходили изъ границъ честной благопристойности, смотря на обыкновенїе и примѣръ, которыя роскошь не минуетъ употреблять въ свою пользу.

2. Не забирать ничего въ долгъ у купцовъ, но платить деньги за все то, что покупается. Ето есть средство имѣть все то, что есть лучшее, и за меньшую при томъ цѣну.

3. Считать сїе за великую несправедливость, чтобъ принуждать наемниковъ и домашнихъ дожидаться мзды, которая имъ принадлежитъ. Товїй не преминулъ дать сїе наставленїе своему сыну. *Когда человѣкъ,* говоритъ онъ ему, *для* Тов. IV.
тебя поработаетъ, плати ему скорѣй 15.
то, что къ нему принадлежитъ за его трудъ, и наблюдай, чтобъ мзда наемника не осталась никогда на тебѣ. Писанїе во многихъ мѣстахъ говоритъ о сихъ задержанїяхъ такъ какъ самыхъ несправедливѣйшихъ и виновнѣйшихъ, которыхъ крикъ восходитъ къ ушамъ

Божїимъ, и совлекаетъ съ небесъ мщенїе и проклятїе.

4. Дѣлать счеты обыкновенно въ каждой мѣсяцъ, совершать ихъ безъ упущенїя при концѣ всякаго года, и остерегаться, чтобъ не оставлять правленїе имѣнїя и дому въ чужихъ рукахъ, которыя не всегда бываютъ вѣрны и усердны. Сей трудъ ни мало не обременителенъ и ничего почти не стоитъ, когда онъ продолжается со тщанїемъ: вмѣсто того, что естьли его пренебрегаютъ, то онъ становится настоящею работою, которая бываетъ скучна, и принуждаетъ оставлять безъ счету множество лѣтъ, что причиняетъ безпорядокъ и ужасное замѣшательство въ дѣлахъ, которыхъ не можно болѣе разобрать, и разоряетъ напослѣдокъ изобильнѣйшїе домы.

5. Въ расположенїи росходовъ, которое долженствуетъ быть всегда доходамъ соразмѣрно, поставлять въ заглавїи всего часть опредѣленную и достодолжную бѣднымъ людямъ. Ето не есть ми-

лость имъ оказываемая, но долгъ, которой платится имъ, или лучше сказать самому Іисусу Христу, которой имъ уступилъ свои права. Надежнѣйшее и удобнѣйшее средство исполнять точно сію должность есть то, чтобъ дѣлать сіе удѣленіе въ ту самую минуту, какъ принимается нѣкоторая часть доходовъ, и отлагать оное въ сторону, такъ какъ залогъ. Щедрость меньше стоитъ, когда деньги находятся передъ глазами, и чрезъ сіе наблюденіе остается всегда нѣкоторая сумма для различныхъ подаяній, которыя мы обязаны дѣлать. Я знаю одинъ домъ почтенной по многимъ причинамъ, въ которомъ хозяинъ совокупно съ своею супругою платилъ обыкновенно Іисусу Христу въ особѣ скудныхъ людей первые плоды и десятину всѣхъ своихъ доходовъ, и кромѣ сего поставлялъ ихъ на мѣсто одного изъ своихъ дѣтей по совѣту св. Августина. Ето есть такая щедрота Христіанская, которой не надлежитъ требовать отъ всякаго, но которой естьли какая нибудь

хозяйка хотя изъ далека можетъ слѣдовать, должна себя счастливою почесть, будучи увѣрена, что она имѣетъ участїе въ сей мудрости, о которой Соломонъ упоминаетъ въ своихъ притчахъ: *жена мудрая созидаетъ свой домъ, а безумная разоряетъ своими собственными руками и тотъ, которой уже былъ созданъ.*

Притч. XIV. 1.

Заключенїе.

Предлагая такъ, какъ я учинилъ безпрерывную связь чтенiй и екзерцицїй для молодыхъ особъ женскаго полу, я имѣлъ въ намѣренїи тѣхъ единственно, которымъ ихъ состоянїе подаетъ время и средства въ оныхъ упражняться. Такїя чтенїя и екзерцицїи могутъ занимать съ пользою и прiятностїю перьвыя лѣта ихъ жизни. Да и для чегобъ не хотѣть украшать ихъ разумъ сими познанїями, которыя не превышаютъ ихъ понятїя и кои сходственны съ ихъ состоянїемъ? Хвастливое показанїе науки и остроумїя не приличествуетъ ни кому, а наипаче дамамъ: но слѣдуетъ ли изъ того, чтобъ онѣ долженствовали осуждены быть на грубое незнанїе? Ученїе,

которое я здѣсь совѣтую имѣть молодымъ дѣвицамъ, не воспрепятствуетъ имъ, какъ я уже показалъ выше, исполнять совершенно всѣ ихъ должности: упражняться съ пользою въ рукодѣлiи, вступать во всѣ распоряженiя, перенимать все то, что принадлежитъ до благоразумной економiи, и что касается до правленiя домашняго: которыя познанiя суть неотмѣнно надобны ихъ состоянiю, по тому, что недостатокъ оныхъ причиняетъ обыкновенно раззоренiе наибольшихъ домовъ. Ученiе, о которомъ я говорю, не только не препятствуетъ симъ должностямъ, но и еще приведетъ къ нимъ по необходимости и здѣлаетъ исполненiе ихъ удобнѣйшимъ, подавая дѣвицамъ разумъ важнѣйшiй, исправнѣйшiй, твердѣйшiй и способнѣйшiй къ порядку, вниканiю, трудамъ, заставляя ихъ любить болѣе свои домы, и ихъ научая пробывать иногда безъ компанiи. Онѣ никогда не будутъ для показанiя себя высказывать другимъ то, чему онѣ научатся, и не станутъ отмѣнять себя

отъ протчихъ ни чѣмъ какъ только великою умѣренностїю. Польза, которую онѣ получатъ отъ ихъ познанїй, будетъ та, что онѣ не будутъ принуждены для избѣжанїя скуки и отвращенїя отъ бездѣйственной жизни занимать ея праздные часы игрою, зрѣлищами, безполезными посѣщенїями, пустыми разговорами, и что найдутся въ состоянїи, удовольствовавъ благопристойности ихъ званїя, сохранять для себя драгоцѣнныя минуты, въ которыя будучи свободны и уединенны, могутъ упражняться въ чтенїи, которое питать будетъ разумъ ихъ съ прїятностїю и наполнять ихъ сердце твердою и постоянною радостїю, показывая ему одно только благо, могущее учинить его счастливымъ.

СПОСОБЪ,

которымъ можно учить

и

обучаться

СЛОВЕСНЫХЪ НАУКЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ

О ЗНАНІИ ЯЗЫКОВЪ.

Знаніе языковъ служитъ вмѣсто руководства ко всѣмъ наукамъ. Чрезъ него мы безъ труда почти пріобрѣтаемъ понятіе о премногихъ и преизрядныхъ вещахъ, которыя стоили долговременныхъ трудовъ своимъ изобрѣтателямъ. Чрезъ него всѣ вѣки и всѣ страны намъ открываются. Оно нѣкоторымъ образомъ дѣлаетъ насъ современными всѣмъ вѣкамъ, и гражданами всѣхъ государствъ; и приводитъ насъ въ состояніе разговаривать еще и нынѣ со всѣми ученѣйшими въ древности мужами, которые, кажется, какъ будто бы для насъ жили и трудились. Мы находимъ въ нихъ учителей, которыхъ намъ позволено спрашивать во всякое время; и друзей готовыхъ къ нашимъ услугамъ ежечасно, и могущихъ вездѣ намъ сотовариществ-

ствовать, коихъ обращеніе съ нами всегда полезное и всегда пріятное обогащаетъ нашъ разумъ множествомъ любопытныхъ познаній, и научаетъ насъ пользоваться какъ добродѣтельми, такъ и пороками человѣческаго рода. Безъ помощи языковъ всѣ сіи оракулы бываютъ для насъ нѣмы, всѣ сіи сокровища заперты; и за неимѣніемъ ключа, которой одинъ только можетъ открыть намъ оныя, мы остаемся скудны въ среди толикаго богатства, и несмысленны въ среди всѣхъ наукъ.

Языки, которымъ надлежитъ обучать въ Французскихъ коллегіяхъ, ограничиваются тремя: Греческимъ, Латинскимъ, Французскимъ. Я начну послѣднимъ, понеже я думаю, что имъ должны начинаться такія ученія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

о изученіи Французскаго языка.

Римляне намъ показали чрезъ упражненіе, которое они имѣли въ изученіи ихъ собственнаго языка то, что мы долженствуемъ дѣлать для изученія нашего. Дѣти у нихъ отъ самой колыбели пріучаемы были къ чистотѣ рѣчи. Сіе попеченіе щиталось первымъ и нужнѣйшимъ послѣ того, кото-

рое принималось о нравахЪ. Оно особливо поручаемо было матерямЪ, кормилицамЪ и домашнимЪ. ИмЪ говорили, чтобЪ онѣ, сколько можно, остерегались, чтобЪ не вышло у нихЪ изо рту неисправнаго выраженія или произношенія вЪ присутствіи дѣтей, дабы сіи первыя впечатлѣнія не зделались вЪ нихЪ второю природою, которой почти не возможно будетЪ перемѣнить вЪ послѣдствіи. Quintil. Lib. 1. cap. 1.

Ето правда, что сЪ самаго начала обыкновенно дѣтей обучали Греческому языку, но изученіе Латинскаго вЪ близи послѣдовало; и вскорѣ по томЪ сіи два ученія вмѣстѣ происходили. Для каждаго изЪ нихЪ были особливые учители вЪ разсужденіи какЪ Грамматики, такЪ Риторики и Философіи: и ежели было предпочтеніе одному изЪ двухЪ языковЪ, то оно давалось природному, которой одинЪ только употреблялся вЪ отправленіи дѣлЪ государственныхЪ. И вЪ самой вещи Римляне, особливо во времена республики, почли бы за безчестіе и униженіе народу, естьли бы для отправленія дѣла сЪ иностранными, хотя вЪ Римѣ, хотя вЪ провинціяхЪ, они употребили другой языкЪ, кромѣ Латинскаго. ПлутархЪ намЪ показываетЪ вЪ житіи Катона ценсора, что сей РимлянинЪ посланЪ буду- Val. Max. Lib. 2. cap. 2.

чи депутатомъ отъ республики къ Аѳинянамъ почелъ, что онъ не долженствовалъ имѣть къ нимъ рѣчи какъ только на Латинскомъ языкѣ, не смотря на то, что онъ былъ весьма способенъ къ учиненію сего (а) на Греческомъ. Цицерона тѣмъ укоряли, что онъ осмѣлился говорить по Гречески въ публичномъ собраніи у самыхъ Грековъ. Однакожъ Павлъ Емилій говорилъ онымъ языкомъ Царю Персею, котораго онъ тогда побѣдилъ: что, можетъ статься, онъ здѣлалъ, снисходя его достоинству, или несчастному состоянію, въ которомъ онъ его видѣлъ.

Verrin. 6. n. 147. Liv. lib. 45. n. 8.

Мы далеко отстоимъ отъ подобнаго раченія о совершеннѣйшемъ познаніи Французскаго языка. Не много есть такихъ людей, которые научились ему по правиламъ. Большая часть думаетъ, что довольно одного употребленія къ тому, чтобъ здѣлаться въ немъ искуснымъ. Ето рѣдко случается, чтобъ кто захотѣлъ углубиться въ изслѣдованіе

(*) *Въ Цицероновой книжкѣ о старости Катонъ говоритъ, что онъ былъ уже старъ въ то время, какъ онъ сталъ знать по Гречески.* Literas Graecas Senex didici. *Однакожъ онъ не имѣлъ еще пятидесяти лѣтъ, когда онъ учинилъ путешествіе, о которомъ здѣсь говорится.*

его свойства, и спознать всѣ его тонкости и красоты. Часто не знаютъ и самыхъ общихъ его правилъ: что видно бываетъ иногда изъ писемъ искуснѣйшихъ людей.

Столь обыкновенной порокъ происходитъ, безъ сумнѣнія, отъ воспитанія. Дабы предупредить оной, надобно употреблять ежедневно во всю бытность въ классахъ по нѣскольку времени на изученіе нашего языка.

Четыре вещи, какъ мнѣ кажется, могутъ служить особливо къ успѣху, котораго надлежитъ въ томъ ожидать: познаніе правилъ, чтеніе книгъ Французскихъ, переводъ, сочиненіе.

§ I. Понеже перьвыя основанія рѣчи суть общія по нѣкоторой мѣрѣ всѣмъ языкамъ, то самая пристойность требуетъ, чтобъ наставленіе дѣтей начинали предложеніемъ правилъ Французской Грамматики, которой основанія послужатъ имъ къ удобнѣйшему разумѣнію Латинскаго и Греческаго языка, и покажутся меньше трудны и скучны, поелику дѣло почти до того только касаться будетъ, чтобъ они располагали нѣкоторымъ особливымъ порядкомъ вещи, которыя уже они знаютъ хотя смятно. О познаніи правилъ.

Съ самаго начала надлежитъ ихъ обучать различнымъ частямъ, которыя составляютъ

рѣчь, напримѣръ, имя, глаголъ и прот[?] по томъ склоненіямъ и спряженіямъ, послѣ сего общимъ правиламъ сочиненія. Когда они усилятся чрезъ привычку въ сихъ первыхъ основаніяхъ, то надобно будетъ показывать имъ оныхъ употребленіе въ какой нибудь Французской книгѣ, и требовать всегда у нихъ отчету во всѣхъ словахъ, которыя въ ней попадаются.

Должно ихъ заранѣе пріучать къ исправному различенію точекъ, запятыхъ, удареній, и другихъ знаковъ Грамматическихъ, которые дѣлаютъ письмо исправнымъ; и начать изъясненіемъ свойства и употребленія оныхъ. Надлежитъ такъ же приказать, чтобъ они выговаривали ясно всѣ слоги, а особливо послѣдніе. Учитель при томъ имѣетъ нужду познавать рачительно различныя погрѣшности въ рѣчи или въ произношеніи, которыя суть собственны каждой провинціи, а иногда и городамъ похваляющимся наиболѣе просвѣщеніемъ, дабы предостеречь дѣтей отъ сихъ погрѣшностей или исправить въ нихъ оныя. Не можно изобразить, сколько сіи перьвыя раченія убавятъ ихъ трудовъ въ совершеннѣйшемъ возрастѣ.

По мѣрѣ умноженія лѣтъ и разсудка отроковъ, размышленія о языкѣ предлагаться

будутъ повыше и поважнѣе. Разсудительной учитель употребитъ въ пользу ученыя примѣчанія, которыя столь многіе искусные люди намъ оставили о сей матеріи. Но надобно будетъ дѣлать въ нихъ выборъ, и отложить все то, что или не очень употребительно покажется, или сверхъ понятія молодыхъ людей. Безпрерывныя и продолжительныя наставленія о столь сухой матеріи могутъ имъ показаться весьма скучны. Краткіе вопросы предлагаемые правильно на всякой день подъ видомъ разговора, въ которомъ у нихъ самихъ требовать будутъ мнѣнія и въ которомъ искусным образомъ приведутъ ихъ въ состояніе сказывать то, чему ихъ хотятъ обучить, такіе, говорю я, вопросы научатъ ихъ между забавою, и при нечувствительномъ успѣхѣ продолжающемся чрезъ нѣсколько лѣтъ, подадутъ имъ глубокое языка познаніе.

Правописанія обыкновенно простые, а иногда и самые ученые люди не знаютъ или его пренебрегаютъ. Сей порокъ по всѣмъ примѣтамъ происходитъ отъ того, что они заблаговременно въ онсмъ дѣлѣ не были екзерцитованы, и увѣдомляетъ учителей, чтобъ они прилагали къ тому особливое раченіе.

Употребленіе, которое владычествуетъ надъ всѣмъ тѣмъ, что принадлежитъ до языка, и противъ котораго самой разумъ теряетъ свои права, есть первое правило, которому надлежитъ слѣдовать въ правописаніи; по тому что оно не меньше имѣетъ власти надъ писаніемъ и произношеніемъ словъ, какъ и надъ самыми словами. И для сего усмотрѣно, что при самомъ началѣ безуспѣшно было предпріятіе тѣхъ, которые не взирая на употребленіе хотѣли переправить наше правописаніе; и сей новой манерѣ писать всѣ до одного слова такъ какъ онѣ произносятся, не меньше несносенъ былъ глазамъ публики, какъ новомодныя и странныя одѣянія, которыя бы кто нибудь захотѣлъ вдругъ ввесть въ обыкновеніе.

Есть другія перемѣны не столь примѣтныя, въ которыхъ употребленіе непостоянно, и которыя могутъ оставить нѣкое сумнѣніе. Должно ли, напримѣръ, сохранять всегда въ словахъ нашего языка нѣкоторыя литеры, кои или съ весьма древняго употребляются времени, или показываютъ, что оныя слова берутъ свое начало съ Греческаго или Латинскаго языка, каковы суть: *threʃor*, *throʃne*, *baptême*, *temps*, *ʃcinЖeté*, *clef*, *genouil*, *debte*, *roy*, *loy*, *moyen*, *eʃtre*, *eʃcrire*, *rapport*? Всѣ опять имена и причастія, которыя имѣ-

ютъ ѣ мужеское на концѣ въ единственномъ числѣ, должны ли принимать ѣ въ ихъ множественномъ?

Я думаю, что въ такихъ словахъ всякой можетъ употреблять вольность, которую самое обыкновенїе намъ оставляетъ, и слѣдовать своему вкусу, а особливо, когда онъ основывается на разумѣ и пользѣ. Но мнѣ кажется, что обѣ сїи вещи требуютъ, чтобъ мы въ то время, какъ пишемъ, соображались, сколько возможно, съ произношенїемъ. Ибо характеры литеръ введены въ употребленїе съ тѣмъ, чтобъ они сохраняли различные голоса, которые мы говоря издаемъ, и ихъ должность есть та, чтобъ отдавали оные вѣрнымъ образомъ читателю, такъ какъ залогъ, которой имъ ввѣренъ. И такъ надлежитъ, чтобъ слово написанное было изображенїемъ слова произнесеннаго, и чтобъ литеры выражали то, что мы сказать долженствуемъ.

Когда, напримѣръ, первой слогъ въ сихъ двухъ словахъ *écrire* и *esrime*, и третїй отъ конца въ сихъ *répondans* и *correspondans*, должны произноситься совсемъ различно, то для чего бы ихъ и не писать такъ же различно? *écrire*, *escrime*; *répondans*, *correspondans*.

Великая есть разность въ выговорѣ перваго слога въ различныхъ временахъ и различныхъ лицахъ глагола *Faire*: по чему пристойнобъ было полагать ее и въ писаніи, да и употребленіе не весьма тому противно. *Je fais*, *tu fais*, *nous fesons*, *je fesois*, *je ferois*, *je ferai*, *tu feras*.

Общее правило для произведенія именъ множественнаго числа есть то, чтобъ приставлять *s* къ единственному: *pomme*, *pommes*; *fleur*, *fleurs*. Для чегожъ выключать изъ него имена и причастія кончащіяся на *è*? Чрезъ сіе смѣшивается *aimez* второе лице множественнаго числа съ причастіемъ; вмѣсто того, что когда пишемъ причастіе съ литерою *s*, *aimés*, мы различаемъ сіи два слова, и слѣдуемъ общему правилу.

Чтожъ касается до словъ произшедшихъ изъ Латинскаго языка, то кажется, что нашъ Французской, которой сперва считалъ за честь сохранять ненарушимо всѣ его слѣды, старается по малу скрывать отъ глазъ читателя знаки сего похищенія. Можно всякому примѣтить безмѣрное число примѣровъ: *debvoir*, *debte*, *tiltre*, *poulmon*, *nostre* и проч.

На послѣдокъ, хотя и не льзя точно опредѣлить, которому изъ сихъ двухъ маперовъ надобно слѣдовать, однакожъ это кажется нужно, чтобъ Профессоры одной

коллегіи согласились между собою на тотЪ или другой, дабы ученики не были принуждены перемѣнять правописанія при перемѣнѣ классовЪ. Не можно ихЪ довольно рано пріучить кЪ тому, чтобЪ они писали чисто и исправно, становили вЪ надлежащихЪ мѣстахЪ большія и малыя литеры, отличали *v* и *j* согласныя отЪ *u* и *i* гласныхЪ, и знали, гдѣ надлежитЪ употреблять точки, запятыя, ударенія, и другіе знаки благоразумно изобрѣтенные для наблюденія ясности и порядка вЪ писаніи.

Между тѣмЪ, какЪ я здѣсь говорю о письмѣ, да будетЪ мнѣ позволено подать молодымЪ людямЪ совѣтЪ, которой можетЪ правда показаться маловаженЪ, однакЪ неизлишенЪ. ОнЪ вЪ томЪ состоитЪ, чтобЪ они по крайней мѣрѣ подЪ конецЪ ихЪ ученій научились перья свои очинивать, и чтобЪ сіе дѣлали искусно и правильно. Многіе пишутЪ худо, за тѣмЪ что вЪ нихЪ сего маленькаго искуства недостаетЪ. Для чего намЪ зависѣть отЪ чужой руки вЪ такой вещи, которая столь не трудна и столь часто для насЪ бываетЪ надобна?

§. II. Учители найдутЪ множество книгЪ, которыя ихЪ приведутЪ вЪ состояніе исправ- О чтеніи книгЪ

Французскихъ. но обучать своихъ учениковъ правиламъ Французскаго языка.

Грамматика, которую г. Аббатъ Ренїеръ, членъ Французской Академїи, намъ сообщилъ, не оставляетъ ничего желать въ семъ родѣ. Можно прочитать и другїя подобныя сей книжки, которыя имѣютъ свое достоинство. Но не должно оставить въ забвенїи всеобщей и умственной Грамматики г. Арнолда, въ которой усматривается глубокое разсужденїе, и высокой разумъ сего великаго человѣка. Искусной учитель не преминетъ пользоваться сими сочиненїями, и возметъ изъ нихъ то, что онъ полезнымъ сочтетъ для молодыхъ людей. Я тожъ самое говорю о примѣчанїяхъ на Французской языкъ, изданныхъ господиномъ Вожласомъ, (*a*) Томасомъ Корнелемъ, О. Бугурсїемъ, Г. Менажемъ, и другими искусными писателями, которыя учитель особливо читать будетъ, и изъ которыхъ онъ выберетъ важнѣйшїя и употребительнѣйшїя правила, дабы изъяснить оныя въ случаѣ молодымъ людямъ. Желательно, чтобъ сочинилъ кто нибудь нарочно для ихъ Грамматику сокращенную, которая бы за-

(a) Надлежитъ прибавить къ примѣчанїямъ Вожласовымъ другїя, которыя г. Корнель къ нимъ присовокупилъ.

ключала въ себѣ самыя нужныя правила и размышленія.

Когда они будутъ имѣть нѣкоторое понятіе о Греческомъ и Латинскомъ языкахъ, тогда будетъ время показывать имъ чрезъ чтеніе писателей свойство и особливость Французскаго, заставляя ихъ сравнивать его съ сими первыми. Онъ лишенъ многаго вспоможенія и многихъ выгодностей, которыя составляютъ главную ихъ красоту. Не говоря о семъ великомъ изобиліи словъ и рѣчей собственныхъ симъ двумъ языкамъ, а особливо Греческому, нашъ Французской не знаетъ почти совсемъ, что такое есть составлять слова изъ многихъ. Онъ не умѣетъ перемѣнять безконечнымъ образомъ силу и означеніе, какъ именъ, такъ и глаголовъ, чрезъ различіе предлоговъ, которые къ нимъ присовокупляются. Онъ чрезвычайно принужденъ и привязанъ къ одному нѣкоему порядку, которой ему рѣдко оставляетъ вольность перекладывать слова. Онъ порабощенъ одинакимъ окончаніямъ во всѣхъ падежахъ своихъ именъ, и во многихъ временахъ своихъ глаголовъ, особливожъ въ разсужденіи единственнаго числа. Въ немъ недостаетъ одного роду въ сравненіи съ двумя другими языками, а имянно средняго.

Выключая очень малое словъ * число взятыхъ изъ Латинскаго языка, онъ не знаетъ ни уравнительной, ни превосходительной степени. Онъ не употребляетъ такъ же уменьшительныхъ, которыя придаютъ столь много красы и тонкости двумъ помянутымъ языкамъ. Количество, которое столько служитъ къ числу и паденїю рѣчи, не могло въ немъ сыскать мѣста: я разумѣю такъ, какъ оно употребляется въ Греческомъ и Латинскомъ языкахъ, а особливо въ разсужденїи стопъ въ стихахъ. Однакожъ, не взирая на сїе множество кажущихся препятствїй, примѣчаетъ ли кто въ сочиненїяхъ хорошихъ писателей, чтобъ недоставало чего нибудь въ нашемъ языкѣ, что касается или до изобилїя, или до различїя, или до стройности или на конецъ до другихъ какихъ изрядствъ и прїятностей? И не имѣетъ ли онъ надъ первыми двумя сего неоцѣненнаго преимущества, что онъ столь великой непрїятель всякому затрудненїю, и что представляетъ разуму толикую ясность, что не льзя никакъ его не разумѣть, когда онъ распоряжается искусною рукою? Такимъ образомъ онъ счастливо вознаграждаетъ то, чего въ немъ недостаетъ, и приходитъ въ состоянїе равняться съ изобильнѣйшими языками въ древности.

* Meilleur, pire, moindre.

Показывая молодымЪ людямЪ основанія и красоты ихЪ языка начнутЪ направлять ихЪ вкусЪ и разборчивость. Размышленія, которыя можно учинить о семЪ дѣлѣ, поелику не принадлежатЪ до Грамматики, и при томЪ суть общи всѣмЪ языкамЪ, то я отлагаю разсуждать о сей матеріи сЪ приличнымЪ ей пространствомЪ до того времени, какЪ я говорить стану о Риторикѣ.

Здѣсь довольно для меня и того, чтобЪ увѣдомить, что вЪ чтеніи ФранцузскихЪ книгЪ не будутЪ довольствоваться разсмотрѣніемЪ правилЪ касающихся до языка, которыя однакожЪ не будутЪ никогда изЪ глазЪ выпущены. ПримутЪ стараніе замѣчать собственность, исправность, силу и тонкость словЪ и выраженій. Большее еще употреблено будетЪ вниманіе кЪ твердости и истиннѣ мыслей и вещей. Не преминутЪ такЪ же показывать послѣдствіе и распоряженіе различныхЪ доказательствЪ и частей рѣчи. Но всему протчему предпочтется то, что можетЪ исправить сердце, вдохнуть великодушіе, безкорыстіе, презрѣніе богатства, любовь кЪ общенародному добру, отвращеніе отЪ несправедливости и коварства; словомЪ сказать, все то, что составляетЪ человѣка честнаго, и что болѣе еще, истиннаго Христіанина.

Я въ другомъ мѣстѣ упомяну о томъ, что касается до выбору писателей въ разсужденіи нравовъ. Чтожъ принадлежитъ до
Lib. 2. cap. 6. Lib. 2. cap. 5.
штиля, то надобно держаться правила Квинтиліанова, которое велитъ читать молодымъ людямъ съ самаго начала, и всегда наилучшихъ писателей. Когда они станутъ имѣть исправное разсужденіе, то не худо будетъ имъ предложить такихъ, въ которыхъ находятся пороки могущіе прельстить молодыхъ людей, каковы суть нѣкоторыя блестящія мысли, которыя поражаютъ сперва своимъ сіяніемъ, но когда ихъ вблизи разсматриваютъ, то немедлѣнно познаютъ ихъ притворность и пустоту. Надлежитъ ихъ пріучать заранѣе къ тому, чтобъ они вездѣ любили истинное, чувствовали ложное, не ослѣплялись видомъ изрядства, судили здраво о томъ, что читаютъ, и отдавали отчетъ въ семъ ихъ разсужденіи, но такъ, чтобъ они не принимали на себя рѣшительнаго и критическаго виду или голоса, которой еще меньше приличествуетъ ихъ возрасту, нежели всякому другому.

На нашемъ языкѣ множество есть превосходныхъ сочиненій, которыя способны къ направленію ихъ вкуса: но краткость времени полагаемаго на сіе ученіе, и малое число

денегъ, которыя большая часть учениковъ издерживать можетъ, принуждаютъ ограничиваться небольшимъ оныхъ числомъ.

Надлежитъ, естьли возможно, чтобъ польза и пріятность въ нихъ вмѣстѣ соединялись, дабы сіе чтеніе имѣло для молодыхъ людей прелесть, которая бы ихъ къ оному привлекала. По сему книги, въ которыхъ одно только царствуетъ благочестіе, долженствуютъ имъ рѣже предлагаться, нежели другія, дабы отвращеніе, которое они однажды почувствуютъ отъ оныхъ, не последовало за ними въ зрѣлѣйшій возрастъ. Исторія болѣе сходствуетъ съ ихъ понятіемъ, а особливо при начатіяхъ ученія.

Фигуры Библейскія, и нравы Израильтянъ и Христіанъ весьма приличествуютъ первымъ классамъ. Есть при томъ много особенныхъ жизней сочиненныхъ господиномъ Флешіеромъ и г. Марсолїеромъ, которыя очень угодны для классовъ послѣдующихъ. Я въ другомъ мѣстѣ упомяну о сокращенной исторіи г. Боссюета. Исторія Французской академіи г. Пелиссона, такъ же академіи надписей и словесныхъ наукъ г. Боза, и напослѣдокъ исторія о возстановленіи академіи наукъ Г. Фонтенелла понравятся молодымъ людямъ какъ

для красоты штиля, такъ для разности матерій, и подадутъ имъ знаніе объ искуснѣйшихъ людяхъ въ нашемъ языкѣ, кои трудились первые, чтобъ вознесть его на сію степень совершенства, на которой мы его теперь видимъ, и кои здѣлали столько чести Франціи глубокимъ своимъ просвѣщеніемъ и любопытными изобрѣтеніями во всякомъ родѣ наукъ. Мнѣ кажется, что Парижской университетъ, древнѣйшее училище, и источникъ всѣхъ другихъ Академій, долженствуетъ особливо чувствителенъ быть къ ихъ славѣ, которая относится и къ нему, и довершаетъ его собственную.

Мы имѣемъ множество Панегириковъ и надгробныхъ рѣчей, въ которыхъ обучающіеся риторики найдутъ образцы совершенные въ семъ родѣ краснорѣчія. Двѣ трагедіи господина Расина, *Есѳирь* и *Аѳалія*, и разныя частицы стиховъ господина Депро могутъ имъ дать нѣкоторое понятіе о нашей поэзіи. Переводъ Лонгина изданной симъ послѣднимъ, и примѣчанія, которыя онъ къ нему присовокупилъ, послужатъ имъ вмѣсто изрядной Риторики.

Я оставляю для Философіи нравоучительныя книжки г. Никола, и разумѣю первые четыре тома, къ которымъ можно при-

соединить мысли г. Паскала. Я не упоминаю о Логикѣ Портъ-Рояла.; она составляетъ часть Философіи, и такой книги не преминутъ отдать въ руки обучающихся оной.

Много есть и другихъ книгъ, которыхъ чтеніе можетъ быть полезно молодымъ людямъ: всякой учитель по своему вкусу учинитъ изъ нихъ выборъ. Можнобъ было здѣлать для ихъ употребленія собраніе наилучшихъ частицъ, и прекраснѣйщихъ мѣстъ изъ нѣкоторыхъ сочиненій, которыхъ не можно имъ дать цѣлыхъ.

Мнѣ позволятъ, надѣюсь, предложить здѣсь опытъ способа, которымъ по моему мнѣнію можно читать молодымъ людямъ Французскія книги. Ето, можетъ статься, небезполезно будетъ для молодыхъ и начинающихъ свою должность учителей, которые не имѣютъ еще довольнаго искусства.

Опытъ способа, которымъ можно изъяснять Французскихъ писателей.

Дѣло, которое я хочу предложить, взято изъ исторіи о Ѳеодосіѣ сочиненной г. Флешіеромъ. кн. I гл. 35. Оно содержитъ избраніе св. Амвросія на Архіепископство Ме-

діоланское, и показываетъ участіе, которое имѣлъ въ томъ Императоръ Валентиніанъ.

Auxence Arien étant mort après avoir tenu plusieurs années le siège de Milan, Valentinien pria les Évêques de s'assembler pour élire un nouveau Pasteur. Il leur demanda un homme d'un profond savoir, & d'une vie irréprochable; *afin*, disoit-il, *que la Ville Impériale se sanctifiât par ses instructions & par ses exemples, & que les Empereurs, qui sont les Maîtres du monde, & qui ne laissent pas d'être grands pécheurs, pussent recevoir ses avis avec confiance, & ses corrections avec respect.* Les Evêques le suppliérent d'ennommer un luimême, tel qu'il le souhaitoit; mais il leur répondit, que c'étoit une affaire au-dessus de ses forces, & qu'il n'avoit ni assez de sagesse, ni assez de piété pour s'en mêler; que ce choix

Когда Авксентій Аріанинъ, владѣвъ чрезъ многія лѣта каѳедрою Медіоланскою, скончался, то Валентиніанъ просилъ Епископовъ собраться для избранія новаго пастыря. Онъ потребовалъ отъ нихъ человѣка глубокаго знанія, и безпорочной жизни; *дабы*, говорилъ онъ, *Императорской городъ святился его наставленіями и примѣрами, и чтобъ Императоры, которые суть повелители свѣта, и при всемъ томъ не минуютъ быть виликими грѣшниками, могли принимать его совѣты съ довѣренностію, и его увѣщанія съ почтеніемъ.* Епископы его просили, чтобъ онъ самъ нарекъ изъ нихъ того, котораго онъ желалъ: но онъ

leur appartenoit, parce qu'ils avoient une parfaite connoiſſance des Loix de l'Egliſe, & qu'ils étoient remplis des lumiéres de l'Eſprit de Dieu.

имъ отвѣчалъ, что сїе дѣло было сверхъ силъ его, что онъ не имѣлъ столько ни разсудка ни благочестїя, чтобъ мѣшаться въ оное, и что сей выборъ къ нимъ принадлежалъ, потому что они имѣли совершенное познанїе церковныхъ законовъ, и были наполнены просвѣщенїемъ духа Божїя.

Les Evêques s'aſſemblérent donc avec le reſte du Clergé; & le Peuple, dont le conſentement étoit requis, y fut appellé. Les Ariens nommoient un homme de leur Secte. Les Catholiques en vouloient un de leur Communion. Les deux partis s'échauférent, & cette diſpute alloit devenir une ſédition & une guerre ouverte. Ambroiſe, Gouverneur de la Province & de la Ville, homme d'eſprit & de probité, fut averti de ce deſordre, & vint à l'egliſe

И такъ Епископы собрались съ прочими духовными особами; и народъ, котораго согласїе требовалось, туда же былъ приглашенъ. Арїане нарекли одного человѣка изъ ихъ Секты. Православныежъ хотѣли избрать одного изъ своего сообщества. Обѣ партїи разгорячились, и сей споръ клонился къ мятежу и войнѣ открытой. Амвросїй, Губернаторъ провинцїи и города, человѣкъ разумной и честной, у-

pour l'empêcher. Sa présence fit cesser tous les différends, & l'Assemblée s'étant réunie tout d'un coup, comme par une inspiration divine, demanda qu'on lui donnât Ambroise pour son Pasteur. Cette pensée lui parut bizarre: mais comme on persistoit à le demander, il remontra à l'Assemblée qu'il avoit toujours récu dans des emplois séculiers, & qu'il n'étoit pas même encore batisé; que les Loix de l'Empire défendoient à ceux, qui exerçoient des charges publiques, d'entrer dans le Clergé sans la permission des Empereurs, & que le choix d'un Evêque devoit se faire par un mouvement du Saint Esprit, & non pas par un caprice populaire. Quelque raison qu'il alléguât, quelque remontrance qu'il fit, le Peuple voulut le porter sur le Trône Episcopal, auquel Dieu l'avoit destiné. On lui donna des gardes de peur

вѣдомился о семъ безпорядкѣ, и пришелъ въ церковь, чтобъ воспрепятствовать оному. Приоутствїе его успокоило всѣ ссоры, и собранїе соединясь вдругъ вмѣстѣ, какъ будто бы вдохновенїемъ Божїимъ, потребовало, чтобъ здѣлали Амвросїя его пастыремъ. Сїе мнѣнїе показалось ему вздорнымъ: но какъ продолжали его требовать, то онъ объявилъ собранїю, что онъ всегда жилъ при свѣтскихъ должностяхъ, и что онъ еще и не крестился; что законы Имперїи запрещали тѣмъ, которые отправляли дѣла государственныя, вступать въ духовной чинъ безъ позволенїя Императоровъ, и что выборъ Епископа долженствовалъ быть чрезъ дѣйствїе духа святаго, а не по слѣпому произволенїю народа. Какихъ онъ ни

qu'il ne s'enfuît, & l'on présenta une requête à l'Empereur pour lui faire agréer cette élection.

приводилъ причинъ, какихъ ни дѣлалъ отговорокъ, народъ желалъ его возвесть на Епископскую каѳедру, на которую Богъ его опредѣлилъ. Къ нему приставили стражей, дабы онъ не ушолъ, и подали челобитную Императору, чтобъ онъ подтвердилъ сіе избраніе.

L'Empereur y consentit très-volontiers, & donna ordre qu'on le fît batiser promptement, & qu'on le consacrât huit jours après. On rapporte, que ce Prince voulut assister lui-même à son sacre, & qu'a la fin de la cérémonie levant les yeux & les mains au Ciel, il s'écria transporté de joie: *Je vous rends graces, mon Dieu, de ce que vous avez confirmé mon choix par le vôtre, en commettant la conduite de nos ames à celui à qui j'avois commis le Gouvernement de cette Province.* Le saint Archevêque s'appliqua

Императоръ весьма охотно на то согласился, и приказалъ окрестить его немедлѣнно, и посвятить по прошествіи восьми дней. Сказываютъ, что сей Государь изволилъ самъ быть при его посвященіи, и что при окончаніи сего обряду поднявъ глаза и руки къ небу онъ воскликнулъ отъ радости: *Благодарю тебя, Боже мой, что ты подтвердилъ мой выборъ своимъ, поручая попеченіе о душахъ нашихъ тому, которому я поручилъ*

Theodoret Lib. 4. cap. 7.

tout entier à l'étude des saintes Ecritures, & au rétablissement de la Foi & de la Discipline dans son Diocèse.

правленіе сей провинціи. Святой Архіепископъ вдался совершенно въ изученіе священнаго Писанія, и принялъ трудъ востановлять вѣру, и благочиніе въ своей епархіи.

Сію исторію заставятъ прочитать съ ряду одного или двухъ учениковъ, а другимъ велятъ смотрѣть въ ихъ книги, дабы имъ дать понятіе о томъ дѣлѣ, о которомъ рѣчь идетъ. Принято будетъ попеченіе о томъ, чтобъ они наблюдали въ семъ чтеніи правила, о которыхъ имъ сказано было, чтобъ останавливались больше или меньше, смотря на различіе знаковъ раздѣленія; чтобъ произносили каждое слово, и каждой слогъ по надлежащему, и чтобъ принимали природной голосъ, и его перемѣняли, только безъ притворства и принужденія.

Послѣ сего перваго чтенія, ежели будетъ что нибудь примѣчанія достойно въ разсужденіи или правописанія, или языка, то учитель сіе покажетъ не многими словами. Въ напечатанной книгѣ стоитъ, *baptiser*, *promptement*, *empescher*, *vescu*, *throsne*, и проч. Однакожъ я почелъ, что мнѣ не надлежало при-

вязываться къ такому манеру писанія, вмѣсто котораго я поставилъ свой. Я употребляю такуюжъ вольность во всѣхъ приводахъ для избѣжанія помѣшательной розницы, къ которой бы меня обязала надобность непремѣнная приводить каждаго писателя съ правописаніемъ ему собственнымъ.

Bizare, вздорный. Надлежитъ изъяснить силу сего прилагательнаго, которое показываетъ, что въ особѣ или вещи, къ которой оно придается, есть нѣчто необычайное и грубое. Оно значитъ упрямаго, своенравнаго, скучнаго, непріятнаго, *Esprit bizarre, conduite bizarre, voix bizarre.*

Caprice (своенравіе). Сіе слово такъ же достойно изъясненія. Оно показываетъ свойство человѣка, которой поступаетъ смотря по тому, что ему придетъ въ голову, а не по разуму и основаніямъ. Надлежитъ мимоходомъ показать срамъ сихъ двухъ пороковъ, что называютъ *поступать вздорно и своенравно, agir bizarrement & par caprice.*

Procéder à l'élection. Сіе слово *procéder* есть собственно сей рѣчи. Оно имѣетъ и другія означенія, которыя можно показать.

Commettre la conduite des ames, или *le gouvernement d'une Province à quel qu'un. Commettre* значитъ повѣрить, поручить должность, въ

которой надлежитъ отвѣтъ давать. Оно
Cic. Verr. 7. n. 5. происходитъ отъ слова Латинскаго *committere*, которое тотъ же имѣетъ смыслъ. *Quos adhuc mihi Magistratus Populus Romanus mandavit, sic eos accepi, ut me omnium officiorum obstringi religione arbitrarer. Ita Quaestor sum factus, ut mihi honorem illum non tam datum, quam creditum ac commissum putarem.* Изъясняя такимъ образомъ силу сего слова чрезъ приведенїе мѣста изъ Цицерона даютъ важное наставленїе, которое непримѣтно бываетъ, о свойствѣ и обязательствахъ должностей принимаемыхъ какъ въ свѣтѣ, такъ и въ церкви. *Commettre* имѣетъ еще другїя означенїя. *Commettre quel-qu'un pour veiller sur d'autres. Поставить кого нибудь надзирателемъ надъ другими. Commettre une faute. Здѣлать погрѣшенїе. Se commettre avec quel-qu'un. Вступить въ споръ, или заздорить съ кѣмъ нибудь. Commettre l'autorité du Prince. Подвергнуть опасности честь Государя.* Всѣ сїи означенїя ученикамъ изъясняются.

Afin que la Ville Imperiale se sanctifiât par ses instructions & par ses exemples. Здѣсь будетъ случай изъяснить имъ правило, которое находится въ примѣчанїяхъ г. Вожласа. „Повто„ренїе предлоговъ не нужно именамъ, какъ „только тогда, когда два существитель„ныя разнаго бываютъ означенїя. Напримѣръ:

„*par les ruſes & les artifices de mes ennemis. Ruſes*
„и *artifices* одно значатъ и по тому не на-
„добно повторять предлога *par*. Но есть-
„либъ вмѣсто *artifices* стояло *armes*, тогда
„уже надлежало бы сказать, *par les ruſes &*
„*par les armes de mes ennemis*; за тѣмъ что *ruſes*
„и *armes*, не одно или не подобное означа-
„ютъ. Вотъ примѣръ подобное значущихъ:
„*pour le bien & l'honneur de ſon Maitre. Bien* и *hon-*
„*neur* не однозначащія суть имена, однакожъ
„они равное или сходственное имѣютъ озна-
„ченіе, по тому что *bien* есть родъ заключа-
„ющій въ себѣ *honneur*, такъ какъ его видъ.
„Когдабъ вмѣсто *honneur* положилось *mal*,
„тогда бы надобно было повторить пред-
„логъ *pour*, и говорить, *pour le bien & pour le*
„*mal de ſon Maitre*. Тожъ разумѣть должно
„о многихъ другихъ предлогахъ, каковы суть,
„*contre*, *avec*, *ſur*, *ſous* и имъ подобные.

Послѣ сихъ Грамматическихъ примѣчаній, прочтется въ другой разъ такъ самая повѣсть, и при всякомъ періодѣ спросятъ у молодыхъ людей, что они находятъ примѣчанія достойнаго, въ разсужденіи или выраженія, или мыслей, или нравовъ. Вопрошеніе сего роду дѣлаетъ ихъ вникательнѣе, принуждаетъ дѣйствовать своимъ разумомъ, даетъ имъ случай направлять ихъ вкусъ и

разсужденіе, побуждаетъ ихъ сильнѣе къ разумѣнію писателя чрезъ тайное угожденіе, которое они чувствуютъ, думая, что они сами собою открываютъ всѣ его изрядства и красоты, и приводитъ ихъ помалу въ состояніе обходиться безъ помощи учителя, что главнымъ есть намѣреніемъ, къ которому долженствуетъ клониться трудъ имъ предпріемлемой въ обученіи ихъ. Послѣ сего учитель прибавляетъ и дополняетъ то, чего недостаетъ въ ихъ отвѣтахъ; распространяетъ и плодитъ то, что они сказали очень кратко; пересказываетъ и исправляетъ то, въ чемъ они могли обмануться.

Онъ потребовалъ отъ нихъ человѣка глубокаго знанія и безпорочной жизни, дабы Императорской городъ святился его наставленіями и примѣрами. Сколь сіе великимъ служитъ наставленіемъ! Не довольно знанія одного къ отправленію церковныхъ званій: добронравіе больше еще къ тому потребно. Сіе послѣднее качество долженствуетъ предшествовать первому. По сей причинѣ историкъ Ѳеодоритъ, изъ котораго сіе мѣсто взято, поставилъ нравы прежде знанія, и примѣръ прежде наставленія сходственно съ

Лук. XXIV.19. Дѣян. I. 1.

тѣмъ, что говорится о І. Христѣ, а имянно, что онъ былъ *силенъ дѣлами и словами, яже сотвори, и ихъ же научи.*

чтобъ Императоры, которые суть повелители свѣта, и при всемъ томъ не минуютъ быть великими грѣшниками, могли принимать его совѣты съ довѣренностїю, и его увѣщанїя съ почтенїемъ. Можно было написать просто, *дабы Императоры были больше въ состоянїи пользоваться его совѣтами и увѣщанїями.* Какой красы и какой твердости не придаютъ сей мысли два прилагательныя и два качества, которыя приписываются здѣсь Императорамъ, и изъ которыхъ одно, кажется, поставляетъ ихъ выше уличенїй, а другое показываетъ крайнюю нужду, которую они въ оныхъ имѣютъ? Примѣчена такъ же будетъ исправность и сходствїе двухъ частей, которыя составляютъ послѣднїй членъ: *принимать совѣты съ довѣренностїю, и увѣщанїя съ почтенїемъ.*

Онъ имъ отвѣчалъ, что сїе дѣло было сверхъ силъ его, и что сей выборъ къ нимъ принадлежалъ. Удивляйтесь просвѣщенному благочестїю Валентинїана, которой не хочетъ обременяться выборомъ Епископа, вѣдая, что онъ былъ отвѣтчикомъ въ страшныхъ послѣдствїяхъ, которыя такой выборъ имѣть можетъ. При семъ случаѣ упоминается изрядная рѣчь Екатерины, Порту-

Д. Барѳ. кн. 1. гл. 6. гальской Королевы. *Я бы желала*, говорила она, *чтобъ во время моего правленія Елисколы Португальскіе были безсмертны, дабы мнѣ не быть принужденной давать какое нибудь Елисколство.*

Елисколы собрались. Здѣсь кратко изъяснено будетъ, какимъ образомъ въ древности дѣлались избранія, и по какимъ степенямъ они дошли до сего состоянія, въ которомъ мы ихъ видимъ.

Амвросій пришелъ въ церковь, чтобъ воспрепятствовать безпорядку. При сихъ словахъ покажутъ, какимъ образомъ Божественное провидѣніе начальствуетъ во всѣхъ совѣтахъ, а особливо въ церковныхъ собраніяхъ; какъ оно скрывается подъ дѣлами, которыя кажутся произшествіемъ одного случая, которымъ однакожъ быть оно тайнымъ образомъ повелѣло; со сколь верховною властію оно располагаетъ произволенія людей, которыя оно приводитъ всегда безъ препятствія къ своимъ намѣреніямъ, не дѣлая насилія ихъ свободѣ: сколь оно повелѣваетъ нашими мыслями, и съ какою удобностію утишаетъ и соединяетъ сердца, которыя за одну минуту прежде были столь несогласны, и совсѣмъ готовы поднять явное возмущеніе.

Что онъ еще и не крестился. Тутъ кратко упомянется о древнемъ обыкновеніи отсрочивать крещеніе, и на сіе предложатся примѣры. Присовокуплено еще будетъ примѣчаніе, что сія отсрочка могла имѣть два побужденія: одно то, чтобъ приготовиться къ принятію достойнѣйшимъ образомъ крещенія, и притти въ состояніе сохранять съ большею безопасностію его дѣйствіе и силу; другое, чтобъ жить безъ наказанія въ утѣхахъ и беззаконіи. Церковь похваляла первое, а второе охуждала.

Къ нему приставили стражей, дабы онъ не ушолъ. Въ семъ мѣстѣ откроютъ тщетныя старанія святаго Амвросія объ освобожденіи отъ Епископства: стремительное его бѣжаніе во всю ночь и неизвѣстные пути, которые привели его назадъ къ тому мѣсту, изъ котораго онъ выбѣжалъ; вымышленное представленіе безчеловѣчія, которое онъ показалъ на судѣ имъ учиненномъ; и другія еще хитрости удивительнѣйшія, которыя онъ употребилъ противъ благопристойности и правилъ, но коихъ истинную причину народъ довольно вѣдалъ.

Здѣсь весьма пристойной будетъ случай показать молодымъ людямъ, что въ первые вѣка церкви надлежало дѣлать насиліе свя-

тымъ мужамъ, дабы ихъ принудить въ священнической или епископской чинъ, и что исторія церковная сообщаетъ на сіе множество изрядныхъ и пріятныхъ намъ примѣровъ, которыхъ однакожъ время не позволяетъ имъ расказывать. Чрезъ то возбуждается ихъ любопытство, и въ другихъ случаяхъ имъ объявляютъ, сколько пролили слезъ святый Василій, Григорій Назіанзинъ, Златоустъ, Августинъ, Павлинъ, и премногіе другіе, когда они принуждены были принять священство, или епископство, и сколько страхъ ихъ былъ безпритворенъ, и ихъ болѣзнь велика и искренна. Къ сему присовокупляютъ, что тягость сего бремени не уменшилась еще съ тѣхъ поръ, и стараются начертать въ ихъ сердцѣ сіе превосходное правило св. Григорія великаго. „Тотъ, кто „стяжаетъ добродѣтели нужныя къ правленію душъ, не долженъ за то приниматься, „какъ только по принужденію; а тотъ, кто „признаетъ въ себѣ, что онъ ихъ не имѣ„етъ, не долженъ браться за оное, хотя „бы его и хотѣли къ тому насильно при„нудить.„

Императоръ приказалъ окрестить его немедлѣнно, и посвятить по прошествіи восьми дней. Надлежитъ увѣдомить, что сіе

постановленїе было противЪ запрещенїя св. Павла, которой не велѣлЪ поставлять вЪ Епископы никого изЪ новокрещенныхЪ, и противЪ обыкновенныхЪ правилЪ церкви; но что ето былЪ самЪ установитель сихЪ правилЪ, которой выключилЪ изЪ нихЪ св. Амвросїя чрезЪ явное насилїе, которое его попущенїемЪ здѣлалЪ ему вЪ семЪ случаѣ народЪ, которой не хотѣлЪ совсемЪ и слышать его представленїй и отговорокЪ. СверьхЪ сего правосудїе Амвросїя, его добронравїе, и достоинство извѣстное всему свѣту, поставляли его выше ХристїанЪ новообращенныхЪ. 1 Тимоѳ. III. 6.

Естьли бы повседневно происходило чтенїе вЪ классѣ такимЪ порядкомЪ, то удобно понять, сколь бы далеко распространился успѣхЪ по нѣсколькихЪ лѣтахЪ, коликое бы знанїе прїобрѣли молодые люди вЪ ихЪ языкѣ; сколько бы они переняли любопытныхЪ вещей касающихся до исторїи или до древнихЪ обыкновенїй; какоебЪ множество нравоученїя собралось нечувствительно вЪ ихЪ сердцѣ; сколько бы превосходныхЪ и полезныхЪ для поведенїя жизни правилЪ они прїобрѣли изЪ различныхЪ частицЪ исторїй ими читаемыхЪ или имЪ расказываемыхЪ; наконецЪ сЪ какою бы охотою кЪ чтенїю они вышли изЪ коллегїи; что я почитаю однимЪ изЪ

главныхЪ плодовЪ, которыхЪ надлежитЪ ожидать отЪ воспитанія, по тому что сія охота, какЪ уже о томЪ упомянуто, предохранитЪ ихЪ отЪ премногихЪ опасностей сЪ праздностію соединенныхЪ, заставитЪ ихЪ любить и искать содружества ученыхЪ и разумныхЪ людей, и приведетЪ кЪ нимЪ вЪ ненависть сіи безсмысленные и лишенные всякой твердости разговоры, которые бываютЪ произшествіемЪ невѣжества, и источникЪ безчисленныхЪ золЪ.

Я не думаю, чтобЪ кто нибудь одинЪ получасЪ ежедневно или по крайней мѣрѣ черезЪ день употребленное на изученіе природнаго языка почелЪ чрезвычайно великимЪ временемЪ, между тѣмЪ какЪ весь остатокЪ опредѣляется на упражненіе вЪ другихЪ двухЪ языкахЪ, отЪ которыхЪ главная польза долженствуетЪ быть та, чтобЪ мы совершались вЪ нашемЪ. Я большую имѣю причину опасаться укоренія вЪ томЪ, что мы очень мало полагаемЪ времени на оной: но многоразличность вещей, которымЪ надлежитЪ обучать вЪ классахЪ, принуждаетЪ насЪ заключаться вЪ тѣсныхЪ предѣлахЪ; и я долженЪ напомянуть ПрофессорамЪ, чтобЪ они изЪ ихЪ ни когда не выступали, и не распространяли много нравоучительныхЪ и благо-

честивыхъ разсужденій, которыя, дабы могли имѣть желаемое дѣйствіе, долженствуютъ быть испущены такъ какъ стрѣлы, безъ очевиднаго умыслу, и всегда безъ принужденія и притворства.

§ III. Когда отроки будутъ нѣсколько разумѣть Латинскихъ писателей, то надобно заставить ихъ переводить письменно выборныя мѣста изъ оныхъ. О переводѣ.

Надлежитъ, чтобъ переводъ съ начала былъ простъ, ясенъ, исправенъ, и чтобъ онъ представлялъ совершенно мысли, да и самыя выраженія, сколько тому быть можно. По томъ примутъ трудъ вычищать и украшать его, выражая тонкость и красоту Латинскихъ рѣчей чрезъ такія, которыя могутъ имъ соотвѣтствовать въ нашемъ языкѣ. Наконецъ отвѣдаютъ мало по малу приводить молодыхъ людей къ сей степени совершенства, которая составляетъ успѣхъ въ ономъ родѣ писанія, къ сей, то есть, надлежащей посредственности, которая, удаляясь равно отъ принужденнаго раболѣпства и отъ излишной вольности, выражаетъ вѣрнымъ образомъ всѣ мысли, но такъ, что меньше помышляетъ о числѣ, нежели о силѣ словъ.

Ето есть правило, которое (*) Цицеронъ, какъ онъ самъ объявляетъ, наблюдалъ въ переводѣ противныхъ рѣчей двухъ славнѣйшихъ Ораторовъ въ Греціи. „Сколь жалко, „говоритъ г. де Турель въ изрядномъ предисловіи къ его переводу сихъ двухъ рѣчей, „что списокъ, которой находился еще во „время св. Іеронима, и которой для превосходства спищика долженствовалъ столь „много походить на подлинникъ, не дошелъ „до насъ! Онъ бы насъ научилъ исправно „переводить: онъ бы намъ показалъ способъ „свергать съ себя въ пристойныхъ случаяхъ „иго скучной точности, и чрезмѣрнаго порабощенія; онъ бы наконецъ предписалъ предѣлы какъ благоразсудной боязливости, „такъ и счастливой отважности. Цицеронъ, „правда, означаетъ способъ, которому надлежитъ слѣдовать; но примѣръ научаетъ „совсемъ иначе, нежели правило.

Господинъ де Турель, говоря о трудностяхъ перевода, сообщаетъ объ ономъ нѣ-

(*) Converti ex Atricis - - nec converti ut interpres, ſed ut orator, ſententiis iiſdem & earum formis tanquam figuris, verbis ad noſtram consvetudinem aptis, in quibus non verbum pro verbo neceſſe habui reddere, ſed genus omnium verborum, vimque ſervavi. Non enim ea me annumerare lectori putavi oportere, ſed tanquam appendere. Cic. *de opt. gen. Orat. n.* 14.

сколько общихъ правилъ, которыя учители и ученики употребить могутъ въ пользу. „Къ сему всегдашнему принужденїю, говоритъ „онъ, присовокупляется еще различїе язы„ковъ. Оно всегда тебѣ дѣлаетъ остановку, „а часто и въ отчаянїе тебя приводитъ. Ты „чувствуешь, что особливое свойство одно„го бываетъ часто противно свойству дру„гаго, и что оно пропадаетъ почти всегда „въ переводѣ. По чему справедливо обыкно„венные переводы уподоблены изнанкѣ ко„вровъ, которая много что удерживаетъ „грубыя черты оканчивающихся фигуръ, кои „лицо (настоящая сторона) представляетъ.

По предложенїи прекраснаго мѣста изъ Квинтилїана о трудности подражанїя, онъ присовокупляетъ: „ето правда, что когда „я перевожу, то слѣдую за другимъ, кото„раго я избралъ предводителемъ; и самое „лучшее для меня дѣло въ семъ случаѣ есть „то, чтобы остерегаться, дабы моя при„вязанность къ предводителю не очень да„леко простиралась, и дабы она не превра„тилась въ раболѣпство, за тѣмъ что ина„че вмѣсто подлинниковъ исполненныхъ жи„вости и жару, я представилъ бы бездуш„ные и холодные списки. Я имѣю еще и „другихъ кромѣ сего важнаго за меня руча-

„шеля, которой вЪ подобномЪ случаѣ (*) не „отдается вЪ порабощенїе слову, дѣлается „обладателемЪ смысла, и такЪ какЪ бы по „праву завоеванїя подвергаетЪ оной рѣчамЪ „своего природнаго языка.

„Но сЪ другой стороны переводЪ очень „вольной имѣетЪ такЪ же свои невыгоды, и „избѣгая одной крайности, онЪ впадаетЪ вЪ „другую. Всякой парафразисЪ затмѣваетЪ „текстЪ. Вмѣсто того, чтобЪ представить „изображенїе, которое онЪ обѣщаетЪ, онЪ „начертываетЪ половину отЪ себя, а дру„гую сЪ подлинника; изЪ чего составляется „не знаю какое чудовище, которое не по„ходитЪ ни на подлинникЪ, ни на списокЪ. „ОднакожЪ переводчикЪ, собственно говоря, „не иное что есть, какЪ живописецЪ, кото„рой принимается списывать. Но всякой спи„счикЪ, которой хоть перемѣшиваетЪ толь„ко черты, или которой ихЪ украшаетЪ и „переправляетЪ на свой манерЪ, дѣлается не „вѣрнымЪ. ОнЪ погрѣшаетЪ вЪ правилѣ, и „поступаетЪ противЪ своего собственнаго „плану, позабывая то, что онЪ совершилЪ „свое дѣло, когда достигнулЪ сходствїя, и „что онЪ теряетЪ напрасно весь свой трудЪ,

(*) Quasi captivos ſenſus in ſuam linguam victoris iure tranſpoſuit. *Hieron. ad Pammac.*

„когда сего сходствія у него недостаетъ. И
„по тому я, какъ простой переводчикъ, имѣю
„передъ собою образецъ, и не могу довольно
„ему соображаться. Ежели я распространяю
„или умножаю то, что онъ стѣсняетъ, или
„сокращаетъ; ежели отягощаю его украше-
„ніями тогда, какъ онъ ихъ пренебрегаетъ;
„ежели помрачаю его красоты, или прикры-
„ваю его недостатки, и ежели наконецъ ха-
„рактеръ моего писателя, каковъ бы онъ ни
„былъ, не виденъ бываетъ въ словахъ мною
„ему сообщаемыхъ; то я уже не его, но се-
„бя самаго представляю: и обманывая подъ
„именемъ переводчика, я не перевожу, но
„произвожу.

„И такъ первое обязательство переводчи-
„ка есть то, чтобъ онъ точно вызналъ при-
„роду и свойство писателя, котораго онъ
„переводить хочетъ; чтобъ превратился въ
„него, сколько возможно; чтобъ принялъ на
„себя чувствія и страсти, которыя онъ обя-
„зывается намъ сообщить; чтобъ укрощалъ
„въ своемъ сердцѣ сіе внутреннее самоугож-
„деніе, которое не перестаетъ насъ обра-
„щать къ себѣ самимъ и которое вмѣсто
„того, чтобъ насъ примѣнять къ другимъ,
„примѣняетъ къ намъ оныхъ; словомъ ска-
„зать, чтобъ онъ изображалъ съ одинакою

„пріятностію и силою фразисы и фигуры „подлинника, такъ что, ежели нашъ языкъ „чрезмѣрно здѣлавшись принужденъ отъ по- „рабощенія совершенному оныхъ сходствію, „не можетъ ему подать нужнаго къ сему, „то чтобъ онъ освободился отъ такова рабо- „лѣпства, и принялъ всѣ вольности, кото- „рыя приводятъ насъ въ состояніе удовле- „творять равноцѣнными выраженіями.

Предисловіе къ переводу Омира.

Я присовокуплю здѣсь одно разсужденіе госпожи Дассіерши, которое можетъ послужить поправкою, или лутче сказать, изъясненіемъ тому, что сказалъ господинъ де Турель; что переводчикъ, то есть, собственно говоря, не иное что есть, какъ списчикъ. „Когда я говорю о переводѣ про- „заическомъ, то я не разумѣю переводу по- „рабощеннаго: я говорю о благородномъ и „отважномъ переводѣ, которой прилѣпляясь „крѣпко къ мыслямъ подлинника, изыскива- „етъ красоты своего языка, и представляетъ „изображенія не считая словъ. Первой изъ „нихъ для излишней вѣрности дѣлается весь- „ма невѣрнымъ; за тѣмъ что для сохраненія „слова, онъ разрушаетъ смыслъ, что быва- „етъ дѣйствіемъ холоднаго и неплодовитаго „разума: вмѣсто того, что другой стараясь „болѣе всего сохранять смыслъ, не минуетъ,

„при наибольшихъ своихъ вольностяхъ со-
„хранить слова; и чрезъ свои отважныя, но
„всегда подлинныя черты, онъ дѣлается не
„только вѣрнымъ спискомъ своего подлинни-
„ка, но и еще вторымъ подлинникомъ; что не
„можетъ произойти, какъ только отъ твер-
„даго, благороднаго и изобильнаго разума.
„Переводъ совсемъ другое дѣло, нежели спи-
„сокъ картины. Списчикъ тутъ принужденъ
„бываетъ слѣдовать чертамъ, цвѣтамъ, раз-
„мѣрамъ, контурамъ, и положенїямъ подлин-
„ника, которой онъ списываетъ. Напротивъ
„того исправной переводчикъ меньше имѣетъ
„принужденїя - - - Въ семъ подражанїи, такъ
„какъ и во всѣхъ другихъ, надлежитъ, чтобъ
„духъ исполненной красотами, которымъ онъ
„хочетъ подражать, и напоенной счастли-
„выми парами поднимающимися изъ сихъ обиль-
„ныхъ источниковъ, восхищенъ былъ симъ
„чужимъ восторгомъ такъ какъ своимъ соб-
„ственнымъ, и чтобъ такимъ образомъ онъ
„произвелъ рѣчи и изображенїя весьма отмѣн-
„ныя, хотя въ протчемъ сходственныя.

Сихъ правилъ, о которыхъ я объявилъ теперь, довольно будетъ для учениковъ. Надлежитъ только ихъ увѣдомить, что переводъ стихотворцовъ имѣетъ нѣсколько такихъ, которыя ему собственны, и что хотя

бы онъ былъ прозаическимъ, однакожъ долженствуетъ отзываться свойствомъ поэзіи; сохранять ея жаръ, живость, и благородную отважность; и слѣдовательно употреблять не сумняся слово, фразисы, фигуры, которыя бы показались несносны въ ораторѣ или историкѣ.

Я уже показалъ, что весьма полезно выбирать наилучшія мѣста въ писателяхъ, дабы ихъ переводили молодые люди. Кромѣ того, что они находятъ въ нихъ много пріятности, и ихъ переводятъ съ большимъ стараніемъ, то есть надежнѣйшее средство къ направленію ихъ вкуса. Чрезъ то они подружаются съ сими писателями, и перенимаютъ у нихъ нечувствительно фразисы, манеры, замыслы.

Когда сіи писатели переведены будутъ искусными людьми, то не безполезно будетъ сравнивать оные переводы съ переводами учениковъ, дабы придать симъ больше ободренія, и предложить хорошіе образцы. Они не устыдятся быть побѣжденными отъ такихъ переводчиковъ. Они сочтутъ себя въ честь за ними послѣдовать, хотя издалека; и будутъ усиливаться, чтобъ приближиться къ нимъ, сколько можно, болѣе. Иногда они съ ними сравняются, а можетъ статься,

и превзойдутъ ихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

Понеже примѣры больше всегда имѣютъ силы, нежели правила, то я предложу здѣсь переводъ нѣкоторыхъ писемъ Плинїя младшаго, которой будетъ безъ сумнѣнїя весьма прїятенъ читателю и весьма полезенъ молодымъ людямъ.

C. Plinius Cornel. Tacito ſuo. S.

Ridebis, & licet rideas. Ego Plinius ille, quem noſti, apros tres, & quidem pulcherrimos, cepi. Ipſe? inquis. Ipſe: non tamen ut omnino ab inertiá meá & quiete diſcenderem. Ad retia ſedebam, erant in proximo, non venabulum aut lancea, ſed ſtylus & pugillares. Meditabar aliquid enotabamque, ut, ſi manus vacuas, plenas tamen ceras reportarem. Non eſt, quod contemnas hoc ſtudendi genus. Mirum eſt, ut animus agitatione motuque corporis excitetur. Iam undique ſilvae & ſolitudo, ipſumque illud ſilentium, quod venationi datur, magna cogitationis incitamenta ſunt. Proinde, cum venabere, licebit, auctore me, ut panarium & lagunculam, ſic etiam pugillares feras. Experieris non Dianam magis montibus quam Minervam inerrare. Vale. Lib 1. ep. 6.

A Corneile Tacite. *Корнелїю Тациту.*

Vous allez rire, & je vous le permets: riezen tant qu'il vous plaîra. Ce

Вы будете смѣяться; и это я вамъ позволяю; смѣйтесь, сколько вамъ

Pline que vous connoissez, a pris trois sangliers, mais très-grands. Quoi lui même, ites-vous ? lui même. N'allez pourtant pas croire qu'il en ait coûté beaucoup à ma paresse. J'étois assis près des toiles. Je n'avois à côté de moi ni épieu ni dard, mais des tablettes & une plume. Je rêvois, j'écrivois, & je me préparois la consolation de remporter mes feuilles pleines, si je m'en retournois les mains vuides. Ne méprisez pas cette manière d'étudier. Vous ne sauriez croire combien le mouvement du corps donne de vivacité à l'esprit: sans compter que l'ombre des forêts, la solitude, & ce profond silence qu'exige la chasse, sont trèspropres à faire naître d'heureuses pensées. Ainsi croyez moi, quand vous irez chasser, portez votre pannetiére & votre bouteille, mais n'oubliez pas vos tablettes. Vous

угодно. Я тотъ Плиній, котораго вы знаете, поймалъ трехъ кабановъ отмѣнной величины. Какъ! самъ? скажете вы. Самъ. Однако вы не думайте, чтобъ ето многова стоило моей лѣности. Я сидѣлъ близъ тенетъ. И не имѣлъ при себѣ ни рогатины, ни копья, но записную книжку и перо. Я размышлялъ, писалъ и приготовлялся утѣшать себя тѣмъ, что принесу съ собою по крайней мѣрѣ листы мои наполненны, ежели я возвращусь съ пустыми руками. Не презирайте такова ученія. Вы едва можете повѣрить, сколько движеніе тѣла придаетъ живости разуму: не считая того, что тѣнь лѣсная, уединенность, и сіе глубокое молчаніе, котораго требуетъ ловля звѣриная, суть весьма способны къ произведенію

éprouverez que Minerve se plaît autant sur les montagnes que Diane. Adieu.

счастливыхъ замысловъ. И такъ послушайтесь меня; когда вы пойдете на охоту, то понесите съ собою коробъ и бутылку, но не забудьте притомъ и вашей книжки. Вы найдете, что Минервѣ не меньше угодно быть на горахъ, какъ и Дiанѣ.

Здѣсь все переведено литерально, и съ великою вѣрностiю; однакожъ нѣтъ ничего принужденнаго, ничего, что бы отзывалось переводомъ; все имѣетъ видъ подлинника.

Молодымъ людямъ примѣчать велятъ, что *Ego Plinius ille* не можно перевесть красиво на Французскомъ языкѣ чрезъ первое лице: что надлежало поставить вмѣсто слова *ceras*, другое выраженiе сходственнѣйшее съ нашимъ употребленiемъ, и что сiя рѣчь, *тѣнь лѣсная*, дѣлаетъ звукъ многочисленнѣйшiй и слуху прiятнѣйшiй, нежели когдабъ поставлено было такъ какъ въ Латинскомъ, *не считая, что лѣса, уединенность, и проч.*

C. Plinius Minutio Fund. suo S.

Mirum est, quam singulis diebus in urbe ratio aut constet, aut constare videatur pluribus, cunctisque (или Lib. I. ep. 8.

junctisque) non constet. Nam, si quem interroges: hodie quid egisti? respondeat: officio togae virilis interfui; sponsalia aut nuptias frequentavi; ille me ad signandum Testamentum, ille in advocationem, ille in consilium rogavit. Haec, quo die feceris, necessaria, eadem, si quotidie fecisse te reputes, inania videntur, multò magis cum secesseris. Tunc enim subit recordatio, quot dies quam frigidis rebus absumpsi? Quod evenit mihi postquam in Laurentino meo aut lego aliquid, aut scribo, aut etiam corpori vaco, cuius fulturis animus sustinetur. Nihil audio, quod audisse, nihil dico, quod dixisse poeniteat. Nemo apud me quemquam sinistris sermonibus carpit: neminem ipse reprehendo, nisi unum me, cum parum commode scribo. Nullá spe, nullo timore sollicitor, nullis rumoribus inquietor. Mecum tantum & cum libellis loquor. O rectam sinceramque vitam! O dulce otium, honestumque, ac pene omni negotio pulcrius! O mare, ó littus, verum secretumque μουσεῖον! Quam multa invenitis, quam multa dictatis! Proinde tu quoque strepitum istum, inanemque discursum, & multúm ineptos labores, ut primum fuerit occasio, relinque, teque studiis vel otio trade. Satius est enim, ut Attilius noster eruditissime simul & facetissime dixit, otiosum esse, quam nihil agere. Vale.

A Minutius Fundanus. Минуцію Фундану.

C'est une chose étonnante de voir, comment le tems se passe à Rome. Prenez chaque journée à part, il n'y en à point qui ne

Чудное дѣло видѣть, какимЪ образомЪ время проходитЪ вЪ Римѣ. Возмите всякой день особенно, не будетЪ ни одного

ſoit remplie: raſſemblez les toutes, vous êtes ſurpris de les trouver ſi vuides. Demandez à quelqu'un, qu'avez-vous fait aujourd'hui? j'ai aſſiſté, vous dira-t-il, à la cérémonie de la robe virile, qu'un tel a donnée à ſon fils. J'ai été prié à des fian-çailles ou à des noces. On m'a demandé pour la ſignature d'un Teſtament. Celui-ci m'a chargé de ſa cauſe. Celui-là m'a fait appeller à une conſultation. Chacune de ces choſes, quand on l'a faite, a paru néceſſaire: toutes enſemble paroiſſent inutiles & bien davantage quand on les repaſſe dans une agréable ſolitude. Alors vous ne pouvez vous empêcher de vous dire: A quel les bagatelles ai-je perdu mon tems? C'eſt ceque je répéte ſans-ceſſe dans ma terre de Laurentin, ſoit que je liſe, ſoit que j'écrive; ſoit qu'àmes études je mêle les

которой бы не былъ исполненъ: соберите ихъ всѣхъ вмѣстѣ, вы удивитесь находя ихъ столь пустыми. Спросите кого нибудь, что ты сегодня здѣлалъ? Я былъ, скажетъ онъ вамъ, при церемонїи мужеской одежды, которую такой то человѣкъ далъ своему сыну. Я приглашенъ былъ на сговоръ, или на свадьбу. Меня просили подписать Духовную. Сей повѣрилъ мнѣ свое дѣло. Тотъ призвалъ меня въ совѣтъ. Каждая изъ сихъ вещей по ея учиненїи казалась нужною; а соединясь всѣ вмѣстѣ онѣ кажутся безполезны, особливо еще, когда онѣ разсматриваются въ прїятномъ уединенїи. Тогда вы не можете удержаться, чтобъ не сказать себѣ: въ какихъ бездѣлицахъ я потерялъ свое время! Это есть то, что я по-

exercices du corps, dont la bonne disposition influe tant sur les opérations de l'esprit. Je n'entends, je ne dis rien, que je me repente d'avoir entendu, & d'avoir dit. Personne ne m'y fait d'ennemis par de mauvais discours. Je ne trouve à redire à personne, si non à moi-même, quand ce que je compose n'est pas à mon gré. Sans desirs, sans crainte, à couvert des bruits fâcheux, rien ne m'inquiéte. Je ne m'entretiens qu'avec moi & avec mes Livres. O l'agréable, ô l'innocente vie! Que cette oisiveté est aimable, qu'elle est honnête, qu'elle est préférable même aux plus illustres emplois! Mer, rivage, dont je fais mon vrai cabinet, que vous m'inspirez de nobles & d'heureuses pensées! Voulez-vous m'en croire, mon cher Fundanus? Fuyez les embarras de la ville. Rompez auplutôt cet enchaînement

вторяю безпрестанно въ моей землѣ Лаврентинской, хотя я читаю, хотя пишу, хотя при моихъ ученїяхъ екзерцитую тѣло, котораго доброе сложенїе столь много способствуетъ дѣйствїямъ разума. Я не слышу, и не говорю ничего, о чемъ бы я раскаивался, что слышалъ, или сказалъ. Никто мнѣ не дѣлаетъ непрїятелей худыми рѣчьми. Я никого не порочу, какъ только себя самаго, когда сочиненїе мое мнѣ не нравится. Не имѣя ни прихотей, ни опасности, и отдаленъ будучи отъ досадныхъ слуховъ, я ни чѣмъ не безпокоюсь. Я разговариваю только съ самимъ собою, и съ моими книгами. О прїятная, о невинная жизнь! сколь сїя праздность любезна, сколь честна, сколь превосходнѣе самыхъ знат-

de soins frivoles qui vous y attachent. Adonnez-vous à l'étude ou aurepos, & songez que ce qu'a dit si spirituellement & si plaisamment notre ami Attilius, n'est que trop vrai: il vaut infiniment mieux ne rien faire, que de faire des riens. Adieu.

ныхЪ дѣлЪ! О море, о берегЪ, которыя составляете мой истинной кабинетЪ, сколько благородныхЪ, сколько счастливыхЪ влагаете мнѣ мыслей! Послушайтесь меня, любезной мой ФунданЪ. Убѣгайте отЪ безпокойствїй городскихЪ. Прервите скоряе сїю цепь пустыхЪ попеченїй, которыя васЪ тамЪ привязываютЪ. Вдайтесь вЪ ученїе или покой, и подумайте, что рѣчь нашего друга Аттилїя столь остроумно и столь забавно сказанная весьма справедлива: лучше несравненно ничего не дѣлать, нежели дѣлать безделицы.

Удовольствїе чувствуемое при чтенїи сего переводу, большую дѣлаетЪ ему похвалу, нежели все то, что бы я могЪ объ немЪ сказать. То, что особливо мнѣ прїятно вЪ ономЪ, есть вѣрность переводчика вЪ выраженїи всѣхЪ мыслей, и всѣхЪ почти рѣченїй; и при всемЪ томЪ красивой видЪ, которой

онъ имъ даетъ; и ето есть то, что надлежитъ прилѣжно показывать молодымъ людямъ. Иногда приданное къ стати прилагательное возвышаетъ мысль: *сколько благородныхъ, сколько счастливыхъ влагаете мнѣ мыслей!* Можно было подлинникъ перевесть просто, *сколько влагаете мнѣ мыслей!* *Quam multa invenitis, quam multa dictatis!* Иногда Метафора поставленная вмѣсто простаго и натуральнаго выраженія украшаетъ фразисъ. Сіи слова Латинскія *& multum ineptos labores, ut primum fuerit occasio, relinque,* могли такъ стоять въ переводѣ: *оставте скоряе сіи пустыя упражненія.* Метафорическое выраженіе больше имѣетъ пріятности: *прервите скоряе сію цѣль пустыхъ попеченій, которыя васъ тамъ привязываютъ.* Тутъ наблюдается сходствіе и исправность словъ, которыя продолжаются въ той же самой Метафорѣ: *прервите, цѣпь, привязываютъ;* при семъ и то еще замѣчается, что Французской переводъ присовокупляетъ двѣ прекрасныя мысли къ Латинскому подлиннику: *цѣпь пустыхъ попеченій,* вмѣсто того, чтобъ сказать просто, пустыя попеченія *ineptos labores,* что больше имѣетъ силы и дѣйствія, и показываетъ, какимъ образомъ сіи упражненія послѣдуютъ безпрестанно одни за другими.

Которыя васъ тамъ привязываютъ, не стоитъ въ Латинскомъ, и было нужно къ учиненїю фразиса числительнѣйшимъ.

Я оставляю многїя симъ подобныя наблюденїя, чтобъ приступить скорѣе къ нѣкоторымъ критическимъ примѣчанїямъ. Мнѣ кажется, что въ дѣлѣ столь изрядномъ, какъ сїе, они долженствуютъ быть позволены; и что хотя бы въ немъ и сыскались нѣкоторыя погрѣшности, которыхъ и самые искуснѣйшїе люди едва минуютъ, однакожъ онѣ не уменшаютъ ни достоинства переводу, ни чести переводившаго. Въ протчемъ я дѣлаю здѣсь то, что бы я учинилъ въ классѣ читая сей переводъ ученикамъ, которымъ бы, какъ я думаю, я обязанъ былъ предлагать мои сумнѣнїя, и показывать тѣ мѣста, которыя могутъ удаляться отъ смыслу.

Сей довѣрилъ мнѣ свое дѣло. Я не вѣдаю, етотъ ли имѣютъ смыслъ сїи слова, *ille me in advocationem rogavit.* Въ доброй Латынѣ *Advocatus* не значитъ *Стряпчаго*, но того, которой помогаетъ стряпчему своими совѣтами, или своею силою присутствуя при тяжбѣ. Однакожъ во время Плинїя сїе слово имѣло и перьвое означенїе, и Квинтилїанъ употребляетъ его весьма часто въ семъ

смыслѣ. То, что принуждаетъ меня сумниться, что Advocatio значилобъ здѣсь должность стряпчаго, есть то, что различныя упражненія, о которыхъ упоминаетъ Плиній въ семъ письмѣ, состоятъ всѣ почти въ одной церемоніи, гдѣ потеряніе времени наиболѣе дѣлается чувствительно; вмѣсто того, что нѣтъ ничего дѣльнѣе, ничего важнѣе, какъ должность стряпчаго, и что не можно поистиннѣ почесть временемъ вотще употребленнымъ то, которое онъ провождаетъ въ защищеніи своихъ челобитчиковъ.

Каждая изъ сихъ вещей, по ея учиненіи, казалась нужною, а соединясь всѣ вмѣстѣ онѣ кажутся безполезны. Въ Латинскомъ стоитъ совсѣмъ другая мысль. *При разсмотрѣніи сихъ вещей въ тотъ самой день, какъ онѣ дѣлаются, онѣ кажутся нужны: но когда начинаютъ въ послѣдствіи разсуждать, что въ учиненіи оныхъ проведены были всѣ дни, то въ нихъ находятъ много пустоты и безполезности.*

Хотя при моихъ ученіяхъ екзерцитую тѣло, котораго доброе сложеніе столь много способствуетъ дѣйствіямъ разума. Надлежитъ увѣдомить молодыхъ людей, что иногда бываютъ въ Латинскомъ языкѣ такія мысли и выраженія, которыхъ не льзя точно

изъяснить во Французскомъ и вмѣсто которыхъ становить должно другїя, которыя бы походили на тѣ, сколько можно, болѣе. Сїе мѣсто находится тому примѣромъ, и мы увидимъ еще другїя въ послѣдствїи сего. Подлинникъ Латинскаго представляетъ здѣсь прекрасную мысль. Наше тѣло есть такъ какъ бы зданїе, но зданїе развальчивое, которое имѣетъ безпрестанную въ томъ надобность, чтобъ его подкрѣпляли и поддерживали, безъ чего оно упало бы и раззорилось немедлѣнно. Пища, покой, прогулка, различныя екзерцицїи служатъ ему вмѣсто подпоры и подкрѣпленїя. И въ тожъ самое время все сїе способствуетъ къ подкрѣпленїю духа. *Aut etiam corpori vaco, cuius fulturis animus sustinetur.* Французской переводъ не выразилъ сей красоты.

Никто мнѣ не дѣлаетъ непрїятелей худыми рѣчьми. Въ Латинскомъ вовсе не тотъ смыслъ; надлежитъ, чтобъ переводчикъ читалъ иначе, нежели мы имѣемъ въ текстѣ. *Nemo apud te quemquam sinistris sermonibus carpit*, значитъ, *никто передо мною не принимаетъ вольности безславить кого нибудь худыми рѣчьми.*

Сколь сїя праздность любезна --- сколь превосходнѣе самыхъ знатныхъ дѣлъ! под-

линникъ не столько жестокъ; онъ полагаетъ нѣкоторую поправку, которая нужна была для умягченія отважности и чрезмѣрности въ сей мысли. *O dulce otium honestumque, ac pene omni negotio pulchrius:* Въ самомъ дѣлѣ справедливо ли это, чтобъ сладость покоя была всегда превосходнѣе государственныхъ должностей, которыя суть чрезвычайно трудны и обременительны? Естлибъ сіе изреченіе имѣло мѣсто, то чѣмъ бы учинилось государство?

Лучше несравненно ничего не дѣлать, нежели дѣлать бездѣлицы. Можно сперва усумниться, подлинно ли сія мысль, хотя она прекрасна, есть писателя. Ибо *otiosum esse* не значитъ обыкновенно *ничего не дѣлать*, но быть празднымъ, быть безъ дѣла, безъ нужныхъ и нетерпящихъ времени упражненій, что не препятствуетъ упражняться, но подаетъ еще случай отправлять дѣло, только не принужденнымъ, и слѣдовательно пріятнѣйшимъ образомъ. Сей то есть смыслъ
Cic. Lib. 3. off. n. 1. замысловатой рѣчи Сципіона Африканскаго, которой говаривалъ, *nunquam se minus otiosum esse, quam cum otiosus esset*: (*) что *онъ не былъ*

(*) Я не знаю, исправно ли перевелъ сіе мѣсто г. Дюбоа. Онъ говаривалъ, *что онъ не имѣлъ*

никогда меньше празденъ, какъ когда находился въ праздности; никогда болѣе не упражнялся, нежели тогда, какъ онъ былъ безъ упражненія. Напротивъ того, *nihil agere* значитъ обыкновенно ничего не дѣлать; и это есть одинъ изъ трехъ пороковъ, которыми (†) Сенека укоряетъ премногихъ людей провождающихъ наибольшую часть ихъ жизни или въ бездѣйствіи, или въ худодѣяніи, или въ дѣланіи совсемъ чего нибудь другова, нежели надлежало.

Однакожъ естьли кто разсмотритъ со вниманіемъ то мѣсто, о которомъ рѣчь идетъ, то Французской переводъ выражаетъ вѣрно мысль текста. Ибо Плиній побуждаетъ Фундана удалиться въ деревню, дабы тамъ онъ вдался въ ученіе, или покой; *teque studiis vel otio trade*: которое противуположеніе показываетъ, что *otium* не долженствуетъ здѣсь считаться за одно со временемъ, которое опредѣляется для ученія. И такъ *otiosum esse* значитъ спокоиться, ничего не дѣлать; а *nihil agere* соотвѣтствуетъ пустымъ упражне-

никогда болѣе дѣлъ, нежели въ то время, какъ онъ безъ дѣлъ находился.

(†) Si volueris attendere, magna vitae pars elabitur male agentibus, maxima nihil agentibus, tota aliud agentibus. *Senec. ep.* 1.

ніямъ въ городѣ, которыя Плиній назвалъ *multum ineptos labores.* Слѣдовательно *nihil agere* выражается счастливо сими словами, *дѣлать безделицы,* тотъ же самой смыслъ приписывается сему изреченію въ Лексиконѣ называемомъ, *Сокровище* Стефана; *rebus inanibus implicari.* И въ сіе то время уже видно становится, что помянутая рѣчь сказана весьма замысловато и смѣшно, *eruditissime simul & facetissime*; вмѣсто того, что не было бы великаго остроумія, а еще меньше забавности, естьлибъ она значила, что *лучше быть празднымъ, нежели ничего не дѣлать.*

Мнѣ кажется, что сего роду критика можетъ быть полезна молодымъ людямъ; и что это есть изрядное средство къ направленію ихъ разсудка, чтобъ предлагать имъ сумнѣнія, такъ какъ я здѣсь учинилъ, и стараться, дабы они сами находили оныхъ рѣшеніе, естьли это бываетъ возможно.

C. Plinius Bedio Hispano suo S.

Lib. I. Ep. 24. *Tranquillus, contubernalis meus, vult emere agellum, quem venditare amicus tuus dicitur. Rogo cures, quanti aequum est, emat: ita enim delectabit emisse. Nam mala emptio semper ingrata est, eò maximè, quòd exprobrare stultitiam Domino videtur. In hoc autem agello (si modò arriserit pretium) Tranquilli mei stomachum multa sollicitant: vicinitas urbis, opportunitas viae, mediocritas villae, modus ruris, qui avocet ma-*

gis, quàm distringat. Scholasticis (alit. Dominis) porro studiosis, ut hic est, sufficit abundè tantum soli, ut relevare caput, reficere oculos, reptare per limitem, unamque semitam terere, omnesque viticulas suas nosse, & numerare arbusculas possint. Haec tibi exposui, quo magis scires, quantum ille esset mihi, quantum ego tibi debiturus, si praediolum istud, quod commendatur his dotibus, tam salubriter emerit, ut poenitentiae locum non relinquat. Vale.

A Bebius.

Suétone qui loge avec moi, a dessein d'acheter une petite Terre, qu'un de vos amis veut vendre. Faites ensorte, je vous prie, qu'elle ne soit vendue que ce qu' elle vaut. C'est à ce prix qu'elle lui plaira. Un mauvais marché ne peut être que desagreable, mais principalement par le reproche continuel qu'il semble nous faire de notre imprudence. Cette acquisition (si d'ailleurs elle n'est pas tropchére) tente mon ami par plus d'un endroit: son peu de distance de Rome, la commodité des chemins, la médiocrité des

Бебїю.

Светонїй, которой живетъ со мною, имѣетъ намѣренїе купитьнебольшую землю, которую одинъ изъ друзей вашихъ продать желаетъ. Постарайтесь здѣлать такъ, чтобъ она продана была за столько, какъ она стоитъ. По такой единственно цѣнѣ она ему угодна будетъ. Дорогая покупка не можетъ не быть противна, тѣмъ наипаче, что кажется, что она уличаетъ насъ безпрестанно въ нашей безразсудности. Сїе стяжанїе (естьли только оно не чрезвычайно дорого) прельщаетъ моего друга многими вы-

bâtimens, les dépendances plus capables d'amuser que d'occuper. En un mot il ne faut à ces Messieurs les Savans, absorbés comme lui dans l'étude, que le terrein nécessaire pour délasser leur esprit, & réjouir leurs yeux. Il ne leur faut qu' une allée pour se promener, qu'une vigne, dont ils puissent connoître tous les seps, que des arbres, dont ils puissent savoir le nombre. Je vous mande tout ce détail, pour vous apprendre quelle obligation il m'aura, & toutes celles que lui & moi vous aurons, s'il achette, à des conditions dont il n'ait jamais lieu de se repentir, une petite maison telle que je viens de la dépeindre. Adieu.

годностьми, каковы суть, малое онаго разстояніе отъ Рима, спокойность дорогъ, посредственность зданій, и принадлежности способнѣйшія къ увеселенію, нежели къ занятію трудами. Словомъ сказать, господамъ ученымъ погрузившимся, такъ какъ онъ, въ науки, ничего больше не надобно, какъ земля, которой довольно быть можетъ къ облегченію ихъ духа, и къ увеселенію ихъ глазъ. Имъ надобны только, алея для прохаживанія, виноградъ, котораго бы они могли знать всѣ кусты, и дерева, которыхъ бы число имъ извѣстно было. Я вамъ предлагаю всю сію подробность, дабы чрезъ то показать, сколько онъ мною, а я вами обязанъ буду, ежели онъ купитъ на такихъ дорогахъ, о которыхъ никогда не будетъ имѣть причины раскаиваться, домикъ такой, какъ я теперь его описалъ.

Сїе письмо, хотя очень кратко и просто, однакожъ много имѣетъ тонкости. Переводъ по счастїю выражаетъ всѣ его красоты, выключая только одну, которой нашъ Французской языкъ принять не можетъ; я говорю о уменьшительныхъ словахъ, которыя въ Латинскомъ, особливо когда дѣло касается до развеселенїя матерїи, имѣютъ удивительную прїятность. *Agellum*; *viticulas*; *arbuſculas*; *praediolum*. Я полагаю въ томъ же родѣ сей участительной глаголъ *reptare per limitem*, котораго красоту болѣе чувствовать, нежели изъяснить можно.

C. Plinius Proculo ſuo S.

Petis, ut libellos tuos in ſeceſſu legam, examinemque, an editione ſint digni. Adhibes preces: allegas exemplum. Rogas etiam, ut aliquid ſucciſivi temporis ſtudiis meis ſubtraham, impertiar tuis. Adjicis, M. Tullium mirâ benignitate Poëtarum ingenia foviſſe. Sed ego nec rogandus ſum, nec hortandus. Nam & Poëticen ipſam religioſiſſimè veneror, & te validiſſimè diligo. Faciam ergo, quod deſideras, tam diligenter quàm libenter. Videor autem jam nunc poſſe reſcribere eſſe opus pulcrum, nec ſupprimendum, quantum aeſtimare licuit ex iis, quae me praeſente recitaſti: ſi modò mihi non impoſuit recitatio tua. Legis enim ſuaviſſimè & peritiſſimè. Confide tamen me non ſic auribus duci, ut omnes aculei judicii mei illarum delinimentis refringantur. Hebetantur fortaſſe, & paululum retunduntur; revelli quidem

Lib. 3. ep. 15.

extorquerique non possunt. Igitur non temerè jam de universitate pronuncio: de partibus experiar legendo. Vale.

A Proculus.

Vous me priez de lire vos Ouvrages dans ma retraite, & de vous dire, s'ils sont dignes d'être publiés. Vous m'en pressez: vous autorisez vos priéres par des exemples. Vous me conjurez même de prendre sur mes études une partie du loisir que je leur destine, & de la donner aux vôtres. Enfin, vous me citez Cicéron, qui se faisoit un plaisir de favoriser & d'animer les Poëtes. Vous me faites tort. Il ne faut ni me prier, ni me presser. Je suis adorateur de la Poësie, & j'ai pour vous une tendresse que rien n'égale. Ne doutez donc pas que je ne fasse avec autant d'exactitude que de joie ce que vous m'ordonnez. Je pourrois déja vous mander que rien n'est

Прокулу.

Вы просите, чтобъ я прочитывалъ ваши Сочиненія въ моей уединенности; и чтобъ вамъ сказалъ, достойны ли они изданія въ свѣтъ. Вы меня къ тому понуждаете, оправдая свое прошеніе примѣрами. Молитесь еще мнѣ, чтобъ я удѣлилъ отъ моихъ ученій хоть одну частицу досужности, которую я для нихъ опредѣляю, и чтобъ употребилъ оную на ваши. На конецъ мнѣ представляете Цицерона, которой любилъ благопріятствовать стихотворцамъ, и дѣлать имъ ободреніе. Напрасно вы такимъ образомъ поступаете со мною. Не надобно меня ни просить, ни понуждать. Я обожаю поэзію, и имѣю къ вамъ несравненную горячность. И по тому не сумнѣвайтесь, чтобъ я не

plus beau, et ne mérite mieux de paroître, du-moins autant que j'en puis juger par les endroits que vous m'avez fait voir: si pourtant votre prononciation ne m'a point imposé; car vous lisez d'un ton fort imposteur. Mais j'ai assez bonne opinion de moi, pour croire que le charme de l'harmonie ne va point jusqu'à m'ôter le jugement. Elle peut bien le surprendre, mais non pas le corrompre ni l'altérer. Je crois donc déja pouvoir hazarder mon avis sur le corps de l'Ouvrage. La lecture m'apprendra ce que je dois penser de chaque partie. Adieu.

здѣлалъ съ не меньшею точностїю, какъ и радостїю то, что вы мнѣ повелѣваете. Можно кажется и теперь вамъ донести, что нѣтъ ничего прекраснѣе, ничего, что бы заслуживало болѣе народнаго зрѣнїя, по крайней мѣрѣ сколько я могу о томъ судить по тѣмъ мѣстамъ, которыя вы мнѣ показали, естьли только ваше произношенїе меня не прельстило; ибо вы читаете нѣкоторымъ весьма прелестнымъ голосомъ. Однакожъ я не столь худое имѣю о себѣ мнѣнїе, чтобъ думалъ, что прїятность согласїя отняла у меня разсудокъ. Она можетъ его обольстить, а не повредить и испортить. И такъ думаю, что я уже могу отважиться объявить свое мнѣнїе о всемъ вообще сочиненїи. Чтенїе покажетъ мнѣ, что я долженъ думать о каждой части.

Я разсмотрю въ семъ письмѣ одно только мѣсто, которое довольно имѣетъ трудности и красоты. *Confido tamen me non sic auribus duci, ut omnes aculei judicii mei illarum delinimentis refringantur. Hebetantur fortasse, et paululum retunduntur, revelli quidem extorquerique non possunt.*

Дабы изтолковать исправно молодымъ людямъ сїе мѣсто, надлежитъ начать изъясненїемъ метафоры, которая составляетъ всю онаго трудность и всю красоту. Сїя метафора состоитъ въ словѣ *aculeus*, которое значитъ *остроконечникъ*, напримѣръ, у копья, или стрѣлы, котораго дѣйствїе есть то, чтобъ пронзать, прострѣливать. Но три вещи могутъ или уменшить или уничтожить совершенно сїе дѣйствїе: ежели остроконечникъ притупляется, *hebetari, retundi*; ежели онъ переламывается, *refringi*; наконецъ естьли совсемъ вырывается изъ дерева, въ которомъ желѣзо утверждено бываетъ, *revelli*, *extorqueri*.

Плинїй выражаетъ чрезъ *остроконечникъ* проницательность разсужденїя, которая хотя можетъ быть притуплена чрезъ дѣйствїе, которое прїятность произношенїя произвела въ его ушахъ, но не преломлена, а еще меньше того вовсе изторжена.

Можно нѣсколько усумниться, сходственны ли суть между собою, и соотвѣт-

ствуютъ ли одно другому сiи два понятiя, *deliniment a* и *refringunt*, поелику одно изъясняетъ тихость и прiятность, а другое наглость и насилiе. Но я не знаю, не значило ли бы ето быть излишно разборчивымъ, чтобъ требовать такой точности, и не довольно ли того, чтобъ прелести произношенiя могли произвесть въ разсудкѣ то дѣйствiе, о которомъ рѣчь идетъ, хотя бы въ натурѣ и не находилось какой нибудь прiятности, которая бы притупляла острокончникъ, и которая бы его переламывала, или вырывала.

Переводчикъ изъяснилъ сiе мѣсто такимъ образомъ: *я не столь худое имѣю о себѣ мнѣнiе, чтобъ думалъ, что прiятность согласiя отняла у меня разсудокъ. Она можетъ его обольстить, а не повредить, и испортить.* Я не сумнюсь, чтобъ, имѣя столь тонкой вкусъ, онъ не употребилъ всѣхъ силъ къ выраженiю Латинской метафоры. Но видя, что нашъ языкъ не могъ ее принять, и чувствуя довольно, что естьлибъ онъ поработился выраженiемъ, то бы неотмѣнно обезобразилъ мысль, онъ послѣдовалъ совѣту, которой Горацiй подаетъ въ другомъ дѣлѣ, и которой состоитъ въ томъ, чтобъ оставлять матерiю, которую отчая-

De Art. Poët. ваются исправно писать *et quae desperat tractata nitescere posse, relinquit.* И такъ сохранивъ силу мысли, онъ ей далъ другой видъ, которой кажется натуральнѣе и которой не меньше красивъ какъ и Латинской.

Здѣсь то предлагается одно изъ важнѣйшихъ правилъ о переводѣ, которое надлежитъ крѣпко внушать молодымъ людямъ, и которое особливо нужно для метафоръ, кои обыкновенно дѣлаютъ мученіе переводчикамъ, и приводятъ ихъ въ отчаяніе, и коихъ часто не можно бываетъ перенесть на другой языкъ, не перемѣнивъ всѣхъ пріятностей.

C. Plinius Maximo suo S.

Lib. 7. ep. 26. *Nuper me cuiusdam amici languor admonuit, optimos esse nos, dum infirmi sumus. Quem enim infirmum aut avaritia aut libido sollicitat? Non amoribus servit, non appetit honores, opes negligit, & quantulumcunque, ut relicturus, satis habet. Tunc deos, tunc hominem esse se meminit. Invidet nemini, neminem miratur, neminem despicit; ac ne sermonibus quidem malignis aut attendit, aut alitur. Balnea imaginatur, & fontes. Haec summa curarum, summa votorum: mollemque in posterum & pinguem, si contingat evadere, hoc est innoxiam beatamque destinat vitam. Possum ergo; quod pluribus verbis, pluribus etiam voluminibus Philosophi docere conantur, ipse breviter tibi mihique praecipere, ut tales esse sani perseveremus, quales nos futuros esse profitemur infirmi. Vale.*

A Maxime.

Ces jours passés, la maladie d'un de mes amis me fit faire cette réflexion, que nous sommes fort gens de bien quand nous sommes malades. Car quel est le malade que l'avarice ou l'ambition tourmente? Il n'est plus enivré d'amour, entêté d'honneurs. Il néglige le bien, & compte toujours avoir assez du peu qu'il se voit sur le point de quitter. Il croit des Dieux, & il se souvient qu'il est homme. Il n'envie, il n'admire, il ne méprise la fortune de personne. Les médisances ne lui font ni impréssion, ni plaisir. Toute son imagination n'est occupée que de bains & de fontaines. Tout ce qu'il se propose, s'il en peut échapper, c'est de mener à l'avenir une vie douce & tranquille, une vie innocente & heureuse. Je puis donc nous

Максиму.

На прошедшихъ дняхъ болѣзнь одного изъ моихъ друзей подала мнѣ сїе разсужденїе, что мы бываемъ довольно честны въ то время, какъ не можемъ. Ибо есть ли такой больной, которой бы мучился сребролюбїемъ, или желанїемъ себя возвысить? Не тревожится онъ любовїю, не гоняется за честьми, пренебрегаетъ богатство, и довольствуется малою долею, которую видитъ себя принужденнымъ вскорѣ оставить. Онъ тогда вѣритъ въ боговъ, и помнитъ, что онъ человѣкъ. Онъ не завидуетъ, не чудится, и презрѣнїя не показываетъ ни чьему состоянїю. Поносительныя рѣчи не производятъ въ немъ ни впечатлѣнїя, ни прїятности. Его воображенїе занято бываетъ одними банями и источниками. Все, что

faire ici à tous deux en peu de mots une leçon, dont les Philosophes font des volumes entièrs. Perséverons à ètte tels pendant la santé, que nous nous proposons de devenir quand nous sommes malades. Adieu.

онъ полагаетъ въ намѣрении, естьли только онъ можетъ избавиться отъ болѣзни, состоитъ въ томъ, чтобъ провождать впредь жизнь тихую и спокойную, жизнь невинную и счастливую. И такъ я могу здѣсь учинить обоимъ намъ въ краткихъ словахъ наставленіе, изъ котораго философы составляютъ цѣлыя книги. Пребудемъ во время нашего здравія такими, какъ мы полагаемъ намѣреніе учиниться во время нашей немощи.

Вмѣсто разсужденій о семъ письмѣ я присовокуплю еще другое, которое мнѣ показалось прекраснымъ и достопамятнымъ: оно окончитъ сіе маленькое писемъ собраніе.

C. Plinius Tacito suo S.

Lib. 7. ep. 14. *Nec ipse tibi plaudis, & ego nihil magis ex fide quàm de te scribo. Posteris an aliqua cura nostri, nescio: nos certè meremur ut sit aliqua, non dico ingenio, (id enim superbum) sed studio, sed labore, & reverentiâ posterorum. Pergamus modò itinere instituto: quod ut paucos in lucem famamque provexit, ita multos è tenebris & silentio protulit. Vale.*

A Tacite.

Vous n'êtes pas homme à vous en faire accroire, & moi je n'écris rien avec tant de ſincérité que ce que j'écris de vous. Je ne ſai ſi la poſtérité aura pour nous quelque conſidération: mais en-vérité nous en méritons un peu; je ne dis pas par notre eſprit, il y auroit une ſotte préſomption à le prétendre, mais par notre application, par notre travail, par notre reſpect pour elle. Continuons notre route. Si par là peu de gens ſont arrivés au comble de la gloire, & à l'immortalité, par là aumoins beaucoup ſont par venus à ſe tirer de l'obſcurité & de l'oubli. Adieu.

Тациту.

Вы не такой человѣкъ, котораго бъ можно было легко обольстить, и я ни чего не пишу съ толикою вѣрностїю, какъ то, что пишу о васъ. Я не знаю, будетъ ли потомство имѣть къ намъ сколько нибудь почтенїя: но естьли позволено сказать истинну, мы заслужили отчасти оное; я не говорю, своимъ разумомъ, етобъ значило глупую гордость, чтобъ сего требовать, но своимъ прилѣжанїемъ, трудами и почтенїемъ, которое мы имѣемъ къ оному. Будемъ продолжать свой путь. Ежели имъ не многїе люди достигли до самаго верьху славы и до безсмертїя, то по крайней мѣрѣ многїе вывели себя изъ темноты и забвенїя.

Переводъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ Цицерона.

Я прибавилъ въ семъ послѣднемъ изданіи два письма, или лучше сказать, двѣ частицы писемъ Цицероновыхъ къ его пріятелю Аттику, которыя не меньше стоятъ какъ и письма Пливіевы. Здѣсь положатся два перевода оныхъ писемъ, изданные оба великими знатоками: одинъ г. Аббатомъ Сентъ-Реаломъ, а другой г. Монголтомъ. Первой изъ нихъ перевелъ двѣ только книги сихъ писемъ, а г. Монголтъ, не устрашась трудности своего предпріятія, всѣ оныя предложилъ свѣту и чрезъ то показалъ великую услугу премногимъ особамъ, которыхъ онъ привелъ въ состояніе читать съ пользою и пріятностію любопытнѣйшую, что касается до исторіи Цицеронова времени, но притомъ труднѣйшую и темнѣйшую часть его сочиненій.

Письмо XVII Цицерона къ Аттику кн. 1.

Содержаніе письма. Квинтъ Цицеронъ братъ славнаго Оратора женился на Помпоніи, сестрѣ Аттика. Отказъ, которой учинилъ Аттикъ быть Льетенантомъ въ Азіи при его зятѣ, споспѣшествовалъ много къ

ихъ ссоръ, подалъ мѣсто жалобамъ весьма горестнымъ со стороны Квинта Цицерона, и прервалъ между ими дружество. Ето составляетъ содержаніе начала сего письма: ибо я ограничиваюсь сею одною частію онаго.

Cicero Attico Sal.

Magna mihi varietas, voluntatis & dissimilitudo opinionis ac judici Quinti fratris mei, demonstrata est ex litteris tuis, in quibus ad me epistolarum illius exempla misisti. Quâ ex re, & molestiâ sum tantâ affectus, quantam mihi meus amor summus erga utrumque vestrûm afferre debuit; & admiratione, quidnam accidisset, quod afferret. Quinto fratri meo aut offensionem tam gravem aut commutationem tantam voluntatis. N. 1.

Atque illud a me jam ante intelligebatur, quod te quoque ipsum discedentem a nobis suspicari videbam, subesse nescio quid opinionis incommodae, sauciumque eius animum; & insedisse quasdam odiosas suspiciones. Quibus ego mederi cum cuperem antea saepe, & vehementius etiam post sortitionem provinciae, nec tantum intelligebam ei esse offensionis, quantum literae tuae declarant; nec tantum proficiebam, quantum volebam. N. 2.

Sed tamen hoc me ipse consolabar, quod non dubitabam, quin te ille aut Dyrrachii, aut in istis locis uspiam visurum esset: quod cum accidisset, confidebam, ac mihi persuaseram, fore, ut omnia placarentur inter vos non modo sermone ac disputatione, sed conspectu ipso congressuque vestro. Nam, quanta sit in Quinto fratre meo comitas, quanta iucun- N. 3.

ditas, quàm mollis animus & ad accipiendam & ad deponendam offensionem, nihil attinet me ad te, qui ea nosti, scribere. Sed accidit perincommodè, quòd eum nusquam vidisti. Valuit enim plus, quod erat illi nonnullorum artificiis, inculcatum, quàm aut officium aut necessitudo, aut amor vester ille pristinus, qui plurimum valere debuit.

N. 4. *Atque huius incommodi culpa ubi resideat, faciliùs possum existimare, quàm scribere. Vereor enim, ne dum defendam meos, non parcam tuis. Nam sic intelligo, ut nihil a domesticis vulneris factum sit, illud quidem, quod erat, eos certè sanare potuisse. Sed huiusce rei totius vitium, quod aliquantò etiam latius patet quàm videtur, praesenti tibi commodius exponam.*

N. 5. *De iis literis, quas ad te Thessalonicá misit, & de sermonibus, quos ab illo & Romae apud amicos tuos, & in itinere habitos putas; ecquid tantum causae sit ignoro: sed omnis in tuá posita est humanitate mihi spes huius levandae molestiae. Nam, si ita statueris, & irritabiles animos esse optimorum saepe hominum, & eosdem placabiles; & esse hanc agilitatem, ut ita dicam mollitiemque naturae plerumque bonitatis; & id, quod caput est, nobis inter nos nostra sive incommoda, sive vitia, sive injurias esse tolerandas: facilè haec, quemadmodum spero, mitigabuntur. Quod ego ut facias, te oro. Nam ad me, qui te unicè diligo, maximè pertinet neminem esse meorum, qui aut te non amet, aut abs te non ametur.*

N. 6. *Illa pars Epistolae tuae minimè fuit necessaria, in quá exponis, quas facultates aut provincialium, aut urba-*

norum commodorum, & aliis temporibus, & me ipso consule, praetermiseris. Mihi enim perspecta est ingenuitas & magnitudo animi tui: neque ego inter me atque te quicquam interesse unquam duxi, praeter voluntatem institutae vitae, quod me ambitio quaedam ad honorum stadium, te autem alia minimè reprehendenda ratio ad honestum otium duxit. Verâ quidem laude probitatis, diligentiae, religionis neque me tibi, neque quemquam antepono. Amoris vero erga me, cum a fraterno amore domesticoque discessi, tibi primas defero. Vidi enim, vidi, penitusque perspexi in meis variis temporibus & solicitudines & laetitias tuas. Fuit mihi saepe & laudis nostrae gratulatio tua jucunda, & timoris consolatio grata.

Quin mihi nunc te absente, non solum consilium, quo tu excellis, sed etiam sermonis communicatio, quae mihi suavissima tecum solet esse, maximè deest. Quid dicam in publica re? quo in genere mihi negligenti esset non licet. An in forensi labore? quem antea propter ambitionem sustinebam, nunc ut dignitatem tueri gratia possim. An in ipsis domesticis negotiis? in quibus ego cum antea, tum verò post discessum fratris, te sermonesque nostros desidero. Postremò non labor meus, non requies; non negotium, non otium; non forenses res, non domesticae, non publicae, non privatae; carere diutius tuo suavissimo atque amantissimo consilio ac sermone possunt. N. 7.

TRADUCTION

De la Lettre précédente par Mr. De Saint-Re'al.

Num. 1. Autant par votre Lettre, que par la copie que vous m'envoyez de celle de mon frère, je vois une grande altération dans son amitié pour vous, & même dans son estime. J'en suis aussi affligé que ma tendresse pour tous les deux m'y oblige, & aussi surpris qu'on le peut être, ne sachant d'où peut venir un ressentiment si violent; ou s'il n'en a point de sujet, un si grand changement dans son affection.

N. 2. Je comprenois bien déjà ce dont vous même vous défiez aussi quand vous partites d'ici, qu'il avoit quelque ombrage contre vous, & que son esprit étoit ulcére, & préoccupé de quelques soupçors odieux sur votre compte. Mais

TRADUCTION

De la même Lettre par Mr. l'Abbé Mongault.

Num. 1. Je vois & par vottre Lettre, & par la copie que vous m'avez de envoyée de celle de mon frère, qu'il y a une grande altération dans les sentimens & dans les dispositions où il étoit à votre égard. J'en suis aussi affligé que ma tendresse pour vous deux le demande, & je ne conçois pas ce qui a pu si fort aigrir mon frère, & causer en lui un si grand changement.

N. 2. J'avois bien remarqué, & vous vous étiez aussi apperçu avant que de partir, qu'on l'avoit prévenu contre vous, & qu'on avoit rempli son esprit de soupçons facheux. Lorsque j'ai travaillé à l'en guérir, & avant qu'il fût nommé Gou-

il ne m'avoit pas paru, dans les efforts que j'ai faits à diverses fois près de lui pour l'en guérir, non seulement avant qu'il fût déclaré Préteur d'Asie, mais encore beaucoup plus fortement depuis: il ne me paroissoit pas, dis-je, qu'il fût aussi outré qu'il le paroît par sa Lettre, quoique je ne gagnasse pas sur lui tout ce que je vuolois.

verneur d'Asie, & sur tout depuis, il ne m'a pas paru aussi aigri que vous me le marquez dans vôtre Lettre, quoiqu'à la vérité je n'aye pu obtenir de lui tout ce que j'aurois voulu.

N. 3. Je m'en consolois dans l'espérance certaine qu'il vous joindroit à Dyrrachium, ou quelqu'autre part dans vos quartiers; & cela étant je me flattois, & je n'en doutois pas, que tout s'accommoderoit entre vous, quand vous ne feriez que vous voir; à plus forte raison quand vous vous parleriez, & que vous vous seriez éclaircis. Car il n'est pas nécessaire que je vous dise ce que vous savez comme moi, combien il est traitable & doux & iusqu'où

N. 3. Ce qui me consoloit, c'étoit que je comptois qu'il vous verroit à Dyrrachium, où quelque autre part dans vos quartiers; & je me promettois, ou plutôt je ne doutois point, que cette entrevue ne suffit pour raccommoder tout, même avant que vous entrassiez dans aucun éclaircissement. Car vous savez, aussibien que moi, que mon frère est dans le fond le meilleur homme du monde, & que s'il se brouille aisément, il se raccommode

va ſa facilité également à ſe brouiller, & à ſe raccommoder. Le malheur eſt, que vous ne vous êtes point vus. Ainſi, ce qu'on lui a inſpiré artificieuſement contre vous, a prévalu dans ſon eſprit ſur ce qu'il devoit à votre lia-iſon, à votre alliance, & à votre ancienne amitié.

de même. Le malheur eſt que vous ne vous êtes point vus, & c'eſt ce qui a été cauſe que les artifices de quelques mauvais eſprits ont prévalu ſur ce qu'il devoit à la liaiſon, a l'alliance et a l'ancienne amitié qui eſt entre vous.

N. 4. De ſavoir à qui en eſt la faute, c'eſt ce qu'il m'eſt plus facile de penſer que d'écrire; parce que je crains de ne pas épargner aſſez vos proches, en voulant défendre les miens. Car je ſuis perſuadé, que ſi on n'as pas contribué dans ſa famille à l'aigrir, du moins y auroit-on pu facilement l'adoucir. Mais je vous expliquerai plus commodément, quand nous nous reverrons, toute la malignité de cette affaire, qui s'étend plus loin qu'il ne ſemble.

N. 4. Savoir à qui en eſt la faute, il m'eſt plus aiſé de le deviner, que de vous le dire. Je craindrois de ne pas épargner vos proches, en défendant les miens. Je ſuis perſuadé, que ſi l'on n'a pas contribué dans ſa famille à l'aigrir, on n'a pas dumoins travaillé à l'adoucir comme on auroit pu. Mais je vous expliquerai mieux, quand nous nous reverrons, d'où vient tout le mal, ce qui s'étend plus loin qu'il ne ſemble.

N. 5. J'ignore, encore une fois, ce qui peut l'avoir obligé à vous écrire, comme il a fait, de Thessalonique, & à parler ici à vos amis, & sur la route, de la maniére que vous croyez. Toute l'espérance qui me reste d'être délivré de ce chagrin, n'est fondée que sur votre seule honnêteté. Si vous considérez que les meilleures gens sont souvent les plus faciles à s'emporter, comme à s'appaiser, & que cette légéreté, pour ne pas dire cette mollesse de sentimens, ne vient la plupart du tems que d'une trop grande bonté de naturel; & ce qu'il faut dire avant tout, que nous avons à supporter naturellement les foiblesses, les défauts, & même les outrages les uns des autres: tout cela se calmera facilement à ce que j'espére, & je vous en prie. Car vous aimant uniquement comme je fais, je

N. 5. Je ne conçois pas ce qui a pu porter mon frère à vous écrire de Thessalonique comme il a fait, & à parler ici à vos amis, & sur la route, de la manière qu'on vous l'a rapporté. Quoi qu'il en soit, je n'espére d'être délivré de ce chagrin que par la confiance, que j'ai en votre honnêteté. Si vous considerez que les meilleures gens sont souvent ceux qui se fachent le plus aisément, & qui reviennent de même; & que cette légéreté, ou, pour parler ainsi, cette flexibilité de sentimens, est ordinairement une marque de bon naturel; & sur tout si vous faites réflexion qu'entre amis on doit se pardonner non seulement les foiblesses & les défauts, mais même les torts réciproques. j'espere que tout cela se calmera aisément, & je vous le demande en grace. Car vous aimant autant

ne dois rien oublier pour faire ensorte que tous ceux qui m'appartiennent vous aiment, & soient aimés de vous.

que je fais, il n'est pas indifférent pour moi que tous mes proches vous aiment, & soient aimés de vous.

N. 6. Rien n'étoit moins nécessaire que cette partie de votre Lettre, où vous rapportez tous les emplois qu'il n'a tenu qu'à vous d'avoir, soit à Rome, soit dans les Provinces, sous mon Consulat, & en d'autres tems. Je connois à fond la franchise & la grandeur de votre ame, & je n'ai jamais prétendu qu'il y eût d'autre différence entre vous & moi, que celle du différent choix de vie, en ce que quelque sorte d'ambition m'a porté à rechercher les honneurs, au-lieu que d'autres motifs, nullement blâmables, vous ont fait prendre le parti d'une honnête oisiveté. Mais quant à la véritable gloire, qui est celle de la probité, de l'application, & de la régu-

N. 6. Rien n'étoit moins nécessaire que l'endroit de votre Lettre, où vous faites un détail de tous les emplois qu'il n'a tenu qu'à vous d'avoir, soit dans les Provinces, soit à Rome, pendant mon consulat, & en d'autres tems. Je connois la noblesse & la droiture de votre coeur. J'ai toujours compté qu'il n'y avoit point d'autre différence entre vous & moi, que celle du différent choix de vie; en ce que quelque Sorte d'ambition m'a porté à rechercher les honneurs, au-lieu que d'autres motifs nullement blâmables vous ont fait prendre le parti d'une honnête oisiveté, Mais quant à cette gloire véritable, qui vient de la probité, de l'exactitude de la

larité, je ne vous préfère ni moi ni homme du monde: & pour ce qui me regarde en particulier, après mon frère & ma famille, je suis persuadé que personne ne m'aime tant que vous m'aimez. J'ai vu d'une manière à n'en pouvoir douter vos contentemens & vos peines dans les diverses rencontres de ma vie, & j'ai ressenti avec une égale satisfaction la part que vous avez prise à mes avantages & à mes dangers.

N. 7. Dans le tems même que je vous parle, non seulement vos conseils, en quoi vous êtes incomparable, mais votre entretien ordinaire, dont la douceur m'est si sensible, me fait un besoin extrême. Je ne vous regrette pas seulement pour les affaires publiques, & pour

régularité dans le commerce, je ne mets au-dessus de vous ni moi, ni personne du monde: & pour ce qui me regarde en particulier, après mon frère & ma famille, je suis persuadé que personne ne m'aime autant que vous m'aimez. J'ai vu d'une manière à n'en pouvoir douter, & votre joie, & votre inquiétude dans les différentes situations où je me suis trouvé Lorsque j'ai eu quelque succès, votre joie a augmenté la mienne; & lorsque j'ai été exposé à quelque danger, la part que vous y avez pris, m'a rassuré & consolé.

N. 7. Maintenant même que vous êtes absent, je sens combien j'aurois besoin, non seulement de vos conseils, en quoi personne ne peut vous remplacer; mais encore de la douceur & de l'agrement de votre conversation. Je vous souhaite, pour les affaires publi-

qu'il ne m'est pas permis de négliger comme les autres: c'est encore pour mes fonctions du Barreau, que je continue, afin de me conserver la considération qui m'est nécessaire pour soutenir la dignité où elles m'ont aidé à parvenir. Je vous regrette aussi pour mes affaires domestiques, dans lesquelles je vous trouve encore plus à dire depuis le départ de mon frère. Enfin, ni dans mon travail, ni dans mon repos, ni dans mes occupations, ni dans mon loisir, ni dans mes affaires domestiques, ni dans celles de ma profession; ni dans les particulieres, ni dans les publiques, je ne saurois plus me passer de la douceur de votre aimable conversation, & de vos conseils,

ques, qu'il ne m'est pas permis de négliger comme les autres; & pour mes fonctions du Berreau, que je continue afin de me conserver la considération qui m'est nécessaire pour soutenir la dignité à laquelle elles m'ont élevé; & pour mes affaires domestiques où je vous trouve encore plus à dire depuis le départ de mon frère. Enfin, ni dans le travail, ni dans le repos, ni dans mes occupations, ni dans mon loisir, ni dans mes affaires domestiques, ni dans celles du Barreau, ni dans les particuliéres, ni dans les publiques, je ne puis plus me passer de la ressource & de l'agrément que je trouve dans les conseils & dans l'entretien d'un ami tel que vous.

То есть:

ПереводЪ письма предЪидущаго изданной Г. Сент-Реалом.

Числ. 1. КакЪ изЪ вашего письма, шакЪ изЪ списка, которой вы мнѣ посылаете сЪ писма моего брата, я вижу великую отмѣнность вЪ его кЪ вамЪ дружествѣ, да и вЪ его почтеніи. Я столько о томЪ печалюсь, сколько моя горячность кЪ вамЪ обѣимЪ меня кЪ сему обязываетЪ, и удивляюсь чрезвычайно, не вѣдая, откуда можетЪ произойти столь сильной гнѣвЪ; или какую имѣетЪ причину столь великая перемѣна вЪ его благосклонности.

Ч. 2. Я понималЪ уже довольно то, о чемЪ и вы шакЪ же догадывалясь тогда, какЪ вы поѣхали отсюда, что онЪ

ПереводЪ тогожЪ письма изданной Г. АббатомЪ Монгольтом.

Числ. 1. Я усматриваю изЪ вашего письма, и изЪ списка, которой вы мнѣ прислали сЪ письма моего брата, что не малая находится отмѣнность во мнѣніяхЪ и склонностяхЪ, которыя мой братЪ вЪ разсужденіи васЪ имѣлЪ. Я столько о томЪ печалюсь, сколько моя горячность кЪ вамЪ обѣимЪ того требуетЪ, и не понимаю что бы такое могло столь сильно огорчить моего брата, и произвесть вЪ немЪ такую перемѣну.

Ч. 2. Я весьма примѣтилЪ, да и вы такЪ же узнали предЪ отъѣздомЪ вашимЪ, что ему что нибудь насказано было

объ васъ не очень выгодное имѣлъ мнѣніе, и что его духъ былъ пораненъ, и занятъ нѣкоторыми ненавистными подозрѣніями на васъ. Однакожъ онъ не казался мнѣ въ стараніяхъ, которыя я предпринималъ неоднократно о его излѣченіи отъ оныхъ не только прежде, нежели онъ объявленъ былъ преторомъ Азіи, но и еще послѣ сего: онъ говорю, не казался мнѣ столь неумѣреннымъ, какъ онъ кажется въ его письмѣ, хотя я и не получилъ отъ него все то, чего я хотѣлъ.

Ч. 3. Я утѣшалъ себя въ томъ крѣпкою надеждою, что онъ встрѣтится съ вами въ Диррахіи, или въ другомъ какомъ мѣстѣ вашей стороны. Положивъ сіе, я льстился, и ни мало не сомнѣвался, что все утишит-

на васъ, и что его духъ наполненъ былъ досадными подозрѣніями. Когдажъ я старался излѣчить его отъ оныхъ какъ прежде объявленія его губернаторомъ Азіи, такъ особливо послѣ того, онъ не столько мнѣ казался раздраженъ, какъ вы мнѣ его представляете въ своемъ письмѣ, хотя, правду сказать, я не могъ отъ него получить все то, чего бы мнѣ хотѣлось.

Ч. 3. То, что меня утѣшало, было то, что я думалъ, что онъ увидится съ вами въ Диррахіи или въ другомъ мѣстѣ вашей стороны. Я себя обнадеживалъ или еще не сумнился ни мало, чтобъ сего свиданія

ся между вами, хотябъ вы только увидѣлись; а колми паче, естлибъ другъ съ другомъ поговорили и изъяснились. Ибо ето ненужно, чтобъ я сказалъ вамъ то, о чемъ вы сами не меньше меня знаете, сколь онъ зговорчивъ и кротокъ, и сколь далеко простирается его удобность и къ ссорѣ и къ замиренію. Несчастіе въ томъ состоитъ, что вы не видались. И по сему то, что ему хитрымъ образомъ на васъ наговорили, взяло верьхъ въ его сердцѣ надъ тѣмъ, чѣмъ онъ долженствовалъ вашему союзу, родству и древнему дружеству.

Ч. 4. Чтожъ касается до виноватаго въ семъ дѣлѣ, то удобнѣе мнѣ о семъ думать, нежели писать; по тому что я опасаюсь, что не очень пощажу вашихъ срод-

недовольно, было къ утишенію всего, хотябъ вы и не вошли въ изъясненіи. Ибо вы знаете такъ, какъ и я, что мой братъ въ самомъ дѣлѣ преизрядной человѣкъ въ свѣтѣ, и что естьли онъ удобно поссоривается, то не съ меньшею удобностію опять замиряется. Несчастіе въ томъ состоитъ, что вы не видались, и ето было причиною, что хитрости злыхъ нѣкоторыхъ людей взяли верьхъ надъ тѣмъ, чѣмъ онъ долженствовалъ союзу, родству и древнему дружеству, которое утверждено между вами.

Ч. 4. Чтожъ касается до виноватаго въ семъ дѣлѣ, то мнѣ удобнѣе отгадать сіе, нежели вамъ донести; я опасаюсь, что не пощажу вашихъ сродственниковъ въ то

ственниковъ, хотя сво-
ихъ защитить. Ибо я
увѣренъ, что естьли не
подали причины его гнѣ-
ву въ его фамилїи, то
по крайней мѣрѣ можно
было удобно его тамъ
утишить. Но я вамъ
изъясню способнѣе тог-
да, какъ мы опять уви-
димся, всю злость сего
дѣла, которая распро-
страняется далѣе, не-
жели кажется.

зрения, какъ своихъ за-
щищать стану. Я увѣ-
ренъ, что естьли не
способствовали въ его
фамилїи къ его раздра-
женїю, то по крайней
мѣрѣ не старались утѣ-
шить его такъ какъ бы
можно было. Но я вамъ
лучше изъясню тогда,
какъ мы увидимся, от-
куда происходитъ вся сїя
бѣда, которая прости-
рается далѣе, нежели ка-
жется.

Ч. 5. Я не знаю о-
пять, что такое его при-
нудило къ вамъ писать,
какъ онъ учинилъ изъ
Өессалоники, и говорить
вашимъ друзьямъ здѣсь
и на дорогѣ такимъ обра-
зомъ, какъ вы думаете.
Вся надежда, которую я
имѣю освободиться отъ
сей печали, не на другомъ
чемъ основывается, какъ
только на вашей честно-
сти. Ежели вы разсу-
дите, что часто самые

Ч. 5. Я не понимаю,
что бы такое могло при-
нудить моего брата пи-
сать къ вамъ изъ Өес-
салоники, такъ какъ онъ
учинилъ, и говорить ва-
шимъ друзьямъ здѣсь и
на дорогѣ такимъ обра-
зомъ, какъ вамъ доне-
сено. Какъ бы то ни
было, я надѣюсь, изба-
виться отъ сей печали,
полагаясь единственно на
вашу честность. Естьли
вы разсудите, что

лучшіе люди бываютЪ весьма склонны кЪ гнѣву, шакЪ какЪ и кЪ ушишенію, что сія легкость, дабы не сказать мягкость чувствій, по большой части происходитЪ отЪ презрядной природы; а особливо, что мы долженствуемЪ сносить необходимо слабости, пороки, и самыя обиды одни другихЪ; то все сіе удобно ушишится, какЪ я надѣюсь; и васЪ о томЪ прошу. Ибо любя васЪ отмѣннымЪ образомЪ я обязанЪ употребить всѣхЪ мѣрЪ, чтобЪ шѣ, которые ко мнѣ принадлежатЪ, васЪ любили и отЪ васЪ любимы были.

наилучшіе люди бываютЪ часто тѣ, которые весьма удобно огорчаются, и которые выходятЪ изЪ гнѣву таким же образомЪ; и что сія легкость, такЪ сказать, или гибкость чувствій бываетЪ обыкновенно знакомЪ доброй природы; а особливо естьли вы помыслите, что друзьямЪ надлежитЪ сносить не только слабости и пороки, но и досады взаимныя; то я надѣюсь, что все сіе удобно ушишится, о чемЪ я васЪ и прошу покорнѣйше. Ибо любя васЪ столько, какЪ люблю, я не могу почесть сего ненужнымЪ для меня, чтобЪ всѣ мои ближніе васЪ любили, и отЪ васЪ любимы были.

Ч. 6. Не было ничего столь мало нужнаго, какЪ сія часть вашего письма, вЪ которой вы

Ч. 6. Не было ничего столь мало нужнаго, какЪ то мѣсто вашего письма, вЪ которомЪ вы по-

упоминаете о всѣхъ званіяхъ, которыя имѣть отъ васъ единственно зависѣло, какъ въ Римѣ, такъ и въ провинціяхъ при моемъ консульствѣ, и въ другія времена. Я знаю до точности искренность и величество души вашей, и я никогда не думалъ, чтобъ другое было различіе между вами и мною, кромѣ того, которое состоитъ въ отмѣнномъ выборѣ жизни, поелику меня побудило нѣкое честолюбіе искать достоинствъ вмѣсто того, что другія причины, ни мало непредосудительныя понудили васъ слѣдовать за честнымъ спокойствіемъ. Но что касается до истинной славы, которая принадлежитъ добронравію, упражненію и порядочному поведенію; то я не предпочитаю вамъ ни себя самаго, ниже кого

дробно исчисляете всѣ тѣ званія, которыя имѣть отъ васъ единственно зависѣло, какъ въ провинціяхъ, такъ въ Римѣ, при моемъ консульствѣ, и въ другія времена. Я знаю благородство и правость вашего сердца. Я всегда считалъ, что не было другова различія между вами и мною, кромѣ того, которое состоитъ въ отмѣнномъ выборѣ жизни; поелику меня побудило нѣкое честолюбіе искать достоинствъ, вмѣсто того, что другія причины, ни мало не предосудительныя, понудили васъ слѣдовать за честнымъ спокойствіемъ. Но что касается до сей истинной славы, которая происходитъ отъ добронравія, раченія, и порядку въ обхожденіи, то я не считаю превосходнѣе васъ ни себя самаго, ни другой

друтова; вЪ разсуждениижЪ меня особливо я увѣренЪ, что по моемЪ братѣ и моей фамилiи никто меня не любитЪ столько, какЪ вы. Я видѣлЪ очень ясно ваши удовольствiя и печали вЪ различныхЪ случаяхЪ моей жизни; и я чувствовалЪ сЪ равномѣрнымЪ удовольствiемЪ участiе, которое вы принимали вЪ моихЪ какЪ выгодахЪ, такЪ и опасностяхЪ.

какой особы; вЪ разсужденiижЪ меня особливо я увѣренЪ, что по моемЪ братѣ и моей фамилiи ни кто не любитЪ меня столько, какЪ вы. Я видѣлЪ очень ясно вашу радость и безпокойствiе вЪ различныхЪ состоянiяхЪ, вЪ которыхЪ я находился. Когда я имѣлЪ какое счастiе, то ваша радость соединялась сЪ моею; а когда подверженЪ былЪ опасности, то участiе, которое вы вЪ томЪ принимали, меня ободряло и утѣшало.

Ч. 7. ВЪ сiе самое время, какЪ я вамЪ говорю, не только ваши совѣты, которыми вы несравненно сильны, но и вашЪ обыкновенный разговорЪ, котораго сладость мнѣ столь чувствительна, причиняетЪ мнѣ крайнюю вЪ васЪ надобность. Я желаю васЪ не только

Ч. 7. ВЪ сiе самое время, какЪ вы находитесь вЪ отсутствiи, я чувствую, сколько я имѣю надобности не только вЪ вашихЪ совѣтахЪ, вЪ чемЪ никто не можетЪ васЪ замѣнить, но и вЪ прiятности вашего разговору. Я васЪ желаю какЪ для государствен-

для государственныхъ упражненій, которыя мнѣ не позволяется пренебрегать, такъ какъ другія: но и еще для моихъ хлопотъ приказныхъ, кои я продолжаю, дабы сохранить ко мнѣ почтеніе, которое мнѣ нужно для подкрѣпленія достоинства, до котораго онѣ помогли мнѣ достигнуть. Я васъ желаю такъ же для моихъ дѣлъ домашнихъ, въ которыхъ я долженъ съ вами болѣе еще изъясниться по отъѣздѣ моего брата. Наконецъ ни въ моемъ трудѣ, ни въ спокойствіи, ни въ упражненіяхъ, ни въ праздности, ни въ моихъ дѣлахъ домашнихъ, ни въ принадлежащихъ къ моему званію, ни въ партикулярныхъ, ни въ Государственныхъ, я не могу болѣе жить безъ пріятности любезнаго вашего разговора, и безъ вашихъ совѣтовъ.

ныхъ упражненій, которыя мнѣ не возможно пренебречь, какъ другія; такъ для моихъ приказныхъ хлопотъ, кои я продолжаю, дабы сохранить ко мнѣ почтеніе, которое мнѣ нужно для подкрѣпленія достоинства, на которое онѣ меня возвысили, и для моихъ домашнихъ дѣлъ, въ которыхъ я больше еще долженъ съ вами изъясниться по отъѣздѣ моего брата. Наконецъ ни въ трудѣ, ни въ покоѣ, ни въ упражненіяхъ, ни въ праздности, ни въ моихъ дѣлахъ домашнихъ, ни въ приказныхъ, ни въ приватныхъ, ни въ государственныхъ, я не могу болѣе жить безъ помощи и пріятности, которую я нахожу въ совѣтахъ, и въ разговорѣ такова друга, какъ вы.

Письмо XVIII. Цицерона къ Аттику кн. 1.

Cicero Attico Sal.

Nihil mihi nunc scito tam deesse quàm hominem N. 1.
eum, quocum omnia, quae me cura aliqua afficiunt, unà communicem: qui me amet, qui sapiat, quocum ego colloquar, nihil fingam, nihil dissimulem, nihil obtegam. Abest enim frater ἀφελέστατος, & amantissimus Metellus non homo, sed littus atque aër, & solitudo mera. Tu autem, qui saepissime curam & angorem animi mei sermone & consilio levasti tuo; qui mihi & in publicá re socius, & in privatis omnibus conscius, & omnium meorum sermonum & consiliorum particeps esse soles, ubinam es?

Ita sum ab omnibus destitutus, ut tantum requietis N. 2.
habeam, quantum cum uxore, & filiolá, & mellito Cicerone consumitur. Nam illae ambitiosae nostrae fucosaeque amicitiae, sunt in quodam splendore forensi; fructum domesticum non habent. Itaque, cum benè completa domus est tempore matutino, cum ad forum stipati gregibus amicorum descendimus, reperire ex magna turba neminem possumus, quocum aut jocari liberè, aut suspirare familiariter possimus.

Quare te expectamus, te desideramus, te jam etiam N. 3.
arcessimus. Multa enim sunt, quae me sollicitant anguntque, quae mihi videor, aures nactus tuas, unius ambulationis sermone exhaurire posse. Ac domesticarum quidem sollicitudinum aculeos omnes & scrupulos occultabo: neque ego huic Epistolae atque ignoto tabellario committam. Atque hi (nolo enim te permoveri) non sunt

permoleſti, ſed tamen inſident & urgent; & nullius amantis conſilio aut ſermone requieſcunt.

TRADUCTION

De la Lettre XVIII. par Mr. de Saint-Réal.

Num. 1. Sachez que rien ne me manque tant à l'heure qu'il eſt, que quelqu'un à qui je puiſſe communiquer tout ce qui me fait de la peine, qui ait de l'amitié pour moi & de la ſageſſe, avec qui j'oſe parler ſans rien feindre, diſſimuler, ni cacher. Car mon frére, à qui je pouvois m'ouvrir de mes plus ſecrettes penſées avec autant de ſureté qu'aux bois & aux rochers, qui m'aime ſi tendrement, & qui eſt la ſimplicité même, n'eſt plus ici, comme vous ſavez. Où êtes vous, vous qui avez ſoulagé tant de fois mes ſoucis & mes peines par vos diſcours & par vos

TRADUCTION

De la même Lettre par Mr. l'Abbé Mongault.

Num. 1. Comptez que rien ne me manque tant qu'une perſonne ſûre à qui je puiſſe m'ouvrir ſur tout ce qui me fait de la peine, qui ait de l'amitié pour moi & de la prudence, avec qui j'oſe m'entretenir ſans contrainte, ſans diſſimulation, & ſans réſerve. Car je n'ai plus mon frére, qui eſt du meilleur caractère du monde, qui m'aime ſi tendrement, & à qui je pouvois m'ouvrir de mes plus ſecrettes penſées avec autant de ſureté qu'aux rochers & aux campagnes les plus déſertes. Où êtes vous donc? l'entretien & les conſeils ont

conseils; qui me secondez dans les affaires publiques, & à qui je ne cache pas les plus particuliéres, enfin sans la participation de qui je ne saurois ni rien faire, ni rien dire?

N. 2. Je suis si dépourvu de toute société, que je n'ai plus de bon que le tems que je passe avec ma femme, ma fille, & mon petit Cicéron. Car ces amitiés, importantes & fastueuses que vous savez, ne sont bonnes que pour paroître en public, elles ne sont d'aucun usage familier. Cela est si vrai, que ma maison est pleine de gens tous les matins, quand je vais à la Place, & je suis escorté d'une foule de prétendus amis, sans trouver un seul homme dans tout ce nombre avec qui je puisse, ou rire en liberté, ou soupirer sans contrainte.

adouci tant de fois mes peines & mes chagrins; qui me secondez dans les affaires publiques, & à qui je ne cache pas les plus particuliéres; que je consulte également sur ce que je dois faire, & sur ce que je dois dire?

N. 2. Je suis si dépourvu de toute société, que je ne me trouve en repos & à mon aise qu'avec ma femme, ma fille, & mon petit Cicéron. Ces amitiés extérieures, que l'interêt & l'ambition concilient, ne sont bonnes que pour paroître en public avec honneur, & ne sont d'aucun usage dans le particulier. Cela est si vrai, que quoique ma maison soit remplie tous les matins d'une foule de prétendus amis qui m'accompagnent lorsque je vais à la Place, dans un si grand nombre il ne s'en trouve pas un seul avec qui je puisse, ou rire avec liberté, ou gémir sans contrainte.

N. 3. Juges si je vous attends, si je vous souhaitte, & si je vous presse de venir. J'ai mille choses qui m'inquiétent, qui me blessent, dont il me semble qu'une seule promenade avec vous me fera raison. Je ne saurois vous écrire plusieurs petits chagrins domestiques, que je n'oserois confier au papier, ni à ce porteur que je ne connois point. N'en soyez pourtant pas en peine: ils ne sont pas fort considérables, mais ils touchent de près, ils ne donnent aucun relâche, & je n'ai personne qui m'aime de qui les conseils, ou seulement l'entretien puisse les interrompre.

N. 3. Jugez donc parlà si je ne dois pas attendre, souhaitter, & presser votre retour. J'ai mille choses qui m'inquiétent & me chagrinent, dont une seule promenade avec vous me soulagera. Je ne vous parlerai point ici de plusieurs petits chagrins domestiques: je n'ose les confier au papier, ni au porteur de cette Lettre que je ne connois point. N'en soyez pourtant pas en peine, ils ne sont pas considérables: mais ils ne laissent pas de faire impression, parce qu'ils reviennent souvent, & que je n'ai personne qui m'aime véritablement, dont les conseils ou l'entretien puissent les dissiper.

Переводъ письма XVIII, изданной Г. де Сент-Реаломъ.

Переводъ тогожъ письма, изданной Г. Аббатомъ Монголтомъ.

Числ. 1. Знайте, что я ни въ чемъ теперь столько нужды не имѣю,

Числ. 1. Считайте, что я нынѣ ни въ чемъ столько нужды не имѣю, какъ

какЪ вЪ такомЪ человѣкѣ, которому бы я могЪ сообщать все то, что меня безпокоитЪ, которой бы мнѣ былЪ другЪ, и при томЪ благоразуменЪ и сЪ которымЪ бы я смѣлЪ говорить безЪ всякаго притворства, закрытія и утайки. Ибо моего брата, которому я могЪ открывать мои сокровеннѣйшія мысли сЪ такою же безопасностію, какЪ лѣсамЪ и камнямЪ; которой меня любитЪ нѣжно и которой чрезвычайно простЪ, здѣсь болѣе нѣту, какЪ вы сами знаете. Гдѣ вы находитесь, вы, что облегчали столькратно мои хлопоты и безпокойствія своими рѣчьми и совѣтами, и мнѣ помогаете вЪ дѣлахЪ государственныхЪ; вы, которому я открываю всѣ мои особѣйшія и нако-

вЪ надежномЪ человѣкѣ, которому бы я могЪ открываться во всемЪ томЪ, что мнѣ дѣлаетЪ безпокойствіе, которой бы мнѣ былЪ другЪ, и при томЪ благоразуменЪ, и сЪ которымЪ бы я смѣлЪ разговаривать безЪ принужденія, безЪ закрытія и осторожности. Ибо я не имѣю болѣе моего брата, которой есть наилучшій человѣкЪ вЪ свѣтѣ, которой любитЪ меня столь нѣжно, и которому я могЪ открывать мои сокровеннѣйшія мысли сЪ такою же безопасностію, какЪ самымЪ камнямЪ и лугамЪ пустыннымЪ. Гдѣ вы теперь находитесь, вы, котораго разговорЪ и совѣты столькратно умягчали мои безпокойствія и печали; которой мнѣ помогаетЪ вЪ дѣлахЪ государственныхЪ, отЪ котораго я не утаеваю са-

нецъ безъ котораго помощи я не могу ничего, ни дѣлать, ни говорить?

мыхъ особѣйшихъ; и съ которымъ я совѣтуюсь о томъ, что мнѣ какъ дѣлать, такъ и говорить надлежитъ?

Ч. 2. Я лишенъ всякаго сообщества такъ, что не имѣю болѣе ничего добраго, кромѣ того времени, которое провождаю съ моею женою, дочерью и съ малымъ Цицерономъ. Ибо сїи важныя и пышныя дружества, которыя вамъ извѣстны, служатъ только къ тому, чтобъ появиться въ публичныхъ собранїяхъ, а въ домашнемъ дѣлѣ вовсе не годятся. Это столько справедливо, что мой домъ наполненъ бываетъ людми въ каждое утро, когда я хожу въ приказъ и я окружаюсь множествомъ мнимыхъ друзей, не находя ни одного человѣка во всемъ томъ числѣ, съ кото-

Ч. 2. Я лишенъ всякаго сообщества, такъ, что не нахожу себѣ покоя и удовольствїя, какъ только будучи съ моею женою, дочерью и съ малымъ Цицерономъ. Сїи наружныя дружества, которыя корысть и честолюбїе соединяютъ, служатъ только къ тому, чтобъ показаться въ публичныхъ собранїяхъ съ честїю, а въ домашнемъ дѣлѣ вовсе не годятся. Это столько справедливо, что хотя мой домъ во всякое утро наполненъ бываетъ множествомъ мнимыхъ друзей, которые меня окружаютъ тогда какъ я иду въ приказъ, однакожъ въ толь великомъ числѣ не видно ни одного человѣ-

рымЪ бы я могЪ или посмѣяться вольнымЪ образомЪ или воздыхать безЪ принужденія.

Ч. 3. Судите, ожидаю ли я васЪ, желаю ли, и понуждаю ли пріѣхать. Я имѣю тысячу дѣлЪ, кои меня безпокоятЪ, кои язвятЪ, и отЪ которыхЪ, мнѣ кажется, одна прогулка сЪ вами меня избавитЪ. Я не могу кЪ вамЪ писать о множествѣ мѣлкихЪ хлопотЪ домашнихЪ, которыхЪ я не смѣю вынесть на бумагу, и ввѣрить такому почтарю, которой мнѣ вовсе незнакомЪ. ОднакожЪ вы тѣмЪ не безпокойтесь; онѣ не очень важны, только чрезвычайно-ко мнѣ близки; не даютЪ мнѣ отдохновенія, и я не имѣю никого изЪ любящихЪ меня, котораго бы совѣты или хоть

ка, сЪ которымЪ бы я могЪ посмѣяться вольнымЪ образомЪ, или стенать безЪ принужденія.

Ч. 3. И такЪ судите по сему, не долженЪ ли я васЪ сЪ великою жадностію ожидать, и просить неотступно, чтобЪ вы возвратились. Я имѣю тысячу дѣлЪ, кои меня безпокоятЪ и сокрушаютЪ, и отЪ коихЪ одна сЪ вами прогулка меня облегчитЪ. Я вамЪ не буду здѣсь упоминать о множествѣ мѣлкихЪ хлопотЪ домашнихЪ; я не смѣю ихЪ вынесть на бумагу и ввѣрить такому письмовручителю, которой мнѣ вовсе незнакомЪ. ОднакожЪ вы тѣмЪ не безпокойтесь; онѣ не очень важны, только не минуютЪ дѣлать во мнѣ впечатлѣнія, за тѣмЪ, что часто возвращаются,

разговоръ могъ прервать оныя.	и что я не имѣю никого изъ любящихъ меня истинно, котораго бы совѣты или разговоръ могъ разсыпать оныя.

РАЗСУЖДЕНІЯ.

Не можно не примѣтить въ сихъ письмахъ Цицероновыхъ какъ удобной, простой и непринужденной круглости, которая есть точной характеръ письменнаго слогу, такъ тонкости и деликатства въ выраженіи, которое разсыпаетъ въ нихъ неподражаемыя пріятности. Нѣтъ ничего тутъ притворнаго, все течетъ изъ источника. Всякъ удобно понимаетъ, что Цицеронъ писалъ такъ, какъ онъ говорилъ, то есть просто, не тщательно, и безъ показанія разума. По сей то причинѣ предпочитать всегда его письма Плиніевымъ, кои по большой части очень разцвѣчены, и съ излишнимъ раченіемъ написаны, и которыя кажутся знающимъ людямъ меньше красивы, за тѣмъ что они красивы черезъ мѣру.

Въ сихъ такъ же письмахъ Цицероновыхъ видно, какое искусство, и какія хитрости надобны для примиренія сердецъ, и для предупрежденія досадныхъ послѣдствій отъ ссо-

ры и побранки, которыя почти неизбѣжимы въ фамиліяхъ; и сколь драгоцѣненъ истинной другъ, которому можно сообщить безъ опасности всѣ свои хлопоты и безпокойствія.

Но не о семъ теперь дѣло идетъ. Я долженъ здѣсь изслѣдовать только то, что принадлежитъ до переводу. Мнѣ кажется, что ето есть полезнѣйшая екзерциція, чтобъ заставлять отъ времени до времени молодыхъ людей сравнивать такимъ образомъ два перевода одного мѣста и велѣть имъ самимъ примѣчать различія въ добрѣ и худѣ, особливо послѣ того, какъ они перевели такъ же оное съ своей стороны. Чрезъ сіе они лучше могутъ чувствовать оныхъ красоты и несовершенства, и научаются чему надлежитъ слѣдовать, и чего избѣгать, дабы успѣхъ имѣть въ переводѣ.

Я оставляю читателю судить, которой изъ двухъ переводовъ мною здѣсь ему представленныхъ достоинъ предпочтенія, и я не думаю, чтобъ ему стоило великаго труда учинить рѣшеніе. Мой судъ въ семъ дѣлѣ мнѣ самому кажется подозрителенъ, и я опасаюсь какой нибудь ошибки отъ самолюбія и отъ предупрежденія, по тому что г. Монгольтъ былъ нѣкогда моимъ ученикомъ въ

Риторическомъ классѣ, въ которомъ, какъ я и теперь еще помню, онъ отмѣнялъ себя особливостїю вкуса, и прилѣжнымъ изученїемъ языка Французскаго. Не входя въ совершенное разсмотрѣнїе сихъ двухъ переводовъ, я довольствоваться буду предложенїемъ нѣкоторыхъ разсужденїй и сумнительствъ, для направленїя вкусу молодыхъ людей.

N. 1. Вступленїе, которымъ начинается переводъ г. Сентъ-Реала, очень принужденно; оно не имѣетъ совсемъ и виду письма. *Какъ изъ вашего письма, такъ и изъ списка, которой вы мнѣ посылаете съ письмомъ моего брата, я вижу, и пр.*

Я усматриваю, что не малая находится отмѣнность во мнѣнїяхъ и склонностяхъ, которыя мой братъ въ разсужденїи васъ имѣлъ. Сїе мнѣ кажется выражено не столь грубо и не столь непрїятно, какъ въ переводѣ г. Сентъ-Реала. *Я вижу великую отмѣнность въ его къ вамъ дружествѣ, да и въ его почтенїи.* Я тожъ говорю о семъ, что слѣдуетъ: *Не вѣдая откуда можетъ произойти столь сильной гнѣвъ.* Г. Монгольтъ умягчилъ сїю мысль. *Я не понимаю, что бы такое могло столь сильно огорчить моего брата.*

Я весьма примѣтилъ - - - что ему что ни будь насказано было на васъ; и что его духъ наполненъ былъ досадными подозрѣніями. Сей переводъ г. Монгольта не принужденъ и красивъ; только мнѣ кажется, что онъ не выражаетъ всѣхъ красотъ подлинника. *Illud a me jam ante intelligebatur. . . . subesse nescio quid opinionis incommodae, sauciumque eius animum, & insedisse quasdam odiosas suspiciones.* N. 2.

Великая находится субтильность въ сихъ словахъ: *subesse nescio quid opinionis incommodae.* Всѣ выраженія клонятся къ умягченію и извиненію неудовольствія Квинтова въ разсужденіи его шурина. Ето не было непоколебимое или обидное мнѣніе, но предувѣреніе не очень выгодное, которое не было еще точно изъяснено, и не показывалось наружу: сіе то значитъ, *subesse nescio quid opinionis incommodae.* Но какъ сіе выразить по Французски?

Sauciumque eius animum. Ето представляетъ изрядную мысль: *его духъ былъ уязвленъ.* Сія мысль опущена у г. Монгольта. Я не знаю, не жарко ли она выражена у г. Сентъ-Реала: *его духъ былъ пораненъ.*

Сія легкость, такъ сказать, или гибкость чувствій бываетъ обыкновенно знакомъ доброй природы. Г. Сентъ-Реалъ поставилъ N. 5.

мяхкость чувствій mollesse de sentimens, что на Французскомъ языкѣ не дѣлаетъ хорошаго смыслу, хоть и болѣе соотвѣтствуетъ Латинскому: *esse hanc agilitatem, ut ita dicam, mollitiemque naturae plerumque bonitatis.*

Друзьямъ надлежитъ сносить не только слабости и пороки, но и досады взаимныя. Сіе послѣднее слово гораздо вѣрнѣе, нежели то, которое употребилъ другой переводчикъ, *и самыя обиды одни другихъ*; и выражаетъ лучше Латинское *suas injurias.*

N. 3. *Я себя обнадеживалъ, или еще ни мало не сумнился, чтобъ сего свиданія не довольно было къ утѣшенію всего.* Я не знаю, позволяетъ ли нашъ языкъ соединять такимъ образомъ два глагола съ управленіемъ, которое не приличествуетъ, какъ только одному изъ нихъ; ибо не можно сказать, *я себя обнадеживалъ, чтобъ сего свиданія не*

N. 5. *довольно было.* Я сумнюсь такъ же, чтобъ сіе выраженіе, *наилучшіе люди бываютъ часто тѣ, которые весьма удобно огорчаются,* могло быть употребительно и въ самомъ писменномъ слогѣ. Но я отъ г. Монгольта, здѣлавшагося въ семъ дѣлѣ моимъ учителемъ, такъ какъ и во многихъ другихъ, долженствую принимать наставленія о томъ, что касается до тонкостей Французскаго языка.

Письмо XVIII.

Въ началѣ сего письма есть очень тем- N. 1.
ное мѣсто, которое достойно пространнаго разсужденія; но я не могу здѣсь плодить о томъ рѣчи. *Abest frater ἀφελέςατος, et amantissimus. Metellus non homo, sed littus, atque aër, et solitudo mera.* Оба переводчики послѣдовали * Males
догадкѣ нѣкоторыхъ искусныхъ толкователей, которые исправляютъ сіе мѣсто такимъ образомъ: *Abest frater ἀφελέςατος, et amantissimus mei. Non homo, sed littus, atque aër, et solitudo mera.* Тотъ и другой даютъ ему сей смыслъ: *Я не имѣю болѣе моего брата, которой есть наилучшій человѣкъ въ свѣтѣ, которой любитъ меня столь нѣжно, и которому я могъ открывать мои сокровеннѣйшія мысли съ толикою же безопасностію, какъ самымъ камнямъ и лугамъ пустыннымъ.*

* Malespine, Lambin, et Junius.

Я сумнюсь, чтобъ сія поправка, хотя она основывается на важности великихъ людей, могла быть принята.

1. Когда требуется перемѣнить текстъ въ какомъ нибудь писателѣ, то надлежитъ къ сему принужденнымъ быть неизбѣжимою нѣкоею и очевидною неошибнностію, чего я не нахожу здѣсь.

2. Ежели чрезъ сіи слова: *littus, atque aër et solitudo mera,* разумѣется глубокая молчали-

вость, къ которой братъ Цицероновъ былъ способенъ, то за чемъ стоитъ здѣсь *aër*? Можно ли сказать, что мы ввѣряемъ свою тайность какому нибудь человѣку *такъ какъ воздуху?* по чему оба переводчики оставили сіе слово.

3. Искалъ ли Цицеронъ молчаливаго единственно человѣка, которому бы онъ могъ ввѣрять безопасно свои сокровеннѣйшія мысли? не имѣлъ ли онъ надобности, какъ онъ самъ о томъ упоминаетъ, въ такой особѣ, которой бы разговоръ и совѣты могли умягчить его печаль и безпокойствія?

4. Сіе выраженіе *non homo* значитъ ли натурально похвалу, и хорошее качество? два переводчика довольно чувствовали затрудненіе въ семъ словѣ, и по тому его умолчали.

5. То, что слѣдуетъ, *Tu autem, qui etc. ubinam es?* показываетъ, что напередъ говорено было о многихъ особахъ. Мой братъ въ отсутствіи находится. Метеллъ для меня безполезенъ. Но вы, мой любезной другъ, гдѣ находитесь?

6. Напослѣдокъ мнѣ кажется, что текстъ, безъ всякой въ немъ перемѣны, представляетъ изрядной смыслъ. Цицеронъ прежде сказалъ, что онъ не имѣлъ ни ково, съ которымъ бы могъ разговаривать по дружески, и коему бы

могЪ открывать свои безпокойствія, чтобЪ получить какое утѣшеніе. Ибо, присовокупляетЪ онЪ, брата моего здѣсь нѣту, которой столь нѣжно меня любитЪ. ЧтожЪ касается до Метелла, то онЪ не такой человѣкЪ, котораго бы разговорЪ могЪ подать мнѣ помощь: его сотоварищество для меня есть ужасная пустыня, гдѣ видно только небо и горы каменныя. Но вы, мой любезной другЪ, вы, котораго разговорЪ и совѣты столькратно умягчали мою печаль и безпокойствія, гдѣ теперь находитесь? *Metellus non homo, ſed littus, atque aër, et ſolitudo mera. Tu autem ... : ubinam es?*

ОднакожЪ я не намѣренЪ опорочить совсѣмЪ и другова смыслу, которой можетЪ основываться на хорошихЪ причинахЪ. Я только хочу предложить свой, вЪ которомЪ за меня ручаются важные такЪ же люди. Я счелЪ, что мнѣ надлежало отЪ времени до времени полагать вЪ моихЪ разсужденіяхЪ сего рода критики, дабы укрѣпить разумЪ юношества.

Ita ſum ab omnibus deſtitutus, ut tantum requietis habeam, quantum cum uxore, et filiolâ, et mellito Cicerone conſumitur. Сіи два послѣднія слова *filiolâ et mellito Cicerone* составляютЪ всю красоту сего мѣста, по тому что они выража- N. 2.

ютъ рѣчь собственную отцу исполненному нѣжности къ любезнымъ его дѣтямъ. Не возможно, я думаю, выразить сихъ словъ на нашемъ языкѣ; (*) и оба переводчики равнымъ образомъ въ семъ отказались.

Nam illae ambitiosae nostrae fucosaeque amicitiae sunt in quodam splendore forensi, fructum domesticum non habent. Сія мысль очень изрядна, но тому что она справедлива. Г. Монголтъ перевелъ ее такъ: *сіи наружнія дружества, которыя корысть и честолюбіе соединяютъ, служатъ только къ тому, чтобъ показаться въ публичныхъ собраніяхъ съ честію, а въ домашнемъ дѣлѣ вовсе не годятся.* Два прилагательныя, которыя Цицеронъ придаетъ къ свѣтскимъ дружествамъ *ambitiosae et fucosae*, кажется не очень здѣсь исправно выражены. *Ambitiosae amicitiae* не суть дружества, *которыя корысть и честолюбіе соединяютъ*, но дружества пышныя, знатныя, церемонныя, и, какъ говоритъ г. Сентъ Реалъ, важныя и величавыя дружества. *Fucosae* значитъ такъ же нѣчто болѣе, нежели *наружнія*, и показываетъ *ложныя* дружества, которыя имѣютъ одну только пустую наружность.

(*) Въ Россійскомъ языкѣ *filiolâ & mellito Cicerone*, можно выразить сходнѣе съ подлинникомъ такъ: *доскою и Цицеронушкою.*

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА О БОЖЕСТВѢ,

взятыя изъ второй книги Цицерона о естествѣ Боговъ.

N. 15. Quartam causam affert Cleanthes, eamque vel maximam, aequabilitatem motûs, conversionem Coeli, Solis, Lunae Siderumque omnium distinctionem, varietatem, pulchritudinem, ordinem: quarum rerum aspectus ipse satis indicaret non esse ea fortuita. Ut si quis in domum aliquam, aut in gymnasium, aut in forum venerit; cum videat omnium rerum rationem, modum, disciplinam, non possit ea sine causa fieri judicare, sed esse aliquem intelligat, qui praesit, et cui pareatur: multo magis in tantis motionibus, tantisque vicissitudinibus, tam multarum rerum atque tantarum ordinibus, in quibus nihil unquam immensa et infinita vetustas mentita sit, statuat necesse est ab aliqua mente tantos naturae motus gubernari.

N. 93. Hîc ego non mirer esse quemquam, qui sibi persuadeat corpora quaedam solida atque individua vi et gravitate ferri, mundumque effici ornatissimum et pulcherrimum ex eorum corporum concursione fortuitâ? Hoc qui existimat fieri potuisse, non intelligo cur non idem putet, si innumerabiles unius et viginti formae literarum, vel aureae, vel qualeslibet aliquo coniiciantur posse ex his in terram excussis annales Ennii, ut deinceps legi possint, effici: quod nescio an ne in uno quidem versu possit tantum valere fortuna.

N. 94. Isti autem quemadmodum asseverant, ex corpusculis non colore, non qualitate aliquâ, quam ποιό-

τητα Graeci vocant, non sensu praeditis, sed concurrentibus temere atque casu, mundum esse perfectum? vel innumerabiles potius in omni puncto temporis alios nasci, alios interire? Quod si mundum efficere potest concursus atomorum, cur porticum, cur templum, cur domum, cur urbem non potest, quae sunt minus operosa, et multo quidem faciliora? Certe ita temere de mundo efficiunt, ut mihi quidem nunquam hunc admirabilem coeli ornatum, qui locus est proximus, suspexisse videantur.

N. 95. Praeclarè ergo Aristoteles: „Si essent, in„quit, qui sub terra semper habitavissent bonis & illu„stribus domiciliis, quae essent ornata signis atque pictu„ris, instructaque rebus iis omnibus, quibus abundant iis, „qui beati putantur, nec tamen exissent unquam supra „terram: accepissent autem fama et auditione, esse quod„dam numen & vim Deorum; deinde aliquo tempore, „patefactis terrae faucibus ex illis abditis sedibus evadere „in haec loca, quae nos incolimus, atque exire potuis„sent; cum repente terram, et maria coelumque vidis„sent; nubium magnitudinem, ventorumque vim cogno„uissent; aspexissentque solem, eiusque tum magnitudinem „pulchritudinemque, tum etiam efficientiam cognovissent, „quod is diem efficeret, toto coelo luce diffusa: cum au„tem terras nox opacasset, tum coelum totum cernerent „astris distinctum & ornatum, Lunaeque luminum varie„tatem tum crescentis tum senescentis, eorumque omnium „ortus & occasus, atque in omni aeternitate ratos im„mutabilesque cursus: haec cum viderent, profecto & esse „Deos, & haec tanta opera Deorum esse arbitraren„tur

N. 96. Atque haec quidem illi. Nos autem tenebras cogitemus tantas, quantae quondam eruptione Aetnaeorum ignium finitimas regiones obscuravisse dicuntur, ut per biduum nemo hominem homo agnosceret: cum autem tertio die Sol illuxisset, tum ut revixisse sibi viderentur. Quod si hoc idem ex aeternis tenebris contingeret, ut subito lucem aspiceremus, quaenam species coeli videretur! Sed assiduitate quotidiana, & consuetudine oculorum, assuescunt animi; neque admirantur, neque requirunt rationes earum rerum, quas semper vident; proinde quasi nouitas nos magis, quam magnitudo rerum debeat ad exquirendas causas excitare.

N. 97. Quis enim hunc hominem dixerit, qui, cum tam certos coeli motus, tam ratos astrorum ordines, tamque omnia inter se connexa & apta viderit, neget in his ullam inesse rationem, eaque casu fieri dicat, quae quanto consilio gerantur, nullo consilio assequi possumus? An cum machinatione quadam moveri aliquid videmus, ut sphaeram, ut horas, ut alia permulta; non dubitamus, quin illa opera sint rationis: cum autem impetum coeli admirabili cum celeritate moueri vertique videamus, constantissime conficientem vicissitudines anniversarias cum summa salute & conservatione rerum omnium; dubitamus, quin ea non solum ratione fiant, sed etiam excellenti diuinaque ratione.

N 15. La quatrième preuve de Cleanthe, & la plus forte de beaucoup, c'est le mouvement réglé du Ciel, & la distinction la variété,

Ч. 15. Четвертое, и сильнѣйшее доказательство * Клеанѳа, есть правильное движенїе неба, и отдѣленїе, разность,

* Чтобъ показать, что лю-

ди имѣютъ нѣкоторое понятіе о бытіи Боговъ.

la beauté, l'arrangement du Soleil, de la Lune, & de tous les Astres. Il n'y a qu'à les voir pour juger que ce ne sont pas des effets du hazard. Comme quand on entre dans une Maison, dans un Collége, dans un Hôtel de ville, d'abord l'exacte discipline, & la sage économie qui s'y remarquent, font bien comprendre qu'il y a-là quelqu'un pour comman-der & pour gouverner: de-même, & à plus forte raison, quand on voit dans une si prodigieuse quantité d'Astres une circulation ré-guliére, qui depuis un tems infini ne s'est pas démentie un seul instant, c'est une nécessité de convenir qu'il y a quelque intelligence pour la régler.

красота, порядокъ Солнца, Луны, и всѣхъ звѣздъ. Надлежитъ только на нихъ взглянуть, чтобъ увѣриться, что они не суть произшествіями случая. Когда кто входитъ въ домъ, въ коллегію, въ ратушу, то за разъ исправной порядокъ, надлежащій присмотръ, и благоразумное домоправительство, которыя тамъ примѣчаются, даютъ знать, что есть кто нибудь такой, которой повелѣваетъ и управляетъ; кольми паче когда видно бываетъ въ толь чудномъ множествѣ свѣтилъ небесныхъ правильное теченіе, которое отъ безпредѣльнаго времени не перемѣнялось ни на одну минуту, надлежитъ признаться, что есть нѣкоторой умъ, которой онымъ управляетъ.

N. 93. Ici ne dois je pas m'étonne qu'il y ait un homme qui ſe perſuade, que de certains corps ſolides & indiviſibles ſe meuvent eux mêmes par leur poids naturel, & que de leur concours fortuir s'eſt fait un Monde d'une grande beauté? Quiconque croit cela poſſible, pourquoi ne croiroit-il pas que ſi l'on jettoit à tere quantité de caractères d'or, ou de quelque matière que ce fût, qui repréſentaſſent les vingt & une lettres, ils pourroient tomber arrangés dans un tel ordre, qu'ils formeroient liſiblement les Annales d'Ennius? Je doute ſi le hazard rencontreroit aſſez iuſte pour en faire un ſeul vers.

Ч. 93. Здѣсь не долженъ ли я дивиться такому человѣку, которой можетъ себя увѣрить въ томъ, что нѣкоторыя твердыя и недѣлимыя тѣла движутся сами собою посредствомъ ихъ естественной тягости, и что изъ ихъ послучайнаго соединенїя сдѣлался мїръ чрезвычайной красоты? Всякъ, кто считаетъ сїе за возможное, для чегобъ не повѣрилъ такъ же и тому, что естьлибъ кто бросать сталъ на землю множество золотыхъ или другихъ какихъ характеровъ, которые бы представляли двадцать одну литеру, тобъ они могли пасть въ такомъ порядкѣ, чтобъ составили явственно Лѣтописи Еннїя? Я сумнюсь, чтобъ случай попался столь исправенъ, чтобъ здѣлалъ изъ оныхъ хотя одинъ стихъ.

N. 94. Mais ces gens là comment assurent-ils que des corpuscules, qui n'ont point de couleur; point de qualité, point de sens, qui ne font que voltiger témérairement & fortuitement, ont fait ce Monde ci, ou plutôt en font à tout moment d'innombrables, qui en remplit cent d'autres? Quoi, si le concours des atomes peut faire un Monde, ne pourroit-il pas faire des choses bien plus aisées, un Portique, un Temple, une Maison, une Ville? Je crois en vérité que des gens qui parlent si peu sensément de ce Monde, n'ont jamais ouvert les yeux pour contempler les magnificences célestes dont je traiterai dans un moment.

N. 95. Aristote dit très-bien: „Supposons des hom-

Ч. 94. Но какъ сіи люди утверждаютъ, что маленькія тѣла, которыя не имѣютъ ни цвѣту, ни качества, ни чувства, которыя летаютъ безразсудно и послучайно, здѣлали сей міръ, или еще дѣлаютъ всеминутно безчисленные, которые входятъ на мѣсто другихъ? Какъ! естьли бы соединеніе несѣкомыхъ тѣлъ могло здѣлать міръ, то не могло либъ оно здѣлать удобнѣйшія вещи, каковы суть галлерея, храмъ, домъ, городъ? Я дѣйствительно думаю, что люди, которые говорятъ столь малосмысленно о семъ мірѣ, не открывали никогда глазъ своихъ, чтобъ разсмотрѣть небесныя великолѣпія, о которыхъ я разсуждать буду немедлѣнно.

Ч. 95. Аристотель говоритъ весьма изрядно:

„mes qui euſſent toujours „habité ſous terre dans de „belles & grandes maiſons, „ornées de ſculptures & de „tableaux; fournies de tout „ce qui abonde chez ceux „que l'on croit heureux. „Suppoſons que ſans être „jamais ſortis de-là, ils eu- „ſſent pourtant entendu par- „ler des Dieux, & que tout „d'un coup la terre venant „à s'ouvrir, ils quittaſſent „leur ſéjour ténebreux pour „venir demeurer avec nous. „Que penſeroientils, en dé- „couvrant la Terre, les „Mers, le Ciel? En conſi- „dérant l'éten ue des nuées, „la violence des vents? En „jettant les yeux ſur le So- „leil; en obſervant ſa gran- „deur, ſa beauté, l'effuſion „de ſa lumiére qui éclaire „tout? Et quand la nuit „auroit obſcurci la Terre, „que diroient ils en contem- „plant le Ciel tout parſemé „d'Aſtres differens? En re- „marquant les variétés ſur-

„Представимъ себѣ лю- „дей, которые жили всег- „да подъ землею въ пре- „красныхъ и великихъ „домахъ, убранныхъ рѣз- „бами и картинами, на- „полненныхъ всѣмъ тѣмъ, „чѣмъ изобилуютъ сча- „стливцы. Положимъ, „что ни когда оттуда „не выступая они слы- „шали однакожъ о Богахъ, „и что по мгновенномъ „отверстїи земли они „оставили ихъ мрачное „обиталище, чтобъ жить „съ нами. Что бы такое „они подумали, откры- „вая глазами своими зем- „лю, моря, небо, разсуж- „дая пространство обла- „ковъ, сильное стремле- „нїе вѣтровъ, взирая на „солнце, примѣчая его „величество, красоту, „испущенїе свѣта, кото- „рой все осїяваетъ, и „когда бы ночь помрачи- „ла землю, то что бы „они сказали, оглядывая

„prenantes de la Lune, ſon „croiſſant, ſon décours? En „obſeruant enfin le lever & „le coucher de tous ces „Aſtres, & la régularité inviolable de leurs mouvemens, pourroientils douter „qu'il n'y eût en effet des „Dieux, & que ce ne fût-„là leur ouvrage?

„небо усыпанное различ-„ными свѣтилами; за-„мѣчая чудныя перемѣн-„ности луны, ея нарож-„денїе, и истощенїе; при-„сматривая наконецъ „всхожденїе и захожденїе „всѣхъ оныхъ свѣтилъ, „и ненарушимую правиль-„ность ихъ движенїя? „Могли либъ они сум-„ниться о томъ, что „есть въ самомъ дѣлѣ „Боги, и что ето все „ихъ дѣло?

N. 96. Ainſi parle Ariſtote. Figurons nous pareillement d'épaiſſes ténébres, ſemblables à celles dont le Mont Etna, par l'irruption de ſes flammes, couvrit tellement ſes environs, que l'on fut deux jours, diton, ſans pouvoir ſe connoître; & que le troiſième voyant reparoître le Soleil, on ſe croyit reſuſcité. Si nous ſortions d'une éternelle nuit, & qu'il nous arrivât de voir la lumière pour la premié-

Ч. 96. Такимъ образомъ изъясняется Аристотель. Вообразимъ еще себѣ густой мракъ подобной тому, которымъ гора Этна чрезъ изверженїе пламени покрыла свои окольности такъ, что чрезъ два дни люди не могли другъ друга разпознавать; и что въ третїй видя солнце, опять появившееся, почли себя воскресшими. Естьлибъ мы вышли изъ вѣчной ночи; естьлибъ

re fois, que le Ciel nous paroîtroit beau! Mais parce que nous sommes faits à le voir, nos esprits n'en sont plus frappés, & ne s'embarrassent point de rechercher les principes de ce que nous avons toujours devant les yeux. Comme si c'étoit la nouveauté, plutôt que la grandeur des choses, qui dût exciter notre curiosité.

намъ случилось увидѣть свѣтъ въ перьвой разъ, то сколь бы небо показалось намъ прекрасно! Но понеже мы здѣланы съ тѣмъ, чтобъ смотрѣть на оное, то наши умы болѣе тѣмъ не трогаются, и не безпокоятся искать причинъ того, что мы всегда имѣемъ передъ глазами, какъ будто бы новость а не величество вещей долженствовала возбуждать наше любопытство.

N. 97. Est ce donc être homme, que d'attribuer non à une Cause intelligente, mais au hazard, les mouvemens du Ciel si certains, le cours des Astres si régulier, toutes choses si bien liées ensemble, si bien proportionnées, & conduites avec tant de raison, que notre Raison s'y perd elle même: quand nous voyons des machines qui se meuvent artificiellement, une sphère,

Ч. 97. И такъ значитъ ли ето быть человѣкомъ, чтобъ приписывать не разумной причинѣ, но случаю движенія неба столь вѣрныя, теченія звѣздъ столь правильныя, всѣ вещи столь хорошо связанныя между собою, столь хорошо соразмѣренныя, и управляемыя съ толикимъ разумомъ, что самой нашъ разумъ въ нихъ заблуж-

une horloge, & autres semblables, nous ne doutons pas que l'esprit n'ait eu part à ce travail. Douterons nous que le Monde soit dirige, je ne dis pas simplement par une Intelligence, mas par une excellente, par une divine Intelligence. Qvand nous voyons le Ciel se mouvoir avec une prodigieuse vîtesse, & faire succéder annuellement l'une à l'autre les diverses saisons, qui vivifient, qui conservent tout?

дается? Когда мы видимЪ машины, которыя движутся искуствомЪ, сферу, часы и другія симЪ подобныя, то не сумнимся, чтобЪ разумЪ не имѣлЪ участія вЪ семЪ трудѣ. МожемЪ ли мы сумниться, что мірЪ управляется, я не говорю просто, умомЪ, но умомЪ, превосходнымЪ, умомЪ БожественнымЪ; когда мы видимЪ движущееся сЪ непостижимою скоростію и ежегодно перемѣняющее одно на мѣсто другова различныя времена, которыя оживляютЪ и сохраняютЪ все?

РАЗСУЖДЕНІЯ.

Когда мы читаемЪ сей переводЪ г. Аббата Оливета, то думаемЪ, что мы читаемЪ подлинникЪ. Все вЪ немЪ гладко и чисто. Сила и красота Латинскаго текста выражены тутЪ сЪ такою вѣрностію, которая не имѣетЪ ничего насильнаго, ничего принужденнаго. По крайней мѣрѣ мнѣ такЪ ка-

жется. Опасеніе, чтобЪ не наскучить многоръчіемЪ, не позволяетЪ мнѣ говорить пространно о томЪ, чтобЪ можно было найти достопамятнаго: я только учиню нѣсколько легкихЪ примѣчаній.

Коллегія. Мнѣ кажется, что сіе слово вЪ нашемЪ языкѣ подаетЪ другое понятіе, нежели вЪ ЛатинскомЪ *Gymnasium*, вЪ коемЪ оно обыкновенно значитЪ мѣсто тѣлесной екзерциціи. N. 15.

Ратуша. Я довольно знаю, что такимЪ образомЪ выражено *forum* за недостаткомЪ другова слова, которое бы имѣло сходствіе сЪ нашими обыкновеніями. Не можетЪ ли значить здѣсь *forum* такова мѣста, вЪ которомЪ судЪ производился, мѣста, гдѣ отправлялись собранія народныя, и гдѣ слѣдовательно надлежало быть нѣкоторому порядку и чиноположенію? Ibid.

Повелѣваетъ и управляетъ. Сіи два слова значатЪ почти тожЪ самое. ПодлинникЪ гласитЪ болѣе: *esse aliquem intelligat, qui praesit, & cui pareatur*: что есть кто нибудь, который управляетЪ, и заставляетЪ себѣ повиноваться. Ибо можно повелѣвать, и не находить повиновенія. Ibid.

Ibid. *Отъ безпредѣльнаго времени.* Я счелъ, что для сохраненія доказательству здѣсь предлагаемому всей красоты, я могъ поставить сіе выраженіе на мѣсто того, которое употребилъ переводчикъ, *отъ вѣчности*; тѣмъ наипаче, что Латинскія слова оставляютъ мнѣ въ томъ вольность: *immenſa & infinita vetuſtas.*

N. 94. *Которые не имѣютъ чувства, de ſens.* Сіе выраженіе сумнительно. Оно можетъ значить *чувства*, какъ на примѣръ зрѣніе, слухъ и протчая, и *смыслъ* или *разсужденіе.* Не яснѣе либъ было поставить, *которыя не имѣютъ чувствія, de ſentiment?*

Ibid. *Летать безразсудно, temerairement.* Я сумнюсь, чтобъ сіе слово на Французскомъ языкѣ могло значить *безъ разбору* или *на случай*, такъ какъ *temere* на Латинскомъ.

N. 97. *И столь хорошо соразмѣренныя.* Я не охуждаю сего переводу, но не знаю, хорошо ли онъ здѣсь выражаетъ силу подлиннаго слова. Ибо *aptus*, кромѣ обыкновеннаго означенія, которому переводчикъ по видимому слѣдовалъ, имѣетъ другое лучшее и красивѣйшее, которое есть *conjunctus*, *alligatus*, на примѣръ: *fulgentem gladium e lacunari, ſetá equina aptum, demitti juſſit.* Cic. *Non ſane optabilis iſta*

quidem est apta rudentibus fortuna. Сіе. Но въ семъ мѣстѣ *aptus* безъ сумнѣнія имѣетъ послѣднее означеніе. *Tamque omnia inter se connexa & apta.* Переводчикъ отнесъ сіи слова къ двумъ предъидущимъ членамъ, вмѣсто того, что они надлежатъ вообще до всѣхъ другихъ движеній неба.

И управляемыя съ толикимъ разумомъ, что самой нашъ разумъ въ нихъ заблуждается. Сей переводъ очень удачливъ. Онъ выражаетъ всю силу Латинской рѣчи, и не уступаетъ ей въ красотѣ: *quae quanto consilio gerantur, nullo consilio assequi possumus.*

Ничто не можетъ быть полезнѣе молодымъ людямъ, для перенятія правилъ и красотъ Французскаго языка, какъ то, чтобъ заставлять ихъ переводить подобныя мѣста изъ писателей, и сравнивать по томъ ихъ переводы съ переводами искусныхъ людей, которые въ рукахъ находятся, присовокупляя къ тому нужныя разсужденія. Сія екзерциція удобна въ разсужденіи тѣхъ, которыхъ особенно учатъ, и не совсемъ не возможна въ разсужденіи обучающихся въ коллегіи. Ибо когда такія матеріи переводовъ предлагаются изрѣдка, и выбираются изъ различныхъ книгъ, то трудно учени-

камъ имѣть всѣ сїи книги: въ прочемъ не всегда имъ удобно отгадывать, изъ какова писателя оныя матерїи взяты. Можно такъ же бываетъ въ классахъ заставить иногда учениковъ переводить такїя мѣста въ присутствїи учителя, хотя живымъ голосомъ, хотя писменно, и вмѣсто исправленїя ихъ ѳемъ въ оные дни назначать имъ сей трудъ, которой не очень болѣе требуетъ времени, и которой несказанно для ихъ будетъ полезенъ.

Не худо при томъ для ихъ будетъ читать имъ нѣкоторыя мѣста неисправныхъ переводовъ, съ тѣмъ, чтобъ они сообщали свое объ нихъ разсужденїе, замѣчали погрѣшности, и естьли можно, исправляли ихъ въ тотъ же часъ.

Я положу здѣсь для примѣру одно мѣсто взятое изъ разсужденїя Цицеронова называемаго *Brutus*, гдѣ упоминается о Запискахъ Кесаря. *Tunc Brutus: orationes quidem eius (Caesaris) mihi vehementer probantur; complures autem legi. Atque etiam commentarios quosdam scripsit rerum suarum: valde quidem, inquam, probandos: nudi enim sunt, recti, & venusti, omni ornatu orationis, tanquam veste, detracto. Sed dum voluit alios habere parata, unde sumerent, qui vellent; scribere historiam, ineptis gratum fortasse fecit, qui volent illa*

In Bruto sev de clar. Orator.

calamistris inurere: sanos quidem homines a scribendo detterruit. Nihil enim est in historia, pura & illustri breuitate dulcius.

Вотъ какъ г. Абланкуртъ перевелъ сїе мѣсто въ своемъ предисловїи къ Запискамъ Кесаревымъ. *Онъ оставилъ, говоритъ Брутъ, записки, которымъ не можно достойной положить цѣны. Онѣ написаны безъ прикрасы и искуства и не имѣютъ ни малаго убранства, такъ какъ бы покрывала. Но хотя онъ ихъ здѣлалъ съ тѣмъ только, чтобъ онѣ служили матерїею другимъ, которые пожелаютъ писать исторїю: однакожъ сїе не можетъ прельстить, какъ только мѣлкїе разумы, которые не преминутъ оныя прикрашать. Ибо чрезъ то онъ принудилъ бросить перо изъ рукъ всѣхъ честныхъ людей, которые бы пожелали за него взяться.*

Въ семъ переводѣ есть слабыя мѣста и нѣсколькїя погрѣшности противъ смыслу, которыя ученики хоть не много усилившїеся и уже нѣсколько упражнявшїеся въ Латинскомъ языкѣ, удобно примѣтятъ.

Nudi sunt, recti, & venusti, мнѣ кажется не очень вѣрно изъяснено сими словами, *онѣ написаны безъ прикрасы и искуства*, которыя не показываютъ, что сїя простота

означенная перьвыми двумя словами, *nudi*, *recti*, имѣетъ много пріятности и красоты, *venusti*.

Но переводчикъ совсемъ не выразумѣлъ сихъ словъ: *omni ornatu orationis, tanquam veste, detracto*, которыя однакожъ составляютъ великую красу сего мѣста, *не имѣютъ ни малаго убранства, такъ какъ бы покрывала.* Сравнивалось ли когда нибудь убранство съ покрываломъ? Свойство сего послѣдняго есть то, чтобъ таить, прятать, укрывать; а убранство, которое есть какъ бы одежда рѣчи, служитъ напротивъ того къ показанію и уваженію ея красоты. И такъ смыслъ сего мѣста есть тотъ, что записки Кесаря сочинены простымъ и непритворнымъ штилемъ, но не взирая на то, что не имѣютъ ни малаго убранства и прикрасы, онѣ исполнены суть пріятности и изрядства.

Сіе не можетъ прельстить какъ только мѣлкіе разумы и проч. Подлинникъ и здѣсь опять неисправно выраженъ. *Ineptis gratum fortasse fecit.* Намѣреніе Кесаря въ сочиненіи его записокъ было то, чтобъ онѣ служили матеріею тѣмъ, кои захотятъ составлять изъ нихъ настоящую исторію. Въ семъ, говоритъ Брутъ, онъ здѣлалъ можетъ

быть угожденіе мѣлкимъ разумамъ, кои не устрашатся портить безпритворныя ихъ пріятности прикрасою и убранствомъ, которое къ нимъ присовокупятъ.

Я не знаю, къ стати ли здѣсь сіе выраженіе, *всѣхъ честныхъ людей: sanos quidem homines a scribendo deterruit.* Когда говорится о сочиненіи и о произведеніяхъ разума, то не бываетъ нужды *въ честныхъ людяхъ, но въ людяхъ разумныхъ, въ смысленныхъ писателяхъ.*

Такая критика, чинимая съ умѣренностію, и съ требованіемъ напередъ мнѣнія у молодыхъ людей, послужитъ, мнѣ кажется, отмѣннымъ образомъ не только къ тому, чтобъ научить ихъ языку, но и еще къ утвержденію ихъ разсужденія.

§ IV. Когда молодые люди будутъ въ состояніи слагать что нибудь сами, то надобно будетъ ихъ екзерцитовать во Французскомъ сочиненіи, и начинать тѣмъ, что удобнѣе и сходственнѣе съ ихъ понятіемъ, каковы суть басни, и историческія повѣсти. Они такъ же должны заблаговременно пріучаться къ письменному штилю, которой находится во всеобщемъ употребленіи у людей всякаго возраста и состоянія, и

О сочиненіи.

въ которомъ однакожъ немногіе успѣваютъ, не смотря на то, что простой и натуральной видъ, которой кажется очень удобною вещію, долженствуетъ составлять главное его украшеніе. Не надлежитъ допускать, чтобъ они не знали тѣхъ благопристойностей, которыя должны наблюдаться въ разсужденіи качества и чину особъ, къ которымъ пишутъ; оныя можно безъ трудности перенять отъ другихъ, когда кто не извѣдалъ ихъ самъ собою (*a*).

За сими первыми сочиненіями слѣдовать будутъ мѣста общія, описанія, малыя разсужденія, краткія рѣчи, и прочее сему подобное. Важность дѣла въ томъ состоитъ, чтобъ выбирать оныя всегда изъ хорошаго какова нибудь писателя, котораго имъ читать будутъ въ послѣдствіи, и которой имъ послужитъ образцомъ. Я приведу на сіе нѣсколько примѣровъ.

(*a*) *Чтеніе исправныхъ образцовъ бываетъ еще великимъ вспоможеніемъ, и въ нихъ нѣтъ недостатку. Ришелетъ издалъ изрядное собраніе въ семъ родѣ, которое содержитъ всякія матеріи. Самое лучшее изданіе есть то, которое показалось въ Амстердамѣ 1755 году въ II томахъ. Оно довольное имѣетъ дополненіе.*

Но одна изъ полезнѣйшихъ екзерцицій для молодыхъ людей, которая походитъ нѣсколько на оба рода писанія, о коихъ я сказалъ, то есть, на переводъ и сочиненіе, есть та, чтобъ предлагать имъ нѣкоторыя выборныя мѣста изъ Греческихъ и Латинскихъ писателей, не съ тѣмъ, чтобъ дѣлать изъ нихъ простые переводы, въ которыхъ привязываются къ писателю, но чтобъ оныя перевертывать по своему маneру, оставляя имъ свободу прибавлять къ нимъ, или отметать то, что они за нужное почтутъ. На примѣръ житіе Агриколы, сочиненное Тацитомъ его зятемъ, есть наилучшій остатокъ древности какъ для живости выраженія, такъ для изрядства и благородности мыслей; и я не знаю, есть ли другое сочиненіе способнѣйшее къ наставленію мудраго правителя, интенданта провинціи, искуснаго политика. Я бы охотно къ тому присовокупилъ удивительное письмо Цицерона къ Квинту его брату. Я имѣлъ обыкновеніе заставлять исправныхъ учениковъ при выходѣ изъ риторики сочинять на Французскомъ языкѣ во время вакаціи житіе Агриколы, и говорилъ имъ, чтобъ они вмѣстили въ немъ всѣ красоты подлинника; но такъ, чтобъ ихъ сдѣлали своими собствен-

ными, давъ имъ новой видъ, и чтобъ старались, естьли только еще возможно было, присовокупить иногда что нибудь, чего нѣтъ у Тацита. Я видѣлъ, что многїе въ томъ успѣли удивительнымъ образомъ, и думаю, что превосходнѣйшїе знатоки въ нашемъ языкѣ не были бы ихъ дѣломъ недовольны.